

**На
боевом
посту**

ЖУРНАЛ

ВН

112
9'90

ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

Ош: снова жертвы

Куда ведет «Саюдис»?

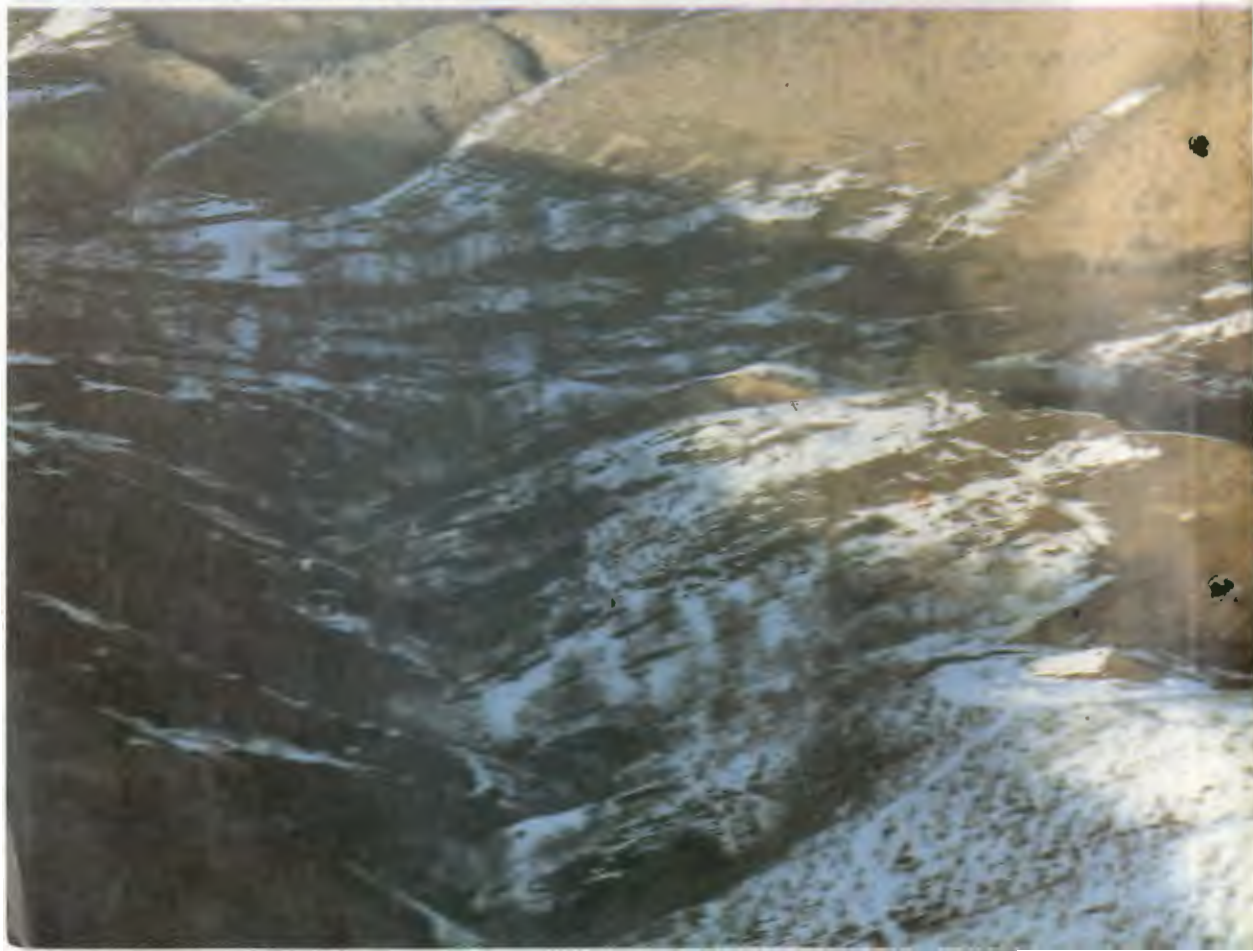
Агама Кристи. Эриманфский вепрь

В ЯНВАРЕ ПОД АЗАДОМ

Загрохотали
выстрелы на улицах
села, стал красным от
крови выпавший ночью
снег...

Материал о подвиге
воинов внутренних
войск «В январе под
Азадом» читайте
в этом номере.

**ГРУППА
КАПИТАНА
С. ОСЕТРОВА
ПРИНЯЛА
БОЙ**

СЕРГЕЙ ОСЕТРОВ

АЛЕКСАНДР МОРОЗ

ВЯЧЕСЛАВ ФЕДОТОВ

АЛЕКСЕЙ ПРИЖИМКИН

За нашу Советскую Родину!

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
ВНУТРЕННИХ
ВОЙСК
МВД СССР**

9'90

Издается с 1958 г.

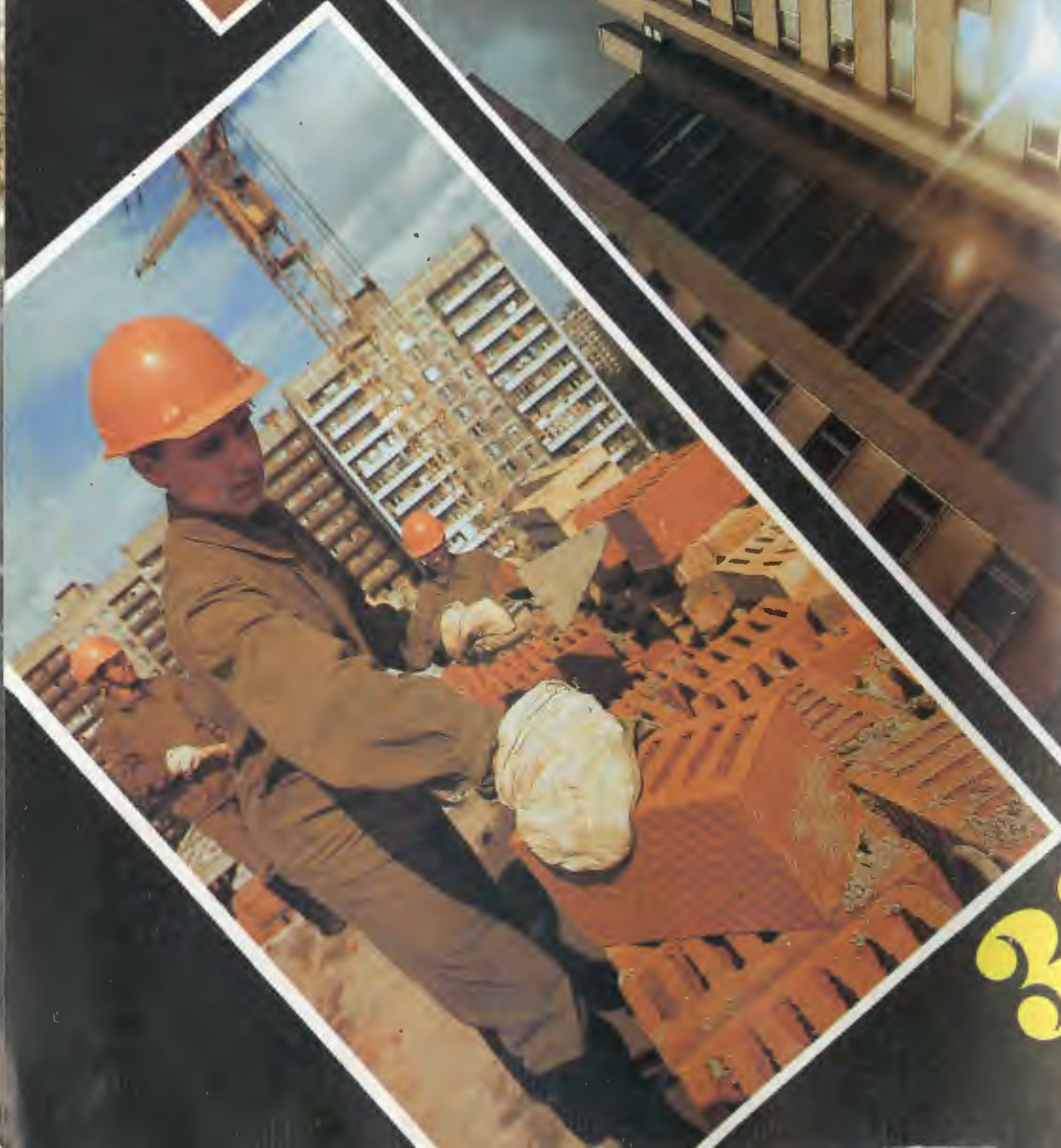
Главный редактор
А. Г. ГОРЛОВ.

Редакционная
коллегия:

В. В. АСТАШИН,
В. В. БАРСУКОВ,
Б. Р. БОРУКАЕВ,
В. И. БУСЫГИН
(ответственный
секретарь),
Ю. В. ДУРНЕВ,
Н. М. ЗАХАРЧЕНКО,
А. П. КОТЛЯРОВ,
И. Т. КОЗЛОВ,
В. Ф. КУЗЬМЕНКО,
Г. А. МАЛЮШКИН,
Е. А. НЕЧАЕВ,
Л. А. ПАНКРАТОВ,
Л. Н. ПЕЧЕВОЙ,
Ю. Л. РАЖЕВ
(зам. главного
редактора),
А. С. СОКК,
П. А. СТУДЕНИКИН,
В. Н. УСКОВ
(зам. главного
редактора),
В. А. ШОШИН.

■ НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ
ОБЛОЖКИ: рукопашный бой
— основа основ в подготов-
ке воинов внутренних войск.
С реальной опасностью они
встречаются лицом к лицу.

Фото П. САЛЬКОВА.

32

взрывать. Да душа к этому
не лежит. Куда как радость
нее строить. Возводить за
этажом этаж здания, а ко-
торых люди будут жить
учиться, творить...

Бережно подхватывает
мирлица сержант Игорь Озе-
ров. Вот это и не кир-
пичи бо. а бутанки эле-
ба. Впрочем, в ряду извеч-
ных человеческих ценнос-
тей любовь и дом всегда сто-
ят рядом.

Этажом — этаж

Солдат инокон веков сла-
вился мастерством на все
руки. Он, как говорится, и
швел, и жиец... А вот по-
требовалось, и взял в руки
мастерок, и взял в руки по-
инструмент, и другом
ный для того, чтобы стро-
ить, а не разрушать. И хоть
солдату по назначению его
надлежит уметь стрелять и

ФОТО Б. БУЛГАКОВА.

ФОТО Б. БУЛГАКОВА.

За этажом -этаж

Еще не отпала необходимость оберегать наши ценности и, если понадобится, защищать. А значит — солдат и в этом деле должен быть мастером. Учится он ратному делу, но при всем при том предпочитает строить.

ЧТО ПОКАЗАЛ СЪЕЗД

Интервью члена Президентского совета СССР, члена ЦК КПСС, министра внутренних дел СССР генерал-лейтенанта В. В. БАКАТИНА редакциям журналов «Воспитание и правопорядок», «Советская милиция», «На боевом посту»

— Вадим Викторович, первое, что хотелось бы спросить: какой след XXVIII съезд оставил в вас, в чем оправдал ваши ожидания и в чем — нет?

— Впечатления от съезда очень сложные. Особенно в начальный период работы, когда, казалось, начинали сбываться самые худшие опасения в отношении его характера как форума, выражаясь традиционным языком, правых, консервативных, догматических сил в партии. Основания для этого были. Достаточно вспомнить, какие бурные аплодисменты срывали ораторы, предававшие анафеме перестроечные процессы и далеко не в парламентских выражениях отзывавшиеся о деятельности реформаторов из числа иных партийных руководителей. Да и само их желание баллотироваться на пост заместителя Генерального секретаря наводило на вполне определенные размышления...

Впрочем, по мере того, как съезд, так сказать, левел, ощущение тревоги постепенно рассеивалось. Как бы то ни было, Михаилу Сергеевичу Горбачеву, мне кажется, удалось направить съезд в нормальное русло. Нужны были решения, которые позволили бы партии стать на путь прогрессивных реформ. Ведь сегодня подавляющему большинству коммунистов ясно, что правый догматизм, который долгие годы тянул партию и общество назад, сковывал энергию, инициативу, творчество, будущего не имеет. Это мертвое дело. Если партия будет и дальше придерживаться старого подхода, следовать тому направлению, которое давно себя исчерпало, которое наглядно показало, что ни к чему, кроме как к застою, привести не может, она обречена.

Съезд и был призван утвердить в партии здоровые начала, консолидировать демократические силы, выступающие за перестройку. Поэтому меня, да и многих других коммунистов взволновал и обеспокоил выход из партии Бориса Николаевича Ельцина и ряда других товарищей, придерживающихся прогрессивных взглядов. Это очень опасная тенденция, поскольку

с уходом таких людей в партии укрепляются позиции приверженцев прежнего курса.

— Совершенно очевидно, что отсутствие единства в среде сторонников демократических преобразований ведет не только к консолидации антиперестроечных сил в партии, но и к нарастанию в обществе антикоммунистических настроений. Не секрет, что сегодня в стране поднял голову антикоммунизм.

— Да. Причем самый махровый, самый примитивный. Впрочем, антикоммунизм никогда и не был сложным. У него не было и нет конструктивного начала, одно отрицание: «вон!», «прочь!», «долой!» и так далее. Очень просто все отрицать. Можно заявить: «Я в бога не верю», «Я в коммунизм не верю». Но ты скажи, во что веришь, к чему ведешь. Думаю, антикоммунизм нельзя победить запретами и репрессиями. Путь борьбы с ним один — создание более привлекательной для широких масс программы, такой идеологии, которая была бы близка и созвучна настроениям и чаяниям большинства людей. Опасность нынешнего периода в том и состоит, что у нас пока нет такой четкой, ясной, привлекательной программы. Конечно, принятое на съезде заявление содержит ее элементы, но, подчеркну, только элементы, только крупинцы необходимых перемен. И в то же время там есть старые, обветшалые, набившие оскомину «измы», которые уже едва ли кого за собой позовут, но которыми мы — по традиции, что ли? — как фиговыми листочками пытаемся прикрыться. Впрочем, такое сочетание нового со старым и есть главная особенность нынешнего переходного периода, когда в партии развернулась борьба за обновленную программу. И тут еще раз хотел бы подчеркнуть, что выиграть эту борьбу демократическим силам поможет не уход, не раскол, а упрочение позиций радикалов.

— Вадим Викторович, а что можно сказать об организации работы съезда? Насколько полно, на ваш взгляд, на нем был представлен спектр мнений коммунистов?

Какие возможности имелись у делегатов для выражения своих позиций!

— Я очень доволен, что находился на съезде в составе Московской делегации. Она сидела на балконе. Очень со многими познакомился. Встретил множество интереснейших, прогрессивно настроенных людей. Тем более вызывало чувство неудовлетворения определенное, что ли, бессилие делегатов. Пять тысяч человек, пять тысяч мнений. Сгусток интеллекта партии... Было и обидно и досадно, что механизм реализации этого мощнейшего интеллектуального потенциала у нас совсем не отработан. Хотя демократия на съезде, что называется, была ключом и даже лилась через край!

Впрочем, можно ли считать ее проявлениями стоящие в зале крики, шум, гам? Да и оскорбительный тон некоторых выступлений тоже, наверное, не следует относить к великим завоеваниям демократии. Думается, в данном случае уместнее говорить об отсутствии у людей должной культуры.

Взять хотя бы выдвижение делегатов на те или иные посты в партии. Ведь это происходило спонтанно. Никто серьезно кандидатуры не рассматривал. Допустим, надо кого-то избрать на должность второго лица в партии, заместителя Генерального секретаря. У меня сложилось такое впечатление, что если бы нашелся какой-нибудь хороший краснойбай с симпатичной внешностью, конъюнктурщик, который четко улавливает, на чем можно сорвать аплодисменты, что сегодня публике нравятся, какие лозунги ей по душе, то, глядишь, выступил бы—и мог бы победить на выборах. Совершенно очевидно, что кандидатуры должны заранее обсуждаться—в том числе и на уровне делегаций.

— Судя по тому, как освещалась работа съезда в средствах массовой информации, обстановка там была довольно нервной. Помимо всего прочего, ее накаляли и разного рода инсинуации. Вспомните хотя бы историю с появлением материалов, порочащих Александра Николаевича Яковлева. Что вы об этом думаете!

— Это была самая настоящая провокация. Если говорить о Яковлеве по существу, то это очень прогрессивный, порядочный человек, у которого свое видение марксизма—не догматическое, а проникнутое пониманием современных реалий. И тут я с ним солидарен. Мы не должны все делать с оглядкой на тот марксизм, который существовал при классическом капитализме середины прошлого века. Сегодня мир сдвинулся в другую сторону, капитализм—другой. Александру Николаевичу принадлежит рукопись, которая, по-моему, так и называется «Мое видение марксизма». Он немного мне рассказывал о ней, и я в принципе разделяю изложенные там взгляды. А неприглядная история, получившая столь скандальную известность, началась после того, как, выступая перед молодежной аудиторией, Яковлев, человек очень открытый, сказал, что, дескать, если сейчас опубликует эту рукопись, то его повесят на первой осине. Конечно, он

имел в виду только то, что взгляды, которые он высказывает в своей работе, многим непривычны. Ведь все мы—дети своего времени, как говорится, с молоком матери впитывали в себя прописные истины. Поэтому новые идеи утверждаются не так быстро и просто... Вот такую вещь сказал—и на него обрушился шквал негодования, посыпались вопросы. Один делегат, человек военный, прямой, поинтересовался, что называется, в лоб: что это за видение марксизма, за которое можно повесить, и кто вешатели? Что тут ответить... А потом кто-то, преследуя вполне определенные цели, состряпал материал, якобы передающий суть разговора Яковлева с молодыми коммунистами. Авторы текста следовали известному принципу: что-то правда, что-то полуправда, что-то совсем неправда... А в итоге получилась откровенная фальшивка, которая и была распространена среди делегатов. На съезде образовали комиссию, которой поручили разобраться, откуда, так сказать, растут ноги. Разобраться не разобрались, но было констатировано, что материал сфабрикован и содержащаяся в нем информация недостоверна. Вот, собственно, и все, тем и закончилась предпринятая правыми силами атака на Яковлева.

— Вадим Викторович, что вы можете сказать о нынешнем составе Центрального Комитета партии! Отличается ли, на ваш взгляд, он от состава съезда по социальным признакам, уровню образования!

— Я голосовал за этот состав. Ни одного кандидата не вычеркнул, сложил список и проголосовал. Что с того, что мне кто-то симпатичен, а кто-то не нравится? Надо, чтобы в Центральном Комитете работали люди разных взглядов. Чем больше мнений, чем напряженнее дискуссия, тем взвешеннее решения. Так что это вообще неплохо. Хуже, когда застой, когда каждый старается отмолчаться. Что же касается состава ЦК, то, думаю, он в общем-то отражает состав съезда. Ведь кандидаты в ЦК выдвигали делегации.

Большую неудовлетворенность лично у меня вызвала доминирующая в сознании многих делегатов иллюзия необходимости борьбы за сохранение единства КПСС путем недопущения ее построения по принципу союза компартий. Это проявилось в отношении к Силлари. Обратил внимание, Бурюквичюс в ЦК представляет КПЛ на платформе КПСС, а Силлари—КПЭ на самостоятельной платформе. В состав ЦК Силлари все-таки вошел, но против него очень многие резко выступали и пытались не допустить его избрания. А выход из этого положения, мне представляется, есть очень простой: компартии республик должны стать самостоятельными. КПСС же следовало бы трансформироваться в союз компартий. К сожалению, многие еще не готовы к такому решению и делают вид, что стоят за сохранение КПСС, а на самом деле таким путем ее разваливают.

— Вадим Викторович, можно ли, по вашему мнению, сделать вывод, что после XXVIII съезда партии реальная власть в стране перешла от Политбюро ЦК КПСС к Верховному Совету СССР, при том, что

Генеральным секретарем стал Президент!

— Можно и нужно. И вообще это совершенно правильное разделение власти. Есть государство. Через механизм демократии осуществляется народовластие, выбираются законодательные, исполнительные органы, осуществляющие законодательную и исполнительную власть. Тут вопросов нет. Партия занимается теоретической работой и политической деятельностью в массах. Основная ее цель — организовывать массы, добиваться, чтобы ее поддерживали на выборах. Хотел бы поспорить с бытующей у нас точкой зрения, что именно на этом этапе необходимо совмещение должностей Генерального секретаря и Президента. Я придираюсь к словосочетанию «на этом этапе». Почему именно сейчас, в данное время? Такое совмещение может и должно иметь место и в будущем. Пройдет пять, десять лет. Оформится многопартийная система. Почему лидер победившей на выборах партии не может быть Президентом? Ни одна политическая партия ничего не будет стоить, если не станет бороться за власть. Для чего в таком случае она нужна? Партия, не ведущая такой борьбы, больше напоминает клуб по интересам. Любая политическая сила должна добиваться того, чтобы победить на выборах, а победив, она, безусловно, выдвинет своих лидеров в ту иерархию власти, которая существует в государстве, начиная с высшего поста. Это совершенно очевидно и справедливо для всех этапов. Сегодня наша партия является правящей. Так почему ее Генеральный секретарь должен уступить либо президентство, либо руководство партией? Может, конечно, быть и так, что какой-то другой партийный лидер станет Президентом, но в любом случае он обязательно должен представлять победившую партию.

— Насколько объективной, на ваш взгляд, была на съезде критика в адрес Генерального секретаря?

— Критики как таковой было, может, даже недостаточно. Но зато бестактности, разнузданности — сколько угодно.

— Было и это... Но тем не менее и отечественные, и зарубежные средства массовой информации считают итоги работы съезда крупной победой Горбачева. Каково ваше мнение на этот счет?

— А почему нет? Думаю, что это так. Я накануне съезда выступал перед делегатами — сотрудниками органов внутренних дел и военнослужащими внутренних войск, на пленуме ЦК КПСС выступал и говорил, что мы должны помогать Горбачеву, поддерживать его. Ведь Михаилу Сергеевичу очень нелегко преодолевать сопротивление догматически настроенных партийных работников. Думаю, что принятые на съезде решения в основе своей прогрессивны, и позиции Михаила Сергеевича Горбачева еще более упрочились.

— Вадим Викторович, сегодня ведется много дебатов о необходимости демократизации внутрипартийной жизни. Как, по вашему мнению, добиться того, чтобы рядовые коммунисты могли активно влиять на положение дел в партии?

— Мне кажется, надо как следует поду-

мать, насколько применим в практике партийной жизни популярный ныне лозунг о власти партийных масс, что стоит за этой красивой фразой. Легко отвергнуть демократический централизм, а чем его заменить? Должна быть дисциплина в партии или нет? Должно быть подчинение нижестоящих вышестоящим, меньшинства большинству? Наверное, все-таки да. Другое дело, что нужен самый демократичный механизм избрания в руководящие партийные органы, чтобы каждый коммунист мог выразить свою волю. Но уже после того, как руководство сформировано, должен начинаться обратный процесс. Должна быть дисциплина, а не власть партийных масс. Одна, так сказать, масса собралась, решила это. Другая — в корне противоположное. К чему мы придем?

— До сих пор не утихают разговоры о Российской коммунистической партии. Как вы оцениваете факт ее образования?

— Конечно, положительно. Российская компартия — это территориальная организация Коммунистической партии Советского Союза. То же самое, что Коммунистическая партия Украины, Литвы, Латвии, Эстонии. Есть территория России. На этой территории находятся члены КПСС, которые объединяются в районные, городские, областные и республиканскую партийные организации. Это завершение развития структуры КПСС. Были КПЭ, КПУ, КПБ и одна большая КПСС при отсутствии Коммунистической партии России, хотя Россия была и мы с вами были. Какой-то сюрреализм, трудная для понимания вещь! Теперь все стало на свои места. Сколько союзных республик, столько и партий, которые входят в единую КПСС. Остается удивляться, почему только в Москве более сотни парторганизаций не признали Коммунистическую партию России! Ведь еще не так давно за создание Российской компартии те же коммунисты выступали весьма активно и критиковали тех партийных лидеров, которые выступали против. Но ведь партия коммунистов России действительно нужна! Это иллюзия, что ЦК КПСС лучше защитит интересы России, чем ЦК КП РСФСР. Ничего подобного! ЦК КПСС занимался Узбекистаном, Арменией, другими республиками. А Россия — как нищая, и не к кому пойти. Любая республика, имевшая свой ЦК, свою законченную государственность, обладала преимуществами перед Россией. И вот парадокс — торопили, подгоняли: скорее создавайте Компартию России! Создали. И вдруг некоторые из тех, которые были «за», стали выступать против. Почему? Да просто потому, что сам съезд кому-то не понравился и личность руководителя КП РСФСР у кого-то не вызвала положительных эмоций.

Кстати, о личностях. Во время работы съезда мне рассказывали о встрече Полозкова с секретарями первичных партийных организаций Свердловского района Москвы. Среди них были и люди, отрицательно воспринявшие избрание Полозкова на пост руководителя коммунистов России. Встреча началась тяжело, трудно, а закончилась аплодисментами.

— Вадим Викторович, что вы можете сказать о роли и месте партийных организаций в системе МВД СССР? Какие мнения высказывались на съезде по поводу деполитизации органов внутренних дел?

— Функционирование парторганизаций в системе нашего министерства, конечно же, имеет определенную специфику. У нас, как и в армии, единоначалие. Партийные организации не должны вмешиваться в служебную и административно-хозяйственную деятельность. Их задача — работать с людьми, создавать хороший трудовой настрой, здоровый моральный климат в коллективах, воспитывать коммунистов. Я так понимаю эту роль.

Нам не нужны громоздкие парткомы, а следует иметь первичные партийные организации, члены которых состоят на учете в том или ином райкоме партии. Такая схема мне представляется наиболее демократичной и оптимальной, но это сугубо мое мнение. Быть может, оно ошибочно. Все-таки в этом вопросе инициатива должна принадлежать партийным организациям. Но что касается того, быть ли им вообще в системе МВД СССР, то ответчу: да. Первичные парторганизации необходимо сохранить. Не то сейчас время. Нет еще реальной многопартийности. Больше всего опасаясь, что мы начнем здесь, внутри себя, делиться на платформы, развернем в наших коллективах политическую борьбу. Коммунисты МВД обязаны проявлять спокойствие и выдержку, заниматься тем, чем им положено. А то кое-где уже начинают выяснять, кто на какой платформе стоит, а работа, как говорится, побоку. Что же касается вопросов деполитизации МВД, то мнения на этот счет у делегатов съезда были самые различные — от оставления всего как есть до полной ликвидации всех политических структур. Но съезд решил, что деполитизация сегодня недопустима. Думается, это взвешенное решение. Должен быть закон о партиях. И вообще — правильно ли ставить вопрос о деполитизации? Ведь ограничение возможности заниматься тем или иным делом по политическим мотивам, по причине принадлежности человека к той или иной партии — это элементарное нарушение прав человека. Поэтому коммунист, равно как и представитель любой другой партии, действующей в рамках Конституции, может работать и милиционером, и судьей, и стоматологом — кем угодно. Другое дело, что в МВД СССР не должно оставаться политорганов. Эти структуры упраздняются, а сотрудники, которые в них работают, переводятся в кадровые аппараты. Их поле деятельности — воспитание личного состава органов внутренних дел.

— О социальной защите. В целом ряде стран, например, в Финляндии, имеются профсоюзы, которые защищают жизненные интересы служащих полиции. Возможно ли такое у нас!

— Я считаю, что пока на нас погонь, пока мы имеем звания по типу военнослужащих Советской Армии, пока в МВД

СССР существует определенная иерархия — генерал, полковник, подполковник и так далее, никакие профсоюзов у нас быть не может. У каждого, на ком военная форма, должны быть совесть и честь офицера. Командиры должны заботиться о подчиненных, быть порядочными людьми...

Другое дело — организация системы по типу государственного учреждения, когда сотрудники превращаются в государственных служащих. Такое в принципе возможно, но тогда надо отказаться от званий, организовать профсоюзы. Но лично я за такую реорганизацию никогда не взялся бы, ибо прекрасно понимаю, насколько глубокие корни у наших иерархических традиций. Однако если бы меня спросили, какая система лучше, я бы сказал, что, пожалуй, та, без погон и званий. Потому что, как сам убедился, вследствие наличия этой самой иерархической лестницы мы постоянно теряем хороших специалистов. Профессионалы-сыщики, следователи и другие знатоки своего дела часто вынуждены менять профилей работы, чтобы получить более высокое звание. Их можно понять, но от этого страдает дело.

Впрочем, в ближайшее время мы постараемся решить эту проблему таким образом, чтобы, скажем, и оперуполномоченный, который верой и правдой служит на своем посту многие годы, мог бы досрочно до полковника. И не будет в том ничего плохого, если работает он, будучи полковником, под началом, скажем, более молодого майора. Высокое звание — дань уважения к нему, признание его заслуг именно как оперуполномоченного. Но это уже отвлечение от темы нашего разговора.

— Вадим Викторович, вы собирались выступить на съезде. Что этому помешало и о чем вы хотели говорить?

— Да, у меня было намерение выступить. Как только закончился доклад, я подал записку руководителю секретариата с просьбой дать мне слово. Но, видимо, желающих было слишком много, и слово мне не предоставили. А выступить хотел с критикой Платформы ЦК КПСС и с предложениями по выходу из кризиса.

— И последний вопрос. После съезда заметно активизировались антипартийные силы. По стране прокатилась волна митингов, организованных противниками КПСС. Что мешает коммунистам собирать альтернативные митинги — в поддержку КПСС! Скажем, вчера прошел антипартийный митинг, на следующий день — в поддержку партии.

— Я с вами не совсем согласен. Почему — на следующий день? Почему коммунисты не должны приходить на тот же самый митинг? Я этого не понимаю. Надо действовать активнее. Когда наша партия существовала в единственном числе, у нас таких проблем не было. Мы были невероятно защищены, нас никто не критиковал. Все это кончилось, и партии следует понимать, что прошлое ушло безвозвратно. Если она желает бороться за доверие народа, то на каждый аргумент ее политических соперников она должна иметь свой контраргумент. Самое главное — чтобы было что сказать.

112

В ДНИ СЪЕЗДА

XXVIII партийный съезд стал достоянием истории. Он не уложился в установленный регламент, и сегодня нельзя вслед за Джоном Ридом говорить о 10 днях, которые потрясли мир. Но то, что страна внимательно следила за его ходом, к его пульсу чутко прислушивался запредельный мир, — вне сомнения.

Впервые в Кремлевском Дворце съездов коммунисты внутренних войск были представлены единой делегацией.

Фото П. САЛЬКОВА.

ПАРТИЯ — ЭТО МЫ С ВАМИ

На вопросы нашего корреспондента отвечает член Военного совета — начальник Политического управления внутренних войск генерал-майор А. И. ГРИЕНКО, член Центральной Контрольной Комиссии партии.

— На XXVIII съезде, пожалуй, как никогда, широко коммунисты внутренних войск были представлены в руководящих органах: А. А. Чайковский входил в Секретариат, А. С. Сохк — в Мандатную, а вы — в Редакционную комиссию. Расскажите об этой работе.

— Дело в том, что партийная организация войск вообще впервые была представлена как делегация. Все предыдущие съезды делегаты от партийной организации внутренних войск избирались на областных, краевых конференциях, поэтому единой делегации никогда не было. Естественно, мы не были представлены и в руководящих органах предыдущих съездов, так как входили то ли в калужскую, то ли ленинградскую и т. д. делегации. А сейчас мы работали единым коллективом в 12 человек, представляя 48 тысяч коммунистов войск. К перечисленному я бы добавил, что еще товарищ В. Молдавчук был избран в Счетную комиссию, и в отличие от предыдущих лет там хватало работы, и довольно-таки сложной, напряженной.

Что касается Редакционной комиссии, то необходимо заметить: по сути, таких комиссий было несколько. Почти каждая резолюция съезда отработывалась специально созданной съездом редакционной комиссией. Та, в которую входил я, работала над резолюциями по Политическому отчету ЦК партии, партийной печати и некоторыми другими.

Старался и предложения вносить, мысли свои высказывать, спорить по тем позициям, которые казались неприемлемыми. Например, обсуждая регламент, был против вопросов и ответов членов Политбюро, поскольку считал, что на таком форуме это только накалит атмосферу, приведет к конфронтации. И оказался прав.

— Александр Иванович, у читателей, внимательно следивших за ходом съезда,

складывалось впечатление, что многие делегаты стремились к микрофону, чтобы упрекнуть, обличить, призвать к ответу прежнее партийное руководство...

— Скажу, что не во всем это так, но отдельные действительно преследовали именно эту цель. И все же преобладающее большинство вносило конструктивные предложения, делилось раздумьями. Среди записавшихся выступить — свыше полутора тысяч человек. С учетом выхода к микрофонам, работы по секциям брали слово более 900 человек. Конечно, это разнообразие мнений дает богатую пищу для раздумий. И тем не менее, на мой взгляд, назрела необходимость радикальных изменений в самом проведении таких грандиозных мероприятий. Ведь если раньше многие документы попросту одобрялись, то сейчас они непременно вырабатывались. Но все учесть в дискуссии, в которой принимают участие три-четыре тысячи человек, невозможно, многие мнения попросту глохнут. Поэтому в будущем, возможно, должна или преобладать секционная работа, или каким-то группам делегатов необходимо еще до съезда выработать некоторые документы, чтобы уже на пленарных заседаниях шла только окончательная их доводка и шлифовка.

— Все мы, коммунисты, были назлектризованы предсъездовской дискуссией, и главное — до последней минуты не покидало сомнение: не произойдет ли раскол? Конечно, выход из КПСС Б. Н. Ельцина, решение части демплатформовцев во главе с В. Н. Шостаковским объединиться в новую партию — не раскол, а, если можно так выразиться, трещина в партийном здании. Но что делать, чтобы не дать ей разрастись?

— Я не совсем согласен с самой постановкой вопроса. А есть ли она, эта тре-

щина? 18,5 миллионов коммунистов — огромная сила. На мой взгляд, партию покидают люди случайные, и как бы ни пугали нас расколом разного рода «пророки», их предсказания не сбылись, пока в КПСС состоит цвет рабочего класса, крестьянства, интеллигенции. А то, что в ней существуют разные мнения, даже пусть групповые, еще не значит, что назревает раскол.

После Второго съезда РСДРП Ленин заметил: тот, кто хочет действительно серьезно заниматься делами нашей партии, должен серьезно изучать наш съезд. Мне представляется, принятые нынешним съездом документы — Программное заявление, Устав партии, резолюции по различным направлениям — касаются жизни не только КПСС, но и в целом страны. Мы должны их серьезно изучить. Прежде всего в первичных организациях, где спланируется единая воля коммунистов. Надо серьезно отнестись к работе партии по разработке марксистско-ленинского учения применительно к нынешним условиям развития общества, деятельности в обстановке плюрализма мнений различных сил и движений. Мы должны развивать политическую активность коммунистов, взаимопомощь, партийное товарищество. Вокруг немало хороших, честных тружеников, но они не умеют спорить, доказывать, убеждать.

Сама возможность раскола заложена и в огульном подходе к приему в партию. Сейчас эта процедура упростилась. Если раньше думалось: ошиблись в первичке — на парткомиссии поправят, теперь «стряховки» нет, но, надеемся, это заставит коммунистов прибавить во взвешенности и требовательности, чувствуя ответственность за судьбу партии.

— Мы годами, десятилетиями учились подходить к любому явлению жизни с классовых позиций. Но постепенно они стали отесняться на второй план общечеловеческими ценностями, да и сама КПСС из партии рабочего класса превратилась в общенародную. Надо заметить, на XXVIII съезде эти две линии столкнулись довольно-таки остро. К примеру, Е. К. Лигачев говорил, что нельзя предавать забвению классовый подход. Ч. Т. Айтматов называл это догматизмом, а само разделение общества на классы — трансформацией древнего, как мир, поступата: «разделяй и властвуй». Какова ваша точка зрения?

— Я солидарен с теми, кто говорит: еще никто не объяснил, чем же классовый интерес противоречит общечеловеческому. Думается, противопоставления тут быть не должно, как нет сейчас носителей узкоклассовых подходов наподобие шолоховского Макара Нагульнова. Хотя группового эгоизма предостаточно. Бастуя, кемеровские, донецкие шахтеры наверняка не очень-то заботились о металлургах, желез-

нодорожниках и т. д. У Ленина в одной из работ шушенского периода, где говорится о приоритете общечеловеческих интересов над классовыми, дальше идет речь о таком же главенстве классовых интересов над групповыми. Однако об этом подчас забывается. Для практического действия я бы выделил основное: наиболее полный учет интересов тех людей, которые непосредственно создают материальные основы нашего бытия. Забвение их пагубно, какими бы благими, общечеловеческими целями ни прикрывалось.

— По всей вероятности, жесткий регламент не позволял углубить проработку некоторых вопросов повестки дня. Не случайно и сегодня читатели спрашивают: «По какому пути пойдет обновление партии? Не ждет ли республиканские компартии судьба коммунистического движения в Прибалтике!» Интересует их и то, насколько сочетается понятие авангардности в условиях многопартийности. Ну и основное: «Каким все-таки представляется механизм, благодаря которому первичные парторганизации смогут влиять на решения ЦК?»

— Я бы начал отвечать с конца. Главный вопрос — членство в партии — полностью передан на усмотрение первичных организаций. А ведь решения ЦК не могут приниматься без учета воли тех сил, которые приходят в партию. Дальше. Материально-финансовая сторона жизни партии. Она во многом зависит от первичных организаций.

Теперь о глубине проработки. Хотя съезд и вышел за рамки регламента, не уложился в намеченные десять дней, тем не менее, конечно же, по ряду позиций он дал лишь заглавные ориентиры, и определяться предстоит в процессе работы ЦК.

Что касается компартий союзных республик. Присутствие их руководителей в Политбюро — разве не свидетельство возросшей самостоятельности?

Ну а насчет сочетаемости понятий «авангардность» и «многопартийность» скажу так. Именно теперь-то авангардность и приобретает свой изначальный смысл. Мы декларировали ее, когда были в одиночестве. Сейчас задача — быть авангардом в условиях многопартийности. Я поддерживаю мнение, что авангардность — это степень доверия народа.

— В резолюции «Об основных направлениях военной политики партии на современном этапе» говорится о необходимости преобразования структуры парторганизаций и политических органов. Как это видится вам?

— В отношении политорганов. Я думаю, мы будем в основном придерживаться позиций армейцев, поскольку основа дея-

тельности у нас одна. Так что наши обновленные военно-политические органы сохраняют и разовьют функции политического воспитания, идеологической работы, культуры, укрепления дисциплины, политической и военной информации как внутри войск, так и вне их, руководства социологической и психологической службами.

Что касается парторганизаций, то съезд записал в Уставе: будет разработана инструкция о их работе в армейских условиях. Сроки ее обнародования не оговаривались, но надеюсь, что к концу года основные положения будут разработаны и в начале следующего она вступит в силу.

Говоря о структуре нашей партийной организации — от первички до парткома внутренних войск, — прежде всего хочу поделиться обеспокоенностью. В эти сложные дни не снили бы наши парторганизации, нередко находившиеся в тени поллитерганов. Обрести самостоятельность им надо помочь. Это во-первых. Во-вторых, мне мыслится первичная партийная организация в части — отделении батальоне, полку. Для нормальной работы необходимо, чтобы ее возглавлял освобожденный работник. Но не трудно подсчитать, что наших партвзносчиков не хватит на его содержание. Видимо, понадобится помощь из общепартийного бюджета.

— Но ведь мы такие не одни. Уже на съезде было заявлено, что сельским парторганизациям потребуется существенная поддержка.

— В том-то и дело. И вообще я скажу так: решение о снижении взносов, на мой взгляд, может нанести удар по материальной основе партии. Мы еще не осознаем всех его последствий.

— Насколько я понимаю, рядовых коммунистов уж очень возмутили финансовые излишества партаппарата. Вот и родилась идея поприжать его. Но если допущена ошибка, практика покажет, наверняка положение можно будет поправить.

— Я работал в аппарате ЦК и скажу, что этому аппарату достается совсем не много. А поправить, конечно же, можно. Только не было бы поздно.

— Александр Иванович, ну а временные рамки разделения функций политических и партийных органов тоже упираются в инструкцию!

— Нет. Тут большая зависимость и от того, когда будут приняты Закон об обороне, новое Положение о прохождении службы. Военная реформа на сегодня еще не утверждена высшими органами власти. Словом, разделение функций — дело ближайшего будущего.

— Так сложилось, что военнослужащие представляют сегодня одну из наименее социально защищенных групп и кое-кто на гражданке пытается на наших трудно-

стях сколотить политический капитал. Это и небезызвестный «Щит», и разного рода инициативные группы, наподобие той, что в ходе XXVIII съезда выступила со страниц «Комсомольской правды» с заявлением «Армия нуждается в защите. От кого!» А ведь кому, как не обновленным политорганам, быть важнейшим институтом нашей социальной защиты!

— Я бы говорил лишь об усилении этой функции, потому что и сейчас они ее выполняют. К тому же социальная защищенность понятие широкое. Здесь и денежное содержание, и жилье, медицинская сторона. Стало быть, это заботы и командования, офицеров тыла, медслужбы. Все взваливать только на плечи политработника неправильно. Другое дело, знание нужд и запросов людей должно его заметно отличать.

Если же говорить о разноголосом хоре гражданских структур, выдающих себя борцами за социальную справедливость в казарме, то кроме шумихи пока ничего ошутимого с их стороны нет. И политработник «лица» своего терять не должен.

— Однако Комитет солдатских матерей заявляет, что благодаря его усилиям студентов вернули в институты. Немалую роль сыграли женщины и во время январских событий в Баку, когда резервисты были возвращены домой.

— Беда тут вот в чем. Проведение в жизнь идей перестройки содержит немало шелухи. К ней я бы отнес и вот это стремление выделиться друг перед другом. Два десятка собрались, а уже объявляют себя фронтом. Прокукарекал, еще ничего не сделал, а говорит — партию создал. И прочее, и прочее. Вот и у Комитета солдатских матерей много прилипало, много эмоций. Если бы все эти комитеты создавались не просто в пику, обвиняя всех и вся в бюрократизме, застое и т. д., а стремились быть ближе к политорганам, другим официальным структурам, пользы было бы куда больше.

— В связи с этим, думается, мало еще помощи оказывают командирам, политработникам народные депутаты всех степеней. Ведь иные годами не показываются в частях, не ведут депутатский прием. Наверняка политорганы теперь по-иному строят контакты с Советами!

— Ну конечно же. Кстати, как у нас порой подменяются понятия?! Вот брошен псевдорадикалами лозунг: «Вся власть Советам!» Он заимствован из тех дней, когда действительно надо было забирать власть у капиталистов и помещиков и передавать трудовому народу. Но сейчас-то?! То, что Советы должны повсеместно стать подлинными хозяевами, нет сомнения. Но так ли нужно ставить вопрос? Я бы говорил не о передаче власти Советам, которую у них никто не отбирал, а об оказании им помощи в овладении приемами и методами руководства.

Проблемы жизни войск политорганы, конечно же, будут выносить на рассмотрение Советов, их исполнительных комитетов, информировать о жизни военнослужащих. Надо сказать, что в войсковом депутатском корпусе ныне свыше тысячи человек. Тут мы найдем понимание. Что же касается представителей народного хозяйства, искусства и литературы, которых поддерживали наши воины на выборах в республиканские органы власти, то они действительно зачастую редкие гости в казарме. Будем наводить мосты.

— Александр Иванович, а как должен реагировать политорган, если, допустим, кто-то из офицеров, прапорщиков вступил в политическую партию некоммунистического толка!

— Были бы партии, я партий этих не вижу: опять один шум и ничем не подкрепленные заявления.

— Да, но на позициях Демплатформы, как сообщалось в печати накануне съезда, стояло до двух миллионов коммунистов. Пусть не все они последуют за Шостаковским создавать демократическую партию парламентского типа, но все же это будет сила.

— Те процессы, которые происходят в партии в целом, нас не минуют. Сразу после съезда о своем выходе из КПСС объявил 51 военнослужащий наших войск. Но я не слышал, чтобы кто-то из них вступил в другую партию. Скажу больше, если такие найдутся, трагедии никакой не будет. В конце концов в Законе о партиях следует предусмотреть, что любая политическая структура, действующая у нас, кроме того, что она конституционна, должна признавать какие-то стержневые позиции, на которых строится воинская деятельность: единоначалие, укрепление боеготовности, должная боевая подготовка, патриотическое воспитание и т. д. А когда они заявят об этом, то, на здоровье, пусть работают, мы будем с ними координировать свою деятельность. Обновленные политорганы, которые уже не станут руководить партийными организациями, приобретут еще одного сторонника.

Ну а пока, еще раз повторяю, много шумихи. Объявившие себя партиями, предлагают несбыточное. КПСС стоит на реальной почве, аккумулирует интересы людей, защищает их. Она — собственно сама народ.

— В связи с тем, что статья 6-я Конституции СССР отменена и КПСС отказалась от руководящей роли в обществе, читатели спрашивают: как быть с марксистско-ленинской подготовкой и политической учебой!

— Государство наше — государство людей труда. Марксистско-ленинская теория — а в ее основе социалистическая идея, коммунистическая перспектива — отражает тот выбор, который сделан народом. Поэтому и в условиях армии марксистско-ленинское образование, политическая учеба быть должны. Другое дело, что надо искать новые подходы в методике проведения занятий, обязательно знакомить слушателей с различными течениями, платформами, давать марксистско-ленинский анализ их программных целей и задач, развенчивать популизм.

— Как и большинство политработников, вы начинали в комсомоле. Не в нынешнем, а в том, который, по словам теперешнего первого секретаря ЦК ВЛКСМ, «был готов выполнить любое задание любого правительства и был лично предан любому вождю», а отношение которого с КПСС определялось «длиной поводка и крепостью ошейника, которые один аппарат надевал на другой». Вероятно, с Зюкиным нет смысла спорить. И все-таки: каким видится вам комсомол 90-х! А в этой связи и судьба нашего, войскового!

— С Зюкиным действительно нет смысла спорить. Скажу только, что с его стороны это заявление было некорректным по отношению к старшим поколениям комсомольцев. Огульное обвинение и вылилось в полторы с лишним тысячи голосов против него на выборах в ЦК. Ну а комсомол, в том числе и войсковой, переживает сейчас действительно трудное время. Самое страшное, на мой взгляд, то, что молодые люди вообще не представляют себе смысла, целей, задач Ленинского Коммунистического Союза Молодежи. Если брать средства массовой информации, и особенно комсомольские, под флагом критики недостатков они направлены на его разрушение. Комсомольские руководители не нашли выхода из ситуации, не помогли в этом и мы, коммунисты.

42 миллиона в молодежном союзе, конечно же, неестественно. Это была не организация единомышленников, а организация всех. Считаю, что в деятельности ВЛКСМ должно быть больше конкретики. А партийцам надо отучаться от озадачивания. Комсомольцам нужно внимание старшего товарища по идее.

— Тем более, что функция руководства комсомолом отпадает. Но одно дело, когда организация здорова, объявить: «Что ж, товарищи, мы в вас уверены, давайте теперь сами шагайте вперед». И другое — сейчас, в пору разрухи, предлагать ей самостоятельность.

— Мысль верная. Коммунистам не мешало бы задуматься и над этим.

КАКОЙ НАМ НАДОБНО ЗЕМЛИ?

На Учредительном съезде Коммунистической партии РСФСР шло обсуждение кандидатур на пост первого секретаря ЦК. Вслед за Иваном Кузьмичом Полозновым на трибуну поднялся Олег Иванович Лобов, нынешний второй секретарь ЦК Компартии Армении. Он кратко обрисовал свою программу, начал отвечать на вопросы делегатов, коснулся многих проблем, в том числе и того, как туго продвигается строительство в разрушенных землетрясением районах. И только зияющую трещину в фундаменте армянского и азербайджанского добрососедства он старательно обходил. И тогда из зала прозвучал голос М. А. Любаковой, бригадира животноводов совхоза «Гусевский» Ольховского района Волгоградской области: «Я мать солдата внутренних войск. Что вы, Олег Иванович, можете сказать по поводу выработки политики мира и согласия в Армении, чтобы не допустить гибели наших сыновей?»

— Ну и как, Мария Андреевна, удовлетворил вас ответ товарища Лобова? — с этого вопроса и началась наша беседа.

— Нет, конечно. Все, что я услышала, одни отговорки. Мол, он стоит за переговоры между всеми заинтересованными сторонами, вот только законы нынешние устарели, а новых пока нет. Ну и, дескать, свою позицию он фиксирует (словечко-то какое подобрал бюрократическое!) в докладных, письмах руководству партии и правительства. Она там находит поддержку, да только не всегда реализуется.

А тем временем льется кровь.

Накануне съезда я успела побывать у сына. Рассказали мне о трагедии на Ереванском железнодорожном вокзале и как провокацию в отношении солдат вновь, в который уже раз, пытаются повернуть против них же. Я пообещала, что при первой возможности выступлю на съезде, обращусь к коммунистам, всем матерям с требованием объединить усилия, защитить от беззакония наших детей. Выступить не удалось, но вопрос задала.

— Сергей у вас единственный парень в семье?

— Нет, есть еще старший сын — Алеша. Он два года как вернулся со службы. Был в погранвойсках, в тех самых местах,

на границе с Ираном, где азербайджанцы недавно громили оборудование наших застав.

— А как дела у младшего?

— Год, как мы его проводили. Сержант, командир отделения. Я посмотрела, как он живет, где занимается, отдыхает, как кормят. В целом мне понравилось: живут неплохо, дружно. На столе — зелень, огурцы. И это, как убедилась, не по случаю моего приезда: у них хорошее подсобное хозяйство, теплица. Меня поблагодарили, что воспитала такого парня. А я благодарна и командиру, и замполиту за своего сегодняшнего Сережу. Он и до призыва был уравновешенным, даже степенным. Теперь же как-то еще больше внутренне подтянулся, стал обстоятельным, рассудительным. Мы с отцом воспитывали в нем доброжелательность, честность, но что бы там ни говорили, а служба многое дает юноше. Без нее он мужчиной настоящим не станет.

Коснулись с Сергеем дальнейшей жизни (он до армии учился, а лето работал комбайнером), сын заговорил, что хочет продолжать служить.

— Во внутренних войсках?

— Войска-то у вас — МВД. Я так поняла — в милиции. Говорю, посоветуйся с отцом,

ну а сама препятствовать не буду: честные, хорошие люди нужны всюду.

— Ну а какое впечатление осталось у вас от съезда Компартии РСФСР? Я так понимаю, за Лобова вы не голосовали!

— Разумеется. Впечатления же — не из приятных. Всех ведь что беспокоило: как вывести страну, партию из нынешнего состояния. Но ни в докладе Председателя Российского бюро ЦК КПСС, ни в большинстве выступлений не нашла я этих путей. Когда же подняли вопрос укрепления дисциплины, Михаил Сергеевич, возможно и справедливо, заметил, что прежде всего это забота трудовых коллективов, местных Советов. Но пример-то, я думаю, должен показывать Центр. А каковы его шаги по защите Конституции СССР в союзных республиках, по пресечению межнациональной розни? Количество беженцев перевалило за полмиллиона, а там все решают, надо ли создавать специальный комитет или нет.

А из запомнившихся — выступление генерала Макашова. Очень правильно он говорил, что благодаря Арбатovým, Коротичам, Собчакам армия стала никому не нужна. Вот и к нам, в Поволжье, сейчас возвращаются подразделения из Восточной Европы. Сорок с лишним лет они возводили угрозу от западных границ страны, а чем встретила их благодарная родина? Пока вместе с семьями приютила в палатках. У людей за плечами десятилетия службы, учебы, высокие звания и... ни кола ни двора. Жаль, все меньше в стране переживших Великую Отечественную: хлебнувшие горя никогда бы свою опору и защитницу в обиду не дали.

— В этой связи не кажется ли вам, что и среди не принимающих нашу действительность преобладают те, кто настоящих трудностей никогда не знал, кто, завидуя Западу, по-ихнему вкалывать не желает!

— Конечно, эти в первых рядах. Ведь вы посмотрите на нашу деревню: в избе ни газа, ни воды. Но почему в нашем районе не бастуют? А потому, что люди знают: как поработаешь, так и жить станешь. А живем лучше: школу новую построили, детсад, дома стали возводить городским на зависть. Директор совхоза сказал, в 91-м подведем газ и воду. И так будет. Люди верят и работают, чувствуют ответственность — если и мы ударимся в треп, кто же страну кормить станет?

— В общем, пока вы пашете, вокруг спорят: раскрестянили вас в 30-е годы или нет; наступила ли необходимость дать вам в полное владение землю или еще рано!

— То-то и оно. А говорят все больше те, кто далек от села. Какой земли нам не хватает и кто ее у нас отбирал? Возьмите наш совхоз. Одно поле 3600 га раньше обрабатывали до ста человек, а теперь шестером, и успешно. Есть у тебя огород

12 соток, мало — бери 20, 30, хоть все поле возьми на семью и работай, никто не запрещает. Есть корова, мало — заведи хоть десяток. Другое дело, если кто вдали от села не знает, куда вложить каким-то образом нажитый миллион, и затосковал о поместье...

— А тогда вопрос, наверное, самый близкий человеку, работающему на селе, и самый волнительный для горожанина: что же сделать, чтобы продуктов было в избытке!

— Почаще вспоминать Ленина и не смей командовать крестьянином. Уж если встал у руля, посоветуйся с народом, как жить дальше, а не мучай его экспериментами, не шарахайся из стороны в сторону. Может, это кому-то и не понравится, но, на мой взгляд, пора заканчивать междоусобицы в высшем руководстве, дележ портфелей и браться за дела. А то ведь что получается. Б. Н. Ельцина, нынешнего Председателя Верховного Совета России, мы дважды приглашали на встречу с российскими коммунистами. Не пришел, как будто мы в чем-то виноваты, как будто партия завела страну дальше некуда, а не те, кто руководил ею и страной. Почему Ленин сумел поднять Россию из разлуки и мы, следуя по его пути, вышли в сверхдержавы? Почему люди без оглядки шли за большевистскими вождями? А теперь что?! Приезжаю домой, разъясняю коммунистам решения, принятые съездом (в совхозной парторганизации около 70 человек, а я к тому же член райкома, обкома КПСС), ну и говорю, мол, вы поменьше приглядывайтесь, что там происходит «наверху», не расхолаживайтесь. Ведь за нами — город. В деревне мы не пропадем, а горожанам несладко придется при переходе на рыночные отношения.

— А каким видится вам регулируемый рынок?

— Прежде чем переходить на рыночные отношения в стране, надо создать изобилие товаров. А пустые прилавки и рыночная система... Вы сходите на любой городской базар сейчас, полюбуитесь на его дороговизну и попробуйте отрегулировать тамошние цены в соответствии со своим кошельком.

— Мария Андреевна, а какие наказания товарищей по партии выполняли вы в ходе XXVIII съезда!

— Коммунисты велели отстаивать ленинские основы КПСС, бороться за единство. В бригаде же моей работают женщины, большинство непартийные. Но и они в стороне не стояли, говорили, чтоб не слушала тех, кто пытается увести нас с социалистического пути, кому не по душе колхозы и совхозы.

Ну а о том, что мне удалось, что нет, — судить им.

Вел беседу Е. АНАТОЛЬЕВ.

ПОЛУЧЕН ОТВЕТ МИНИСТРА

ПОВТОРНЫЙ ЗАПРОС

«КТО ОСТАНОВИТ БЕСПРЕДЕЛ?» (1990, № 4)

На публикацию под таким заголовком получено письмо за подписью министра внутренних дел РСФСР. В нем, в частности, сообщается, что сложившееся в Усольском УЛИТУ положение с обеспечением режима отбывания наказания осужденными, организацией воспитательного процесса, выполнением заданий по производству и поставке продукции народному хозяйству, а также взаимоотношения руководителей управления и командования части вызывают озабоченность у руководства МВД РСФСР.

Было проведено внеочередное комплексное инспектирование данного УЛИТУ, результаты которого рассмотрены на оперативном совещании в министерстве. Приняты соответствующие меры. Начальник управления генерал-майор внутренней службы В. И. Сныцеров от занимаемой должности освобожден. Начальником ГУЛИТУ МВД РСФСР и командующим внутренними войсками МВД СССР разработан и утвержден совместный план оказания помощи частям, охраняющим лесозаготовительные учреждения, где наряду с оргмерами предусматриваются развитие жилищного строительства, улучшение коммунально-бытовых условий, медицинского обслуживания личного состава.

Деятельность лесных исправительно-трудовых учреждений, их взаимодействие с войсковыми подразделениями постоянно находятся в поле зрения руководства МВД РСФСР.

Таким образом, под затянувшимся и довольно острым конфликтом между начальником УЛИТУ генерал-майором внутренней службы В. И. Сныцеровым и воинской частью, о котором журнал писал в № 10—88, № 5—89, № 10—89 и № 4—90, подведена черта.

НЕ УВИДЕЛИ ГЛАВНОГО

В редакцию журнала обратился майор Е. Козлов. Его начальники отказались подписать рапорт офицера с просьбой об освобождении от службы, несмотря на имевшийся лист нетрудоспособности. «Ангину можно и на ногах перенести», — заявил при этом подполковник А. Завгороднев.

В результате офицер перенес осложнение.

Из Приволжского управления внутренних войск (туда было направлено письмо) мы получили ответ за подписью генерал-майора Л. Павлова. В нем майору Козлову разъяснялся порядок освобождения военнослужащих от выполнения обязанностей по болезни, а его начальникам — порядок амбулаторного лечения военнослужащих.

Жаль, конечно, что товарищи из УВВ во всей этой истории не увидели главного — бездушного отношения офицеров В. Сухина и А. Завгороднева к своему подчиненному.

СТРОКИ ИЗ ПИСЕМ

Недавно в нашем подразделении состоялось знаменательное событие. Четверо наших воинов: старший сержант В. Юдин, ефрейтор Я. Донис, рядовые Т. Рыскенов и Э. Хамидолов стали полными кавалерами знака «За отличие в службе».

Капитан И. БУЛАНЦЕВ.

«ПОМОГИТЕ ПОКОНЧИТЬ С ВОЛОКИТОЙ...»

У нас с мужем — он прапорщик — пятеро детей. Сама я не работаю. Каково жить на одну небольшую зарплату супруга, сами понимаете. Благо, государство оказывает хоть небольшую, но все же помощь — спасибо ему за это.

Но пишу-то я не для того, чтобы в благодарностях рассыпаться. Наоборот, хочу обидой поделиться на начальников мужа. Вот уже с января 1989 года нам не выплачивается положенное на ребятишек пособие. Причину только через несколько месяцев объявили: дескать, заявление не подали. Но ведь помощью мы пользуемся

уже не первый год. И потом, почему финансист части не сообщил о недостающих документах сразу? Ведь у нас каждый рубль на счету...

Ладно, в июле поехала за 143 километра в часть. Как будто все сладили. А пособие по-прежнему не выделяют. И по сей день.

Прошу вас: помогите покончить с волокитой в нашем детском деле. В него посвящены уже многие должностные лица, в том числе и командир—офицер Б. Цхай, а провета — никакано.

С уважением Акмарал АЛЬЖАНОВА.

ОТ РЕДАКЦИИ. Нельзя спокойно читать это письмо. Ведь оно — не просто крик души человека, попавшего в трудное положение, но и суровое обвинение бюрократов при погонах и без них, которые своими черствостью, равнодушием убивают в людях веру в справедливость. Именно такую оценку дал приведенным в письме фактам генерал-майор А. Зайцев, приславший ответ из управления внутренних войск по Средней Азии и Казахстану. Он сообщил также, что оформление и выплата пособия на детей семье Альжановых взяты на контроль. Виновным в бюрократическом подходе к разрешению насущных вопросов подчиненных и членов их семей строго указано.

ПИСЬМО С КОММЕНТАРИЕМ

КТО КОМПЕНСИРУЕТ ЗАТРАТЫ ЗА ПОДНАЕМ ЖИЛЬЯ?

Я, прапорщик Ядыкин, и моя семья проживаем на частной квартире. В начале года, прослышав о приказе МВД СССР, объявляющем постановление правительства о выплате военнослужащим денежной компенсации за жилье, которое они снимают у частных лиц, написал рапорт. Увы, его мне вернули, не удовлетворив просьбу. Сослались при этом на то, что льгота распространяется лишь на тех, кто прибыл из других областей.

Но какая разница, чем я служу в тех же краях, где жил до службы, а не приехал из-за тридцати земель? Квартиры-то у нас нет, и мы вынуждены ее снимать, а также платить за нее немалые деньги. Тут что-то не так, отсутствует элементарная логика.

Прапорщик А. ЯДЫКИН.

Письма прапорщика А. Ядыкина и других военнослужащих, обращавшихся в редакцию с аналогичными просьбами, комментирует старший офицер управления тыла ГУВВ МВД СССР подполковник Н. ВЕСЕЛОВ.

Прежде всего замечу, что с прапорщиком А. Ядыкиным поступили несправедливо. Более того, те, кто рассматривал его рапорт, расписались в собственной некомпетентности, если не сказать определеннее — в непорядочности: как можно, не вникнув в суть важного для человека вопроса, отказывать ему, придумав для отвода глаз невесть что!

Теперь по существу просьб, которые, кстати, не только в редакцию приходят, но и к нам, в управление тыла. В соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 23 ноября 1989 года № 1027—226 денежная компенсация за поднаем [наем] жилых помещений предусмотрена лицам офицерского состава, прапорщикам, мичманам, военнослужащим сверхсрочной службы, а также женщинам, принятым на действительную военную службу на должности солдат, матросов, сержантов и старшин, имеющим проживающих совместно с ними членов семьи и не обеспеченным жилой площадью [общезжитием] по новому месту службы. Выплате подлежат суммы фактических затрат, но не более 2 рублей в день — в городах Москве, Ленинграде и столицах союзных республик; 1 рубля 50 копеек — в других городах, а также в райцентрах; 1 рубля — в прочих населенных пунктах.

Военнослужащим, имеющим трех и более членов семьи (жена и двое детей, или жена и родители, или жена, ребенок и один из родителей), предельные размеры денежной компенсации повышаются на 50 процентов.

В таких же размерах выплачивается денежная компенсация военнослужащим, которые в соответствии с действующим законодательством забронировали жилую

площадь по прежнему месту жительства и заселили установленным порядком забронированное жилое помещение (или часть его) другим бесквартирным военнослужащим либо передали его для этих целей в квартирные органы МВД СССР.

Для получения денежной компенсации военнослужащие подают по команде рапорт с указанием места временного проживания и суммы фактических затрат за поднаем (наем) жилого помещения (без стоимости коммунальных услуг). К рапорту прилагаются копия справки по установленной форме о сдаче жилплощади по прежнему месту жительства, выданной соответствующим органом, и справка штаба воинской части (кадрового органа) о составе прибывших и совместно проживающих с военнослужащими членов семьи (с указанием даты рождения детей и родителей), выписке их с прежнего места жительства, дате прибытия семьи и необеспеченности военнослужащего жильем по новому месту службы.

На каждого военнослужащего-получателя денежной компенсации заводится отдельный лицевой счет, к которому приобщаются все представленные им документы. Лицевые счета хранятся в финансовом органе части до окончания выплат и проверки законности произведенных расходов в процессе ревизии финансово-хозяйственной деятельности воинской части.

При определении размеров денежной компенсации за поднаем (наем) жилых помещений учитываются прибывшие к месту службы военнослужащего и фактически проживающие совместно с ним следующие члены семьи: жена (муж) военнослужащего, состоящая (состоящий) с ним (ней) в зарегистрированном браке; неработающие дети обоих супругов в возрасте до 18 лет; совершеннолетние дети-учащиеся, состоящие на иждивении военнослужащего, а также дети-инвалиды I или II групп; родители обоих супругов, состоящие на иждивении военнослужащего; отец — старше 60 лет, мать — старше 55 лет, или родители-инвалиды I и II групп — независимо от возраста.

Денежная компенсация выплачивается финорганом по месту службы военнослужащего на основании приказа командира части одновременно с выдачей денежного содержания.

Выплата денежной компенсации военнослужащим производится со дня найма жилого помещения (но не ранее 1 января 1990 года) после прибытия к новому месту службы и прекращается со дня предоставления военнослужащему жилплощади или изменения других условий, влекущих за собой прекращение денежной компенсации.

При изменении состава семьи, учитываемого при определении размера денежной компенсации, а также при изменении фактических затрат на поднаем жилого помещения, о чем военнослужащий докладывает рапортом, компенсация в новых размерах выплачивается со дня этих изменений. Суммы денежной компенсации, излишне полученные по вине военнослужащего, взыскиваются с него в полном размере в установленном порядке.

**ХОТЯ ПИСЬМО И
НЕ ОПУБЛИКОВАНО**

ОТВЕТ НА ПОЛОВИНУ

«Ну почему не хотят решать насущные наши вопросы здесь, на месте? Почему вынуждают писать в журнал, а потом с трибун будут, как это уже случалось, называть жалобщиками?»

Так заканчивалось письмо группы прапорщиков одного из подразделений, дислоцированных в Белоруссии. Куда только не обращались военнослужащие со справедливым требованием о выдаче положенных доплат за выполнение задач в районах, подвергшихся радиоактивному заражению, но, увы, никто не захотел вникнуть как следует в ситуацию, хотя речь шла о суммах немалых для людей.

В ответе врио начальника Центрального управления внутренних войск генерал-майора Ю. Ефимова сообщается

о принятых по жалобе мерах. В частности, указывается, что за период отпусков, болезни и командировок всем военнослужащим подразделения, выполнявшим служебные обязанности, связанные с ликвидацией последствий аварии на Чернобыльской АЭС и предотвращением загрязнения окружающей среды, выплачены доплаты денежного содержания в повышенных размерах.

Хорошо, конечно, что вопрос решен положительно. И все же полного удовлетворения ответ не принес. Уже хотя бы потому, что не отвечает он на вопросы, которые задали прапорщики в своем письме и на которые редакция не получила ответа: почему без ее вмешательства не удовлетворены законные требования военнослужащих?

**Наш адрес: 111250, г. Москва, Е-250,
РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «НА БОЕВОМ ПОСТУ»**

112

ПОЛЕ РАЗДОРА

ЕСЛИ ЕХАТЬ В ОШ ИЗ АЭРОПОРТА, ТО ОНО КАК РАЗ МЕЛЬКНЕТ ЗА ОКНОМ СПРАВА — НЕБОЛЬШОЕ ПОЛЕ, ЗАЖАТОЕ ДОМАМИ, ГАРАЖАМИ, ДОРОГОЙ. В ПРОШЛОМ ГОДУ ЗДЕСЬ РОС ХЛОПОК, В НЫНЕШНЕМ ПОСЕЯЛИ КЛЕВЕР. Я СТОЯЛ У КРОМКИ ЩЕДРО ЗАЛИТОЙ СОЛНЦЕМ ЗЕЛЕННОЙ ЗЕМЛИ И ДУМАЛ: НЕУЖТО ЗДЕСЬ НИКТО НЕ ПОДОЗРЕВАЛ, ЧТО САМЫМИ СКОРЫМИ НА ВСХОЖЕСТЬ ОКАЖУТСЯ СЕМЕНА МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО РАЗДОРА!

О ЧЕРЕДНОЙ XIX съезд Компартии Киргизии начал работу 14 июня во Фрунзе в условиях действия чрезвычайного положения в Ошской области и самой столице республики. Наверное, не только я, а и другие, читавшие или слушавшие доклад первого секретаря ЦК Компартии Киргизии А. М. Масалиева, не намного приблизились к истине. Кроме констатации ужасающих цифр (на день открытия съезда погибло 155 и ранено 845 человек, подожжено и уничтожено 262 жилых дома, 24 магазина и других объектов, 67 автомашин, не работал ряд предприятий, был нанесен большой моральный и экономический урон) докладчик лишь обозначил слагаемые ошской беды.

«Деструктивные силы», «элементы, подогревающие национальные чувства людей», «экстремистски настроенные группы» — эти термины неоднократно встречаются в докладе и сегодня, на шестом году перестройки, оборачивающейся во многих регионах страны перестрелкой, вряд ли кого удивляют.

Да, бесспорно, правоохранительные органы задерживают десятки нарушителей комендантского часа, всякого рода шушера, греющую руки на людском горе. Ну, а где же те самые «деструктивные силы», «экстремистски настроенные элементы»? Неужто опять ускользнули? Год минул пос-

ле трагедии Ферганы, а много ли мы узнали о вдохновителях тамошних погромов?

То-то и оно! А потому несколько лет назад ворвавшееся в наш обиход слово (на многое намекающее, но так за это время ничем конкретным не подтвержденное) постепенно перестает восприниматься всерьез. Люди, испытывающие острый дефицит буквально во всем, исключая юмор, так истолковывают его: «У нас экстремист тот, кто живет в экстремальных условиях». Вот почему весьма существенной кажется мне точка зрения народного писателя Узбекистана Тимура Пулатова на события в регионе:

«Если проследить географию конфликтов последнего года — Фергана, Коканд, Исфара, Андижан, а теперь Ош, можно заметить, что вспыхивали они в Ферганской долине, расположенной на территории Узбекистана, Киргизии, Таджикистана. Самый густонаселенный в стране регион, где на среднюю семью из 5 человек приходится лишь один гектар орошаемой земли, а на большей части долины, в Узбекистане, и того меньше — 0,3 га. Люди здесь живут в нищенских условиях, а если учесть большую безработицу в этих краях, то можно вообразить, какие страсти обжигают их души. Достаточно малейшей искры, чтобы разгорелась пламя, подобное ошскому. Печально и трагично то, что разрешаются конфликты классическими способами, уна-

следованными от нравов Кокандского и Хивинского ханств: «стенка на стенку» — поджогами, погромами, убийствами. 70 лет мы трубили о торжестве социалистической демократии, а когда обнажились застарелые конфликты, оказалось, что живем мы, как и жили, с феодальным сознанием, далеким от таких общечеловеческих норм цивилизации, как права человека, защита достоинства личности».

И ВСЕ-ТАКИ, что же произошло в Оше 4 июня? Почему небольшое поле колхоза имени Ленина Кара-Суйского района стало полем раздора, а впоследствии и своеобразным детонатором межэтнического взрыва, потрясшего не только Ошскую область, столицу Киргизии, но и целиком две союзные республики?

Хроника событий довольно проста. Большая группа киргизской молодежи, объединившись в неформальное движение «Ош аймагы» («Земля ошская»), не один уже месяц добивалась предоставления земли под индивидуальное строительство. 29—30 мая она приступила к самозахвату колхоз-

ОШ. ИЮНЬ 1990 Г.

Фото прапорщика
В. ПАНДЕЙМАНА.

ных территорий. Трудно сказать, учитывая ли кто в тот момент, что колхоз-то, которому принадлежит поле, как нередко бывает в эдших пограничных районах, почти целиком состоит из земледельцев-узбеков. И вот конфликт.

Руководство города, области разъясняли «самозахватчикам» (хоть существует на этот счет республиканский закон) пагубность их действий, выдвигали альтернативные предложения. Однако те стояли на своем, вдохновленные, видимо, успешным завершением подобной акции в прошлом году в пригороде Фрунзе. В конце концов власти пошли на уступки и на этот раз, словно не понимая, что их решение непременно вызовет возмущение узбекской махали. Так и случилось. Обстановку усугубили домовладельцы-узбеки, начавшие выселять квартирантов-киргизов; потухающие очаги узбекских пекарен, поставлявших традиционные среднеазиатские лепешки; обезлюдевший ошский рынок, знаменитый на всю Среднюю Азию и, говорят, ни на день не затихавший последние две тысячи лет...

Неделю длилось противостояние. Каждая сторона предъявила руководству города, области, республики свой ультиматум. Была ли возможность за это время разрядить обстановку? Этот вопрос я задавал в Оше многим, включая министра внутренних дел Киргизской ССР. И поэтому не согласен с промелькнувшими в центральной печати скоропалительными оценками типа: «паралич власти под напором слепой силы». Нет, все здесь гораздо сложнее и потребует серьезного политического, социального, экономического анализа. Критиковать и давать первые приходящие на ум советы не трудно. Но как, скажите, можно предложить немедленно всем нуждающимся киргизским семьям детские сады и ясли, если обеспеченность ими на сегодняшний день составляет в Оше лишь 51,8 процента, на очереди 13 200 ребятишек, а строительные мощности таковы, что за четыре минувших года сдано дошкольных учреждений лишь на 2 505 мест? Как можно обещать узбекским юношам молодежный журнал, если не только в республике, в стране нет бумаги? А ведь это не самые трудные вопросы.

Работа с населением велась. Другое дело — как. 4 июня накалившиеся до предела страсти пытались успокоить Председатель Совета Министров республики А. Джумагулов, секретарь ЦК Компартии Киргизии М. Шеримкулов. И все же я возьму на себя смелость сказать, что пытавшиеся снять напряженность действовали с оглядкой, без веры в успех. Иначе как понять признание главврача Оша С. Сулпналиева: «За несколько дней до трагических событий в полную готовность были приведены все медико-санитарные учреждения города, скоординированы действия врачей, созданы запасы лекарственных средств, донорской крови, приготовлены резервные койки в разных больницах. Готовились не зря».

Что и говорить, 4 июня долго еще будет саднить в людской памяти. И хотя в последующем (пока подтягивались наши и армейские подразделения, брали под контроль обстановку) конфликт опали своим

огнем многие районы, проявился с особой жестокостью на улицах Узгена, небольшого городка, расположенного в 70 километрах от областного центра, — все-таки первая кровь пролилась именно 4-го. По одним подсчетам, погибших было 7 человек, включая курсанта фрунзенской спецшколы милиции В. Шкрума, по другим — 11 да плюс 207 обратившихся за медпомощью, 111 госпитализированных. Но в любом случае у порога XXI века ужасает эта средневековая арифметика.

ИЗ РАССКАЗА майора Петра Кузьмича Мясичева:

— Мой батальон — 103 человека — был той первой, реальной силой внутренних войск, подоспевшей в Ош к началу трагических событий. В 5 утра 4 июня я доложил начальнику УВД о прибытии и готовности к действиям. Он поставил задачу безотлучно находиться в автобусах.

В 13.00 мы выдвинулись на территорию средней школы № 38. Ее окна как раз выходят на поле, где слева митинговало тысяч 15—16 узбеков, а справа тысяч 5—6 киргизов. Разделяли их кроме нас отряд ОМОН из Фрунзе, школа милиции и местные милицейские силы. Мои ребята стояли в бронежилетах со щитами и палками, экипировка школы составляла против нашей процентов 60—70, а местные пришли налегке: брюки навыпуск, рубашечка с коротким рукавом, туфли...

Ближе к 15 часам митингующие двинулись навстречу друг другу. Наши общие силы — человек 400—450 — оказались между двух огней, к тому же без координирующего управления. Часа полтора зывал я по рации к УВД: «Дайте когонибудь для руководства». Наконец прибыл сам генерал Гончаров. Обращаюсь к нему: как принимать решение? Он распорядился вооружить 25 человек, выдать каждому по 60 патронов, оружие применить в соответствии с Законом о внутренних войсках. Наученный только в этом году Паркентом и Андижаном, я моментально подал ему блокнот для подписи, ибо потом слова к делу не подошьешь...

Когда мои ребята вооружились, ОМОН уже вел настоящую бой: в них летели камни, бутылки, палки. Кое-кто из нападавших пытался пустить в ход брусья, утыканные на концах крупными гвоздями. Зазвучали предупредительные выстрелы. Мне еще подумалось в тот момент: хорошо, что земля пахотная, рикошета никакого.

Осаженная выстрелами, минут двадцать толпа тупо стояла напротив нас, соображая, видимо, что делать дальше. Потом почти вся она развернулась и устремилась прочь от этого поля — в город. И буквально через несколько минут послышались крики, женский вопль, повалил дым.

На своих четырех автобусах мы до трех часов ночи метались по Ошу, вязываясь во все столкновения.

В УВД Ошского облисполкома я ознакомился с заявлением Р. У. Урманова на имя коменданта города: «4 июня около 19 часов я ехал на собственном автомобиле «Жигули» в сторону хлопчатобумажного комбината. Возле магазина «Асель» меня остановила разъяренная толпа. Камня

ми разбили лобовое стекло. Забрав ключ от зажигания, я вынужден был спастись сам. После того, как толпа удалилась, с помощью жителей затолкал машину во двор дома 30 по улице 2-я Карасуйская, т. к. двигатель оказался поврежденным. Я остался ночевать в этом доме. Хозяин во время бесчинств был убит ворвавшейся толпой, а его сын искалечен и отправлен в больницу...

Мне довелось побывать на месте погрома. В одночасье осиротевшая и едва не овдовевшая Хикоят Саипова говорить почти не могла. Я понял только то, что по счастливой случайности троих ее малолетних детей не оказалось на месте расправы. Что мужа зверски избивали прутьями арматуры. Что все это происходило на глазах милиционеров, но своим единокровникам-киргизам те не мешали...

Я далек от мысли, что так поступали многие стражи правопорядка. Честно выполняя свой долг, 42 сотрудника органов внутренних дел получили ранения и были госпитализированы. Но то, что в этой исключительно тревожной ситуации к требованиям узбекского населения неожиданно прибавилось и такое, как разоружить местную милицию, а неизвестный ни с того ни с сего обстрелял здание УВД, о чем-то да говорят.

ПО ВСЕМУ Ошу несли службу наши солдаты и офицеры, сержанты и прапорщики. Вот хроника тех тревожных дней.

■ Исключительное самообладание проявили ефрейтор Владимир Юдин, рядовые Сергей Шапоренко, Олег Левченко, Александр Кузнецов, Андрей Ключев и Альберт Кошкин. Оказавшись под огнем, они не дали втянуть себя в перестрелку, которая могла повлечь жертвы среди местного населения.

■ Примерно в такой же ситуации хладнокровно действовали рядовые Аскар Хасанов, Кахрамон Бабаев, Нияз Саликзянов, руководимые старшим сержантом Вадимом Лесничевским и сержантом Сергеем Пономаревым, когда в войсковой наряд было брошено самодельное взрывное устройство.

■ «Трофеи» лейтенанта Сергея Лаптева, сержанта Рустама Миргалиева и рядового Андрея Ребаса были сфотографированы и помещены как фотофакт в местной газете. Обнаруженные при досмотре автотранспорта вилы, булава, карабин, рогатина, трюк со свинчаткой, большущий нож, топор не выглядели мирно даже отдельно от своих прежних владельцев.

...Говорят, в прошлом веке в Кокандском ханстве кровавых межэтнических конфликтов было свыше двух десятков, а в Хивинском и того больше. Вспыхивали они из-за земли, воды, пастбищ. Я встречался со многими киргизами и узбеками, людьми других национальностей, считающих Южную Киргизию своей родиной, и ни за что не поверю, что за сто лет жизнь человеческая здесь не вздорожала ни на грош! Так когда же мы, наконец, усвоим не единожды высказанную истину: жизнь прожить — не поле перейти?

Майор Е. АРТИУХОВ,
наш спецкор.

С коллегии МВД СССР

Под председательством генерал-лейтенанта В. В. Банатина на очередном заседании коллегии МВД СССР рассмотрен ряд вопросов.

В частности, заслушан доклад начальника Главного управления по исправительным делам полковника внутренней службы В. А. Гуляева «О концепции реформы уголовно-исполнительной системы». В обсуждении приняли участие руководители МВД СССР, высших учебных заведений, научных учреждений министерства.

Острой критике подверглась работа начальников УВД Днепропетровского и Челябинского облисполкомов генерал-майоров милиции А. А. Билюка и В. А. Смирнова в связи с чрезвычайными происшествиями в следственных изоляторах этих областей. Министр внутренних дел определил меру ответственности каждого за случившееся и поставил конкретные задачи по укреплению законности и правопорядка в деятельности СИЗО.

Принципиальная оценка была дана происшествию в одной из частей Центрального управления внутренних войск МВД СССР, с информацией о котором выступил начальник внутренних войск — начальник ГУВВ генерал-полковник Ю. В. Шаталин. Министр подчеркнул, что преступно-халатное отношение личного состава караула к обслуживанию судебного процесса в г. Москве, в результате чего шесть опасных преступников оказались на свободе, должно быть расценено как предательство интересов правоохранительных органов.

В заключение заседания заслушано сообщение начальника Финансово-планового управления МВД СССР полковника внутренней службы В. Л. Соколова о мерах по обеспечению сохранности денежных средств и материальных ценностей на предприятиях, в организациях и учреждениях системы МВД, усилению борьбы с бесхозяйственностью.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

«САЮДИСА»

В последние годы часто доводилось бывать в Литве: Вильнюс, Каунас, Тракай, Алитус, Кайшядор, Снежкус... Встречи, беседы, новые знакомые — все оставляло не всегда однозначные, но в целом позитивные впечатления. И нельзя сказать, что акт Верховного Совета Литовской Республики о восстановлении независимого Литовского государства стал для нас неожиданностью: настроение, ситуация, кипение политических страстей в общем-то были известны. Но все равно мало верилось в то, что случившееся — из области близкой и неотвратимой реальности. «Горбачевская перестройка», по выражению пророка саюдистов Арвидаса Юозайтиса, в Литве кончилась, начался новый этап рекапитализации Литвы.

Сразу для ясности. Очередная поездка в республику (уже «независимую»), скорее, не для новых впечатлений, а чтобы убедиться, насколько оправданы опасения, что теория «Саюдиса» станет воплощаться в практику.

ОБ УБЕЖДЕНИЯХ И ТЕРПИМОСТИ

...На пыльной платформе Белорусского вокзала сверкающий экспресс «Лиегува» помогал сразу же настроиться на поездку в «зарубежное независимое государство». Однако, как часто бывает, первое впечатление обманчиво. Сдержанно-грубоватая проводница, жидкий чай и... многое другое быстро возвращали в нашу, не отмеченную особым сервисом и удобствами действительность. А озабоченные, обремененные тяжелым и объемным багажом пассажиры наводили на мысль, что мы едем скорее не «туда», а «оттуда».

Купе у нас интернациональное. Соседи — поляк и литовец. Обоим лет по тридцать, работают в одном из НИИ Вильнюса. Намотившись по магазинам и отстояв многочисленные очереди «за дефицитом», наконец-то смогли спокойно перекусить. А покончив с жареной курицей из вокзального буфета, настроились пообщаться.

Разговор был, конечно же, об обстановке в республике, о личном отношении к сложившейся ситуации. Позиции прояснились довольно быстро. Наши попутчики не скрывали восхищения смелостью и решительностью своего правительства, с благословения «Саюдиса» «восстановившего реализацию суверенных прав Литовского государства, попранных чужой силой в 1940 году», корили Москву за экономические санкции, с помощью которых их вновь хо-

тят лишить свободы, настаивали на том, что решение Верховного Совета республики законно исходит из Конституции СССР.

Нельзя, наверное, судить человека за его убеждения, каждый вправе выбирать позицию и отстаивать ее, взваливая на себя свой крест. Единственное, что порой смущает в таких случаях, — это абсолютная нетерпимость, нежелание не то чтобы принять противоположную точку зрения, но просто разобраться в ней, вступив в диалог.

После этого дорожного знакомства было еще немало встреч, разговоров, дискуссий. И практически для всех наших собеседников характерной чертой была недостаточная терпимость в отношении оппонентов.

Что и говорить, политическая ситуация в республике накалена до предела. С одной стороны — значительная часть литовцев, которые безоглядно одобряют все решения Верховного Совета республики (несмотря на явную поспешность и недостаточную сбалансированность целого ряда из них). С другой стороны — нелитовская часть населения, которая с большой тревогой и озабоченностью восприняла акт о выходе Литвы из состава Союза и прекращении действия на ее территории Конституции СССР.

Не раз мы задавались вопросом, почему на митингах, в частных беседах, в заявлениях различных политических и общественных организаций еле слышны, а то и вообще незаметны призывы «подать друг другу руку».

Ответ на вопрос: почему на фоне процессов расширения в стране гласности и демократизации в республике устойчиво сохраняется нежелание решать возникающие разногласия путем диалога — искать надо, думается, в деструктивной политической платформе той основной силы, так круто заварившей литовскую кашу.

ОТКУДА ЧТО ВЗЯЛОСЬ?

Итак, «Саюдис». Навряд ли мы были бы правы, не начав с родословной. Родившись немногим более двух лет назад, он за столь небольшой срок из тоненького ручейка вырос в мощный общественно-политический поток. Правда, нынешний «Саюдис» совсем не тот, что был перед первым своим съездом. Возникнув как «литовское движение в поддержку перестройки», он стал сильнейшим катализатором противодействия ей, поставил под угрозу ее перспективу не только в республике, но и во всей стране.

Почему это произошло, еще, наверное, не скоро ответят наши политологи, глубоко и всесторонне исследовав проблему. Мы же будем опираться на личные впечатления, мнения и высказывания известных в республике людей...

На поверхности довольно простое все-му объяснение. «Саюдис» — прогрессивное народное движение, в котором на каком-то этапе к руководству пришли экстремально радикальные сепаратистские силы, что и определило дальнейший ход событий. Однако, внимательно ознакомившись с выступлением В. Ландсбергиса на втором съезде «Саюдиса», появляются другие мысли. «Главная сила «Саюдиса» заключается в том, что он не был выдуман, — говорил председатель совета сейма, — опирался через сейм и через группы, через советы на само общество. Он был таким, каким должен был быть в Литве. Надо было пробудить надежду и воплотить ее. Похоже, что «Саюдису» удалось претворить в действительность то, что было для людей главным... Мы правильно сделали то, что следовало сделать». Вот и получается, что «Саюдис» изначально замыслился как организация, призванная привести к политической автаркии.

Истина же, как и обычно, находится посередине. Идеи национального возрождения, экономической самостоятельности, регионального хозрасчета привлекли к «Саюдису» внимание многих, а взгляды возглавивших движение популярных в республике людей завоевали симпатии как литовцев, так и нелитовской части населения.

В динамике событий от митингов «поющей революции» и сомкнутых рук на Балтийском пути до позднего вечера 11 марта

1990 года незаметно, исподволь главной целью «Саюдиса» стал разрыв связей с Союзом, произошла смена руководства сейма движения, взявшего курс на завоевание политической власти в республике.

Умело эксплуатировалось нараставшее недовольство людей медлительностью перестройки, нерешительностью Центра, запаздывающего с оценками событий. В то же время местные радикалы выступали открыто и смело, переключившись на ответственность за все на Москву, получая реальные проценты с несуществующего капитала. А люди, попавшие под их гипноз, даже не замечали, что завтрашнее обещание — индальгенция сегодняшней безответственности.

Лжеответственность за весь литовский народ взяли на себя самые безответственные. Авантюризм этих людей стал еще более опасен с приходом к руководству республикой Верховного Совета во главе с В. Ландсбергисом. И хотя «Саюдис» не является политической партией, политическая власть оказалась в его руках. А принятые работающим на предельной скорости конвейером литовского парламента акты привели в действие механизмы, затрагивающие интересы не только республики и СССР, но и всей Европы.

ДЕМОКРАТИЯ ПО «САЮДИСУ»

Дабы избежать обвинения в субъективизме, говоря о ситуации с демократизацией в независимой Литовской Республике, мы решили воздержаться от пространств комментариев, опираясь лишь на высказывания В. Ландсбергиса.

Как известно, Верховный Совет республики, принявший акт о независимости Литвы, был избран лишь 41 процентом избирателей, а следовательно, законодательство нового парламента не получило абсолютной поддержки населения. Казалось бы, очевидно: по такому важнейшему вопросу, как выход из состава Союза, необходим референдум. Однако «самый уважаемый» категоричен в отрицании такой необходимости, так как «результат его (референдума. — Авт.) предreshen национальным составом населения республики» (80 процентов — литовцы. — Авт.). По мнению Ландсбергиса, референдум не может проводиться в условиях оккупации. К тому же «...прибывшие из аннексированной страны переселенцы не вправе решать судьбу аннексированной ею территории».

А вот еще одна цитата. Она, правда, из заявления правительства, но по духу и стилю близка к вышеприведенным: «Несогласные с постановлениями Верховного Совета Литовской Республики ставят себя вне рамок гражданского общества...» И

как не вспомнить сказанные как-то Витаутасом Ландсбергисом слова, которые оказались пророческими: «Когда... идеал превращается в орудие борьбы за власть, он перерождается и становится ширмой для неблагоприятных дел, мало того, преграждает путь другим идеалам, объявляя их преступными и враждебными».

ТРЯСИНА ЭКОНОМИКИ

Руководители «Саюдиса» продолжают эксплуатировать миф о «райских куцах» буржуазной Литвы и «нищенских советских республиках». Разумеется, сегодня мало кто помнит о том, что было полвека назад, к тому же практически все средства массовой информации контролируются «Саюдисом».

Если же воспользоваться справочной литературой, изданной до 1939 года, когда Литва не входила в состав СССР, и сводками до 1979 года, когда еще никто и не говорил об отделении и едва ли мог предвидеть, какую статистику нужно будет подтасовывать, найдем немало красноречивых цифр и фактов.

Об экономическом положении республики можно судить по динамике промышленного производства. Если взять за единицу отсчета 1913 год, то к 1940-му в Литве оно возросло в 2,6 раза, а к 1978-му в 140 раз.

Экономическая подоплека современного литовского сепаратизма чрезвычайно проста: требуется передача всех предприятий и сооружений, находящихся здесь, в республике, безвозмездно. Экономически сегодня Литва более развита, чем многие другие республики. Поэтому, по мнению экономистов из «Саюдиса», все это нужно защищать любыми путями, якобы в интересах народа, не принимая во внимание такие категории, как этика и социальная справедливость.

Сегодня на советском рынке товары легкой промышленности — самый большой дефицит. В проекте же литовской экономической самостоятельности упорно отстается принцип: самостоятельно устанавливать цены. В условиях, когда в целом по Союзу низкие цены на сырье, которое должно поставляться Литве, нетрудно представить себе результаты такого обмена.

Лидеры «Саюдиса» немало потрудились, чтобы приучить общественное мнение к тому, что Литва «уходит», не объясняя в то же время возможность угрозы их уровню жизни. А он неизбежно упадет, если, к примеру, в ответ на литовский хозрасчет подобные меры примет и Россия. Но это, так сказать, возможное будущее. Сегодня же в результате безответственных действий руководства республики людям уже пришлось затянуть потуже пояса. Одно за другим закрываются предприятия.

120

Ощущаются перебои с обеспечением продуктами и товарами первой необходимости. И на этом фоне экономическая команда ученых во главе с К. Прунскене усиленно муссирует лишь общеэкономические, «глобальные» категории и понятия, не спускаясь с заоблачных абстракций к жизненным реалиям. В то же время социальная напряженность растет.

СНОВА

«ИМПЕРИЯ ЗЛА»?

Понимая, что быстро и успешно нависших над республикой проблем не решить, руководство Литвы (оно же руководство «Саюдиса») пытается снять с себя ответственность. И делает это своеобразно, хотя в общем-то в своем духе, стремясь спровоцировать конфликт с Москвой и запустить давно готовое оправдание: «Мы хотели вам, дети наши, подарить мир процветания и роскоши, но, видите, Империя опять помешала. Поэтому и взятки с нас гладки».

А чтобы не быть голословными, обратимся вновь в Витаутасу Ландсбергису.

«Они унижают литовскую нацию, так как стараются навязать ей чувство неполноценности, утверждая, что без СССР она буд-то бы не сможет существовать».

«Против нас осуществляется правовая конституционная агрессия».

«Мир плохо знает, с кем нам приходится иметь дело, поэтому и медлит, не оказывает действенной поддержки».

Так «самый уважаемый» старается сформировать у не слишком искушенной аудитории теле- и радиослушателей образ «империи зла», от которого отказались даже несправимые апологеты «холодной войны». Однако и этого мало. Чтобы сплотить литовское общество перед лицом больших испытаний вокруг нового правительства, необходим образ конкретного врага. При этом этот известен еще со времен Римской империи. Создается образ внешнего врага, и народ забывает про своих диктаторов и насильников. И не случайно любые акции, которые предпринимаются в ответ на противоправные действия армией, внутренними войсками, пытаются представить как насилие, террор, захват демократии. Краски сгущаются.

«Под угрозой находится демократия. Нам угрожает новый фашизм...» — страшает Ландсбергис.

На заседании Верховного Совета Литвы «самый уважаемый» делает заявление о начале... «кровавого террора в республике». Затем подчеркивает, что «эскалация ползучей оккупации продолжается». Немногим позже он же предрекает путч со стороны фашистских (!) элементов.

Послушав такое, невольно задаешься вопросом: «Неужели в Литве появились такие «элементы»? Уместно ли «самоу уважаемому» так часто пугать своих сограждан «фашистскими элементами», когда у этих «элементов» во сто крат больше оснований подозревать в симпатиях к фашизму сына бывшего министра коммунального хозяйства Литвы, чья подпись стояла под датированным 25 июня 1941 года благодарственным посланием «спасителю» Европейской культуры рейхсфюреру Великой Германии Адольфу Гитлеру и его отважной армии, освободившей Литовскую территорию? Витаутасу Ландсбергису, конечно, несложно отмахнуться от такого нашествия, призвав на помощь в духовные наставники «отца всех народов», неоднократно повторявшего, что сын за отца не отвечает. Только вот неизвестно, как быть с другой, не менее очевидной истиной, что яблоко от яблони...

ВСЬ ЛИ НАРОД «ЗА»?

Как председатель парламента республики В. Ландсбергис не раз заявлял, что мнение народа высказано в результате самих выборов, мол, знали, за каких кандидатов и за какую программу избиратели голосовали. Если насчет программы, то более половины избирателей высказали к ней отрицательное отношение или не отдали своих голосов вообще. И даже сторонники независимой Литвы далеко не единодушно приемлют односторонние решения, ультимативные действия, заведомые нарушения Конституции СССР.

Что же касается кандидатов, можно также серьезно усомниться насчет симпатий всего народа к таким нынешним парламентариям, как, например, Балис Гаяускас. Был уголовником — стал народным депутатом. Сегодня к его ошибкам молодости относятся терпимо. Подумаешь, действовал в составе вооруженной банды. Подумаешь, убил милиционера, участвовал в вооруженных грабежах, получил 25-летний срок заключения...

Коллега Гаяускаса по парламентской скамье Людвикас Симутис участвовал в многочисленных вооруженных ограблениях, в ноябре 1953 года убил сотрудника транспортной милиции, завладев его оружием, в октябре 1954 года совершил еще одно вооруженное нападение на сотрудника милиции и ранил его.

Среди вершителей судеб литовского народа сегодня еще один в прошлом профессиональный бандит Станислава-Гедиминас Илгунас. Свой путь к депутатскому мандату он начал с обрезом в руках. В 50-е годы стрелял в офицера Советской

Армии, брал с такими же, как сам, голворезами магазин, колхозную контору, отбивал наказание.

Вне сомнения, на арену политической борьбы в республике вышли тысячи честных людей, но все же вызывает тревогу, что в команду, подобранную «Саюдисом» «самоу уважаемому», попали подобные «борцы за независимость». Не их ли имел в виду Ландсбергис, говоря, что «...нам предстоит большая совместная работа по созданию свободной, справедливой, прекрасной и чистой Родины?»

О НОВОМ ГЕГЕМОНЕ И ПРАВДЕ ИСТОРИИ

Конечно, сегодня можно было бы понять тех, кто толкал бывших уголовников в парламент. Ведь «лесные братья» — члены банд националистов — ныне возведены в Литве в ранг национальных героев. А национализм, пожалуй, главный, несущий стержень идеологии «Саюдиса». Да этого никто и не скрывает. Как-то в «Огоньке» прозвучала высокопарная ода одному из столпов «Саюдиса» Р. Озоласу. Так вот этот, с позволения сказать, философ вполне определенно заявил в солидной аудитории партийных и советских руководителей: «...люди других национальностей, которые хотят жить в Литве, должны понять, что литовский народ — гегемон!»

Здесь нужно отдать дань «самоу уважаемому», который выражается по этому поводу менее прямолинейно, хотя по сути однозначно: «Самый главный и давно известный способ, применяемый всеми тоталитарными системами, — это сломить дух народа». А раз так, его (дух) необходимо поддерживать. Делается это по-разному, в том числе и путем обращений, подобных тем, что приняты на втором съезде «Саюдиса»:

«Дорогие жители Литвы! Наше стремление к свободе столкнулось с серьезным испытанием: Советский Союз приступил к экономической блокаде в Литве. Надо думать, он использует и другие способы отягчить наше положение. Этого следует ожидать. Ни один народ не обрел независимости иначе, как ценой жертв и лишений. Литовцам достаточно вспомнить два зверски подавленных в XIX веке восстания и акт о независимости 1918 г., который был услышан миром лишь спустя несколько лет. Но наши предки умели жертвовать собой и выстояли. Неужели мы окажемся недостойными их памяти?»

Хотим сразу извиниться за столь длинную цитату, но привести ее полностью была необходимость. Потому что в равной мере это обращение как провокационно, так и грешит против исторической правды. Тут и известные уже обвинения Союза в

121

собственных грехах, и предупреждение о будущих жертвах, и намеки на зверства порабощателей, и призывы во что бы то ни стало (в память о предках) выстоять перед лицом врага (какого—известно). Но это уже знакомый набор инсинуаций.

А вот что касается обретения литовцами независимости и ее утраты. В Великом княжестве Литовском девять десятых территории занимали восточнославянские земли, с более высоким, чем в Литве, уровнем хозяйственных и общественных отношений, культуры. Еще в первой половине XIV века Гедимин звался «королем литвинов и русских», а его преемники были «князьями литовскими и русскими». Лишь в 1386 году литовский князь Ягайло ради польской короны пожертвовал самостоятельностью Литвы. После этого страна вошла в орбиту римского католицизма и стала постепенно колонизироваться. Польско-литовское же государство перестало существовать в 1791 году, став просто Польшей.

Упоминаются в обращении и два восстания, подавленные в XIX веке. Подобных фактов в истории Литвы было немало. Можно вспомнить и то, что терпели они поражение в основном по одной причине — восставших отказывались поддерживать простые крестьяне. Как было, например, в 1794 году с восстанием Ясинского в Литве и Костюшко (литовский уроженец) — в Польше, после чего литовские земли отошли к России.

Что же касается упомянутого в обращении акта о независимости 1918 года, «который был услышан миром лишь спустя несколько лет», — это одна из темных страниц истории и требует отдельного пояснения. Послушав сегодняшних историков от «Саюдиса», можно подумать, что все прогрессивное человечество с восторгом восприняло появление на карте новых балтийских государств и глубоко скорбило, получив известие об их исчезновении. На самом деле все было несколько иначе. Один из американских исследователей в 1943 году писал: «Даже европейские державы не были воодушевлены по поводу признания балтийских государств. Удивительный исторический казус: их признание было в действительности ускорено не кем иным, как Россией». Действительно, 2 февраля 1920 года Советская Россия признала Эстонию, 12 июля 1920 года — Литву, 11 августа 1920 года — Латвию. Только после этого Англия и Франция признали Эстонию и Латвию в январе 1921-го и Литву — в декабре 1921 года. Что касается США, думается, уместно было бы просто привести заявление госсекретаря Соединенных Штатов Чарльза Э. Хьюза от 25 июля 1922 года после признания американским правительством новых государств: «Соединенные Штаты последовательно утверждали, что расстроенное состояние русских дел не может служить основанием для отчуждения русских территорий, и этот принцип

не считается нарушенным из-за признания в данное время правительства Эстонии, Латвии и Литвы, которые были установлены и поддерживаются местным населением».

Такова история, но, несмотря на это, Витаутас Ландсбергис, по выражению западных журналистов, сегодня нервничает как европейцев, так и американцев, которые не хотят признать Литву: «Может быть, Запад снова намерен продать Литву Советскому Союзу?» — заявляет он.

ЧТО ТАКОЕ «МОРАЛЬНАЯ ВЛАСТЬ»

«...Требования «Саюдиса» — это требования основной массы граждан Литвы. Это мы и используем как некую моральную власть», — изрек как-то Ландсбергис, совсем не задумываясь, что от «моральной власти» совсем недалеко до дискриминации. А ее на себе нынче в республике ощущают многие.

Нынешний председатель Верховного Совета республики как-то заметил: «Независимая Литва должна будет решать проблему нелитовских элементов, особенно русских. Корень проблемы... в том, что большинство русских не являются представителями интеллигенции... Мы стараемся ясно поставить перед живущими среди нас русскими вопрос об их отношении к Литве. Считают ли они себя людьми, привносящими с собой свою родину, или предпочитают жить в другой стране, Литве?»

Что это? Агитация среди русских: забыть о своей великой родине и остаться в качестве благодарной рабочей силы? Именно агитация, хотя и с ультиматумом.

Сегодня нетерпимо настроенные литовцы усмеваются в лицо русским: «А кто вас сюда звал?» Звали. И в прежние тяжелые годы, когда восстанавливалась и развивалась промышленность после войны. Звали и совсем недавно, когда возводилась Игналинская АЭС.

В Литве всегда любили поговорить о некоей «относительно высокой культуре рабочей силы» по сравнению с той же РСФСР, но никогда не уточняли, что это в основном не литовцы по происхождению. И их, почти четвертую часть населения республики, нынешнее правительство только за несколько месяцев уже обложило целой изгородью дискриминационных законов: о языке, о гражданстве, о выборах. Однако тем, кто проявит лояльность к идеям «Саюдиса», может быть обеспечено хотя и не полное равноправие с литовцами, но более или менее сносные условия жизни. Подпиши обязательство об уважении независимости и соблюдении новых законов — получишь талоны на колбасу и сахар.

И это не простое заигрывание с «мигрантами» «цивилизованных» политиков. Они-то понимают, что без «этой рабочей силы» им не обойтись. По мысли того же Озоласа республика переориентируется «на более продуктивную зависимость от Запада», поскольку «Запад интересуется относительно высокая квалификация и дешевая работа, а Литва и в период стагнации работать не разучилась и надеется от акул капитализма получить больше, нежели теперь от друзей по социализму».

В связи с приведенной выше цитатой интересно еще одно умозрение Озоласа, которое, как и иные, явно переходит грань общепринятой в цивилизованном мире корректности: «Почему был возможен Сталин? Ответить на этот вопрос нельзя без России, потребности которой он удовлетворял. Русскому работать было хуже смерти... Русский всегда любил жить не по средствам. Сталин со своей концепцией мировой революции как войны на чужой территории так материализовал иллюзии жизни не по средствам, что дело не могло выглядеть краше». Такие вот идеологи и определяют сегодня в Литве шесток для русских.

«Мы считаем советские войска на территории Литвы оккупационной армией. Вот почему мы требуем вывода Советской Армии из Прибалтийских государств и создания на нашей территории наших собственных национальных вооруженных сил» (В. Ландсбергис).

В устах националистов и захмелевших от обещанного буржуазного рая людей варьируется несложный пропагандистский набор в адрес армии: «оккупанты», «украли независимость», «захватчики—вон из Литвы!», «русские свиньи». Тут уж не до корректности. Но следует без обиняков сказать, что не только нынешнее поколение литовской молодежи, которое особенно неистовствует, но и граждане зрелого возраста не знают истинных отношений Литвы в составе СССР и реалий 39-го и 40-го года. Идеологи «Саюдиса» хорошо потрудились, чтобы представить все в кривом зеркале. Но от правды ведь не уйдешь. Даже бывший министр иностранных дел буржуазной Литвы Юозас Урбшис, которому совсем не за что любить СССР и Советскую власть (в тамбовской тюрьме провел 13 лет, там же томилась его жена), свидетельствует: «Сегодня необычайно быстро плодятся различные фальсификации на тему «жестокой аннексии Литвы Советами». Поговаривают о массовых расстрелах, о танках, которыми давили людей... Да, танки действительно были. Тысячи литовцев проснулись однажды утром от нарастающего рокота моторов. Но никакого кровопролития не было. Советских воинов встречали с цветами, хлебом-солью. Советские солдаты удалялись в места расквартирования и просто не напоминали о себе».

Справка. «В Литве: личного состава—25 тысяч 11 человек, орудий—91, танков—197, бронемашин—78, самолетов—278, транспортных машин—2016.

В Латвии: личного состава 20 тысяч, орудий—86, танков—189, бронемашин—62, самолетов—211, транспортных машин—1892.

В Эстонии: личного состава—21 тысяча 347 человек. Орудий—78, танков—283, бронемашин—54, самолетов—255, транспортных машин—1950, из них 316 машин вернулись обратно в Советский Союз».

(Из сводной ведомости сил и средств на конец ноября 1939 года в Прибалтике).

Навряд ли такими силами и средствами можно было поработить, оккупировать и аннексировать три свободолюбивых народа и государства.

И совсем уж незаинтересованным свидетелем литовских событий 1940 года была известная американская писательница и журналистка Анна Луиза Стронг. Летом 40-го она много ездила по Литве, встречалась с простыми людьми, присутствовала на заседаниях Народного сейма, провозгласившего Советскую власть. Вот ее впечатления:

«Приход Красной Армии и падение диктатуры Сметоны освободили силы рабочего класса, крестьянства и прогрессивной интеллигенции, которые в течение четырнадцати лет были угнетены. Около тысячи политических заключенных были сразу же освобождены из тюрьм...»

В русле антиармейской кампании, развернутой в республике, ее организаторы — «Саюдис» и нынешнее правительство стремятся не только, тенденциозно оценивая события 1939—1940-х годов, представить Советскую Армию как оккупационную. Делается попытка дискредитировать саму идею службы в Вооруженных Силах, внутренних войсках, представить ее как антинародную. Именно этим объясняются действия, направленные на подрыв работы военкоматов, срыв призыва, агитация воинов-литовцев дезертировать из частей.

Путем морального давления на военнослужащих и членов их семей стараются создать такие условия, при которых они будут вынуждены покинуть Литву. Членам семей офицеров и прапорщиков отказываются предоставлять жилплощадь, не дают даже временной прописки. А значит, и лишают их карточек на продукты и товары, медицинского обслуживания, возможности устроить детей в детские сады... На улице и в общественном транспорте им нередко приходится слышать оскорбления. Идут провокационные звонки в части, есть случаи вооруженного нападения на склады с оружием, имуществом, поджоги квартир офицеров...

Не дают покоя сторонникам политики «Саюдиса» и ветераны Великой Отечественной войны, инвалиды, потерявшие здоровье при освобождении Литвы от фашистских захватчиков. Взять такой характерный

пример. Каунасский Совет народных депутатов, обсудив предложения торговли, комиссии социального обеспечения и многочисленные просьбы жителей (?), лишил льгот на приобретение продуктов питания и промтоваров... инвалидов Великой Отечественной войны. Подписали этот «милосердный документ» и. о. председателя горисполкома г. Каунаса А. Гапутис, секретарь горисполкома, заведующий организационно-инструкторским отделом Й. Валакавичус. Этот «подарок» инвалидам войны горсовет преподнес в канун 45-летия Победы над фашистской Германией.

Наш переводчик, литовец, эту бесчеловечную акцию расценил философски: «К подобному законотворчеству мы быстро привыкли. Не удивлюсь, если завтра появится новый вердикт, гласящий о том, что вместо фронтовиков их льготами пользуются «лесные братья». Ведь в соседней Эстонии уже устанавливают пенсии бывшим эсэсовцам».

Да, национализм всегда антипатриотичен. Не может осознанная любовь к Родине соединиться с ненавистью к другим. В конце концов эта ненависть будет перенесена и на часть своего народа. Так и случилось. Вот почему инвалиды и участники Великой Отечественной войны Александровичус, Башинкас, Вайценаускас, Костиц и многие другие обратились в Комитет Верховного Совета СССР по делам ветеранов и инвалидов с просьбой отстоять их законные права.

Со всей твердостью «моральную власть» проявляют руководители «Саюдиса» и в собственных рядах. Все содержание нынешней литовской политики исчерпывается согласием с «Саюдисом». Тот, кто критикует его или тем более Ландсбергиса, теряет расположение «самого уважаемого» и внезапно оказывается в полном одиночестве.

Руководитель литовского телевидения был немедленно уволен только за то, что в течение нескольких минут демонстрировал гору писем и телеграмм, в которых литовцы высказывались за Бразаускаса. Альгирдас Бразаускас — первый секретарь ЦК самостоятельной КПЛ немало сделал для политической победы «Саюдиса». И из-за большей популярности в народе, чем у Ландсбергиса, вынужден был покорно отдать себя во власть «самого уважаемого». «Я коммунист, а значит, плохой человек,—шутит он.—Мир теперь готов слушать лишь его (Ландсбергиса.—Авт.) одного».

Член совета «Саюдиса» философ Арвидас Юозайтис через несколько дней после выборов лишь осмелился похвалить Бразаускаса как более подходящего президента. И тут же Ландсбергис развязал против своего критика такую жестокую кампанию, что тот целыми днями не решался подойти к телефону: «80 процентов всех, кто мне звонил, были настроены против меня».

Один из сторонников «Саюдиса», который из страха пожелал остаться неизвестным, рассказывал иностранным корреспондентам: «Все боятся «Саюдиса». Того, кто нападает на «Саюдис», Ландсбергис объявит врагом народа, за этим дело не станет».

«Да, у «Саюдиса» есть власть, которую мы должны защищать, ведь коммунистическое влияние в стране не сломлено» (В. Ландсбергис).

И все же думается, что методы, которыми некоторые представители «Саюдиса» «защищают» свою власть, скорее, не объединяют, а разделяют людей. Об этом не раз можно было услышать из уст делегатов второго съезда движения.

А. Касперунас: «...Я пожелал бы им (членам «Саюдиса»).—Авт.) побольше терпимости, поменьше амбиций и демагогии».

С. Носевичюс: «Мне печально и даже немного стыдно за то, что мы не научились выслушивать друг друга, что мы уже перешли к прямым оскорблениям. Плакать от этого хочется. Разве это то достойное движение, которое воскресило в свое время Литву? Будем же наконец цивилизованными людьми, европейцами, а не мужиками...»

Трудно к этому что-то добавить.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

На Тракайском озере пахло чистым небом, простором, тишиной, над отмелями гасли дымки испарений. Блистали травы, блистел лес и даже древний замок, будто все окружающее было покрыто светлым лаком. Гладь воды рассекала распашные байдарки. Над озером звенел смех. Молодежь отдыхала. Простые, одухотворенные лица, доброжелательные взгляды, доброжелательные беседы. Слово это были не такие же ребята, которых мы встречали в штабах «Саюдиса» в Вильнюсе и Каунасе. Там на нас смотрели как бы невидяще, исподлобья—дескать, о чем может быть разговор с «оккупантами»? В каунасском штабе наша просьба об интервью не нашла понимания.

Не смогли мы и без помощи этих же ребят из «Саюдиса» встретиться и с Ю. Урбшисом, который в своем обращении к В. Ландсбергису и А. Бразаускасу писал: «Люди видят и слышат, что наш политический воз, хоть он и новенький, сбитый искусными мастерами, как-то подозрительно скрипит, а его колеса норовят свернуть с правильной дороги. Мы все находимся на этом возу...»

Что ж, метафоры прозрачные, призывающие к здравому смыслу...

Полковник А. ГОРЛОВ,
полковник Ю. ДУРНЕВ.

ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

Дорогая редакция! В газетах и журналах в последнее время стали много писать об угоне самолетов, захвате заложников... А вот несколько лет назад группа военных моряков пыталась «уйти за границу» БПК — большой противолодочный корабль.

Естественно, официальных сообщений об этом случае не было. Говорили, что «взбунтовалась команда», моряки будто бы запросили по радио политическое убежище в Швеции, но корабль был потоплен в нейтральных водах нашими боевыми самолетами.

Скрыть этот факт от общественности, однако, не удалось: сообщения об этом появились в центральных газетах. Но что все-таки тогда произошло? Нельзя ли об этом рассказать подробно?

*Полковник Л. Хабаров.
г. Львов.*

Это письмо мы показали военному писателю Николаю **ЧЕРКАШИНУ**, который в то время служил на флоте и не только знал об этом «чрезвычайном происшествии» на ВМФ, но и как писатель занимался его расследованием.

Его заметки мы и предлагаем сегодня вниманию читателей нашего журнала.

В ТОТ год им вручали награды почти одновременно: без пяти минут маршалу Брежневу и капитану 3 ранга Саблину. Первому — маршальскую звезду: он получил ее в нарушение статуса этого высшего полководческого отличия. Второму — «За службу Родине в Вооруженных Силах» III степени; Родине он служил в океане на большом противолодочном корабле «Сторожевой».

Этим двум звездам суждено было: одной — бриллиантовой — бесславный закат, другой — медно-цинковой — долгое затмение...

Пока Брежневу прилежно рукоплескали. В гуле хорошо организованных оваций потонул гневный грохот железа. То стучали костылями по батареям водяного отопления безногие фронтовики в госпитале инвалидов войны на Преображенской заставе. Сначала стала бить одна палата, к ней присоединилась другая, третья, и вот уже все этажи зашлись от грохота. Били в гулкий металл от обиды и возмущения те, чьи боевые ордена вобрали в себя цвет крови своих кавалеров... Набатный бой этого протеста не донесся до слуха четырехжды звездноносного, но зато был услышан в компетентных инстанциях. Госпи-

таль на Преображенке был расформирован в считанные дни...

Нет, в те безгласные годы молчали не все. И Валерий Саблин был явно из породы тех гневных фронтовиков, даром что в сорок пераом ему было всего три года...

В том 1975-м он служил на Балтике, я — на Севере. Мы были коллегами — корабельными замполитами; он — на большом противолодочном корабле, я — на подводной лодке. В морях мы не встречались, на борту тоже. Фамилию его я услышал поздней осенью. Командир мой вполголоса рассказал о невероятном.

На второй день ноябрьских праздников из парадного строя военных кораблей в Риге самовольно вышел БПК «Сторожевой» и двинулся в открытое море. Замполит арестовал командира, занял его место на мостике и повел корабль в нейтральные воды. Там он обратился по радио к руководителям страны с воззванием. Поднятые в воздух самолеты остановили «Сторожевой» предупредительными залпами. А когда командиру удалось освободиться, он, поднявшись на мостик, ранил из пистолета своего заместителя по политической части Саблина и вернул корабль на базу.

123

Трудно было поверить, что вся эта история разыгралась в наше время, на нашем флоте.

Потом толковали разное. Мол, содеял это душевнобольной, которого вовремя не распознали. «Никак нет,—утверждали другие,—Саблин—внук того самого белогвардейского адмирала, что отказался в 18-м году выполнить приказ Ленина о затоплении Черноморского флота под Новороссийском, его завербовала шведская разведка, и потому он пытался угнать корабль в Стокгольм». Третий уверяли, что он-де сделал это назло командованию, так как служба у него не пошла, задержали звание, не давали квартиру,—вот и решил сразу всем отомстить.

Впрочем, мы, военные флотские люди, нашли тогда для себя довольно удобное объяснение — «авантюра». Ломать голову над смыслом происшедшего было некогда — мы собирались на боевую службу, в океан, далеко и надолго.

И все же зарубка в памяти осталась: Саблин. Не забылось это имя и на флоте. Время от времени оно всплывало в досужих разговорах, в узком и доверительном кругу, обрастало подробностями вероятными и невероятными и с каждым годом «эпохи застоя» произносилось с весьма сочувственными нотками. При этом говорили, что Саблин расстрелян, экипаж расформирован, корабль сослан в моря, от Балтики весьма отдаленные, и толковать на эту тему весьма не рекомендуется.

Теперь обо всем этом можно сказать в полный голос. Но, право, как странно и больно: слова, которые мы читаем ныне в «Правде» о деформации социализма, о необходимости вернуться к ленинским принципам, к подлинной демократии, стоили ему жизни, едва он поспешил бросить их Брежневу.

Поспешил? Он должен был дожидаться апреля 85-го? И сказать их вместе со всеми, обсуждая программу и ход перестройки? Ведь дождались же этого времени почти все его однокашники и теперь произносят их, ничем не рискуя.

А в тот год его любимый поэт, его ровесник, возвещал под гитару:
...Если руки сложат

Наблюдал свысока

И в борьбу не вступил

С подлеецом, с палачом —

Значит, в жизни ты был

Ни при чем, ни при чем!

Прочитав письма Саблина, его дневники, конспекты, заметки на полях книг, я, теперь один из немногих, знаю, какого человека потеряли мы в 76-м.

• • •

Не было никакого белого адмирала в родословной Валерия Саблина. Прадед по матери — кондуктор-балтиец Федор Савельевич Тюкин погиб в октябре 1914 года

вместе со всем экипажем крейсера «Паллада». Дед — Василий Петрович Бучнев, родом из Великого Устюга, тоже морячил на Балтике — боцманматом в Кронштадте. Дед по отцу, вятич Петр Иванович Саблин, воевал в первую мировую на коне, а затем — в гражданскую, трижды краснознаменец.

В семье его сына, капитана I ранга Михаила Петровича Саблина, росло трое парней: младший Николай, средний Валерий, старший Борис. Отцом братья гордились, знали наперечет его боевые награды: орден Красного Знамени, два — Красной Звезды, Отечественной войны обеих степеней... Встретил войну и закончил ее Саблин-старший на Северном флоте. Его высоко ценил и уважал тогдашний комфлота адмирал Арсений Головкин. Уважал за знание дела, за скромность, за высокое чувство личной чести.

Выйдя в отставку, Михаил Петрович переехал в Горький, где еще долгие годы учил курсантов речного училища военному делу.

Братья, разумеется, готовились в моряки. Но одного подвело здоровье, другой на юношеском распутье выбрал стезю военного инженера. Так что их общую и отцовскую мечту осуществил лишь Валерий. В 1956 году он поступил в Высшее военно-морское училище имени М. В. Фрунзе — старейшее и славнейшее в стране учебное заведение, унаследовавшее стены, книги и в какой-то мере традиции знаменитого Морского корпуса.

Сохранилось письмо Саблина-второкурсника, вернувшегося из учебного похода: «Чем больше здесь [на новом эсминце] нахожусь, тем больше убеждаюсь, что не зря пошел в ВМУ, не ошибся в выборе. Здесь сильнее ощущаешь, что ты на корабле, что ты боевая единица, что командир корабля — это ответственное лицо, которое одним словом заставляет корабль мчаться вперед, палить из всех орудий, который отвечает за корабль, за людей. На крейсере этого как-то не ощущаешь. Там все добротное, прочное, это крепость на воде, даже качается он вдумчиво, важно. А эсминец носится, что птица, качается, что лодка: если делает поворот, то от всей души, ласково касаясь щекой бортом волны-лодушки...

Я уже изучил три специальности, могу заменить старшину. Люблю разговаривать с матросами об их жизни до флота, они с удовольствием вспоминают об этом, и перед тобой сразу раскрывается душа человека... 25.05.58 г.»

Пройдут годы, приухнет юношеская восторженность, но навсегда вплетется в его жизнь любовь к морю и это искреннее внимание к матросу, к его личности, его душе. Потом оно перерастет в острый интерес к человеку вообще, к положению дел в стране, в обществе.

«Служба идет хорошо. Очень привык к кораблю и матросам. Даже жалко расставаться. У нас хорошие отношения, это даже замполит заметил. Я люблю беседовать с матросами об их прежней жизни. Они любят вспоминать, и я уже знаю о многих — об одних больше, о других меньше. Интересно!»

«Беседа о Ленине прошла хорошо. Стыдно признаться, но только на 21-м году жизни, кажется, по-настоящему понял величие Ленина. Раньше это было как-то бессознательно и поверхностно...»

«**В** УЧИЛИЩЕ, — вспоминает бывший одноклассник Саблина, ныне ответственный сотрудник Министерства финансов РСФСР А. Лялин, — Валерия называли совестью курса. Не подумайте, что он был занудой из породы завзятых отличников. Нет, он был очень веселым и в то же время умел быть твердым в принципах.

Голос у него не очень сильный, ближе к тенору. Но брал он не голосом, а логикой, убежденностью. Много читал. Порой ухитрялся это делать даже в нарядах, но не манкируя обязанностями, а улучив свободную минуту.

Училищное начальство его ценило. Он быстро стал командиром отделения, одним из первых из нашего потока вступил в партию — на 4-м курсе еще. Мы выбрали его секретарем факультетского комитета ВЛКСМ.

Разгильдяям от него доставалось. Он вообще был требовательным к товарищам. Но еще раз повторяю, это шло у него не от патентованной идейности комсомольского карьериста, а от глубокой внутренней порядочности.

Простите мне громкие слова, но я считаю его идеалом советского человека. Ему бы в революцию родиться...»

Эти «громкие слова» произносил в адрес Саблина не один Лялин.

После выпуска новоиспеченные лейтенанты дарили друг другу свои курсантские фото, надписывая их от души.

«Валера, будь таким, какой ты есть и был с нами. Ю. Михайлов».

«Навыдержаннейшему, наинтерпретивнейшему Валерию. Коленов».

«Очень хочется, Валера, чтобы твои светлые взгляды на жизнь сохранились навсегда. Г. Родыгин».

«Борцу за справедливость. Г. Каневский».

Одно из пожеланий, шутовское, в стихах: «Желаю стать героем мира, чтобы тебя воспела лира, как гордость русских моряков, в течение будущих веков!»

Итак, в декабре 1960 года лейтенант Саблин начал свою офицерскую службу в Севастополе на эскадренном миноносце «Ожесточенный», который очень скоро перевели на Северный флот. На корабле он командовал группой управления артил-

лерийским огнем, затем — дивизионом... Как командовал, видно из письма, которое командир эсминца направил его отцу 22 января 1965 года:

«Уважаемый Михаил Петрович!

Командование корабля, где служит ваш сын старший лейтенант Валерий Михайлович Саблин, благодарит вас как отца за то, что воспитали для Родины хорошего сына, для партии — преданного коммуниста, для флота — примерного командира.

За период службы на корабле ваш сын имел 8 поощрений от командования корабля и флота.

Мы гордимся Валерием, с которого берут пример все командиры подразделений. Он много отдает сил и своей молодой кипучей энергии делу повышения боевой готовности корабля и укреплению воинской дисциплины среди всего личного состава...»

Командир корабля капитан 3 ранга Малаховский».

Энергия у него и в самом деле была кипучая.

— Из нас троих, — вспоминает Николай Михайлович Саблин, младший брат, — он был самый жизнерадостный. Душа любой компании, пел под гитару, хоть и без голоса, но с отвагой, Альпинист. Лыжник. Волейболист. И все с азартом, с удалью. Неплохо рисовал. Курсантом еще написал портреты Маркса и Ленина. Заядлый фотограф. С «ФЭДом» не расставался. Вон сколько снимков осталось...»

С женой, Ниной, ему повезло. Познакомились они в училище на танцах. Вроде бы обычный роман морского курсанта и ленинградской студентки. А вот нашли друг друга сразу и на всю жизнь. Она с ним и на край света, то бишь на Крайний Север, и на Эльбрус — в одной связке поднимались, и все кавказские перевалы вместе облазили.

Любительский снимок. Мостик эсминца. Лейтенант Саблин с повязкой вахтенного офицера задумался у рукоятей машинного телеграфа: «Товсь! Стоп! Малый назад! Полный вперед!..»

Так стоят на распутье перед дорожным камнем: «Направо поедешь — коня потеряешь, прямо поедешь — убитому быть...»

Он выбрал — прямо.

НЕСМОТРЯ на блестящие аттестации, лейтенант Саблин очень нескорю стал старшим лейтенантом. Звание ему задержали почти на год. За что? Написал письмо Н. С. Хрущеву, где излагал свои мысли насчет чистоты партийных рядов. Написал как коммунист, теоретически имевший право обращаться в любую партийную инстанцию. На практике же все обернулось жестким внушением, смысл которого разгадать нетрудно: «Сиди и не вякай, без тебя разберутся. А будешь лезть через головы начальства, не видать больших звезд».

124

Кажется, Саблин урок понял и с головой ушел в корабельную службу. Почетная грамота: «Старшему лейтенанту В. Саблину за достигнутые успехи при выполнении заданий командования в период дальнего перехода Североморск—Севастополь. Командир части контр-адмирал Беляков».

Когда молодой офицер переводился на другой корабль, в кают-компани эсминца ему вручили адрес на бланке командующего Черноморским флотом: «Выражаем уверенность, что вы и впредь будете служить образцом честности и преданности нашему великому делу—построению светлого коммунистического общества».

Его прочили в командиры корабля, а он удивил всех, отправившись поступать в Военно-политическую академию имени В. И. Ленина. Иные проделывали подобный курбет, чтобы сменить лямку строевой службы на не столь обременительную политработу, выводившую порой к большим звездам куда быстрее, чем крутой трап корабельной карьеры. Выбор же Саблина определялся одной из важнейших черт его характера—«во всем мне хочется дойти до самой сути».

О, если бы те, кто его судил, видели саблинские конспекты трудов Ленина, Маркса, Плеханова... Как разительно непохожи они на обычные школярски бездумно переписанные у соседа с одной лишь целью—предъявить на экзаменах. По этим выпискам хорошо видно, как вызревали саблинская мысль, его решимость...

Из К. Маркса: «Нравственное государство предполагает в своих членах государственный образ мыслей, если даже они вступают в оппозицию против органа государства, против правительства... Закон, карающий за образ мыслей, не есть закон, изданный государством для его граждан. Это закон одной партии против другой».

Из Ф. Э. Дзержинского: «Мы, коммунисты, должны жить так, чтобы широчайшие массы трудящихся видели, что мы слуги народа, что победой революции и властью мы пользуемся не для себя, а для блага и счастья народа».

МЫ ВСЕ видели, все понимали, посмеивались анекдотам и ждали, когда нам объявят перестройку, а вместе с ней и эпоху гласности. Он ждать не захотел.

Мы ждали, ибо каждый из нас считал себя слишком ничтожной силой для того, чтобы что-то изменить.

Он так не считал.

«Эпоха застоя» — очередной наш эфемеризм. Слишком мягко обозначено то время. То было не просто застой, а было гниение заживо, распад государства, растление душ. Сам видел, как корежила флот эта ползучая социальная болезнь—брежневщина: синдром приобретенного идейного дефицита.

Флот—тонкая и сложная материя, на которой сразу же отзывается любое нездоровье общественного организма, будь то взяточничество, наркомания или засилье бумаг. Корабль—модель государства в миниатюре. Лихорадит страну—трясет и корабль. В те недоброй памяти годы флот лихорадило, как никогда. Именно тогда начался расцвет махровой «дедовщины», повалил черный дым аварийности. Корабли горели, сталкивались, тонули.

В грозных приказах причиной всех несчастий чаще всего называлась «халатность должностных лиц». Но у этой «халатности» были длинные и разветвленные корни, уходившие в «идейный дефицит»; политическая апатия, показуха, пресловутый вал, только в военно-морском варианте, ледяное равнодушие начальства к быту и судьбам подчиненных, наконец, как следствие всего этого — дикое повальное пьянство.

Мог ли он выбрать иной путь? Легальный? Скажем, выступить на партийной конференции части? Но кто бы его выпустил к микрофону, просмотрев, как тогда это водилось, тезисы выступления? Далеко бы его услышали, если бы ему все-таки дали слово? Да и был у него уже печальный опыт — письмо к Хрущеву...

Своей трибуной он избрал мостик мятежного корабля. Он поднялся на эту трибуну, прекрасно сознавая, что поднимается вместе с тем и на эшафот...

С каждым годом летаргия застоя цепенила страну все глуше и крепче. Фимиами, который курили Брежневу, словно опиум, отравлял общественную мораль, право, совесть и память народа.

«Я долго был либералом,—писал Саблин в своем прощальном письме жене,—уверенным, что что-то надо чуть-чуть подправить в нашем обществе, что надо написать одну-две обличительные статьи, что-то надо сменить... Это было примерно до 1971 года. Учеба в академии окончательно убедила меня в том, что существующая государственно-партийная машина настолько тверда, что любые удары в лоб будут превращаться в пустые звуки...»

Надо сломать эту машину изнутри, используя ее же броню. С 1972 года я стал мечтать о свободной пропагандистской территории корабля. К сожалению, обстановка складывалась так, что только в ноябре 75-го возникла реальная возможность выступить... Что меня толкнуло на это! Любовь к жизни. Причем я имею в виду не жизнь сытого мещанина, а жизнь светлую, честную, которая вызывает искреннюю радость у всех честных людей. Я убежден, что в народе нашем, как и 58 лет назад, вспыхнет революционное сознание и он добьется коммунистических отношений в нашей стране. А сейчас наше общество погрязло в политическом болоте, все боль-

ше и больше будут ощущаться экономические трудности и социальные потрясения. Честные люди понимают это, но не видят выхода из создавшегося положения...»

Он увидел свой выход... Вывести корабль в открытое море и—как в семидесятом — шарахнуть в эфир: «Всем! Всем! Всем! Говорит свободный корабль «Сторожевой»... И дальше—правду-матку о положении в стране. «Граждане, Отечество в опасности!» Его подтачивают казнокрадство и демагогия, показуха и ложь... Вернуться к ленинским принципам, к демократии и социальной справедливости... Уважать честь, жизнь и достоинство личности... О, сколько всего хотел он прокричать в эфир!..

Его заветная тетрадь обрывается последней записью: «И ты порой почти полжизни ждешь, когда оно придет, твое мгновение!»

Его мгновение пришло 8 ноября 1975 года. В тот день страна праздновала не только 58-ю годовщину Октября, но и 70-летие первой русской революции: «Потемкина», «Очакова», лейтенант Шмидт...

Итак, 7 ноября 1975 года Саблин писал в своей каюте под мокрый свист балтийской осени прощальное письмо родителям...

Незадолго до этого он поздравлял их с 30-летием Победы:

«Дорогие, хорошие мои мамочка и папочка, с днем Великой Победы!!! Нет такого ордена, который был бы равноценен подвигу нашего народа! Народ голодал, народ истекал кровью, народ побеждал и народ победил!

Я крепко целую вас обоих за то, что вы тоже были этим народом! И сердцем, и умом понимаю, что вы не просто мама и папа, а родители, испытавшие войну и вложившие свой вклад в Победу, сделавшие все, чтобы в суровые годы войны растить сыновей! Спасибо! Крепко целую. Валерий».

Теперь он писал иное письмо. Поймут ли? Простят?..

Мама поняла одно: сын решил на верную гибель. Тут же отбила из Горького в Балтийск срочную телеграмму: «Получили письмо Валерия. Удивлены, возмущены, умоляем образумиться. Мама. Папа».

Телеграмма пришла 12 ноября, когда все было кончено...

Отец не сразу понял, во имя чего Валерий поставил свою жизнь на карту. Лишь потом, когда на свидании в Лефортовской тюрьме у них состоялся разговор, оставший капитан I ранга Саблин, кажется, поймет своего среднего. Во всяком случае осуждать его не станет, как бы на настаивали советчики-доброхоты.

Из протокола обыска:

«На предложение выдать разыскиваемые предметы и документы Саблин М. П. добровольно выдал:

Письмо на 4 листах белой нелинованной бумаги, начинающееся словами: «Дорогие, любимые...» и заканчивающееся словами:

«Любящий вас Валерий», и конверт, адресованный Саблиным с почтовым штемпелем «Рига. 8.11». По заявлению Саблина М. П., это письмо написано его сыном Валерием.

При обыске ничего не обнаружено и не изъято. Обыск производился в 3-комнатной квартире, коридоре, кухне, ванной и туалете».

Изъятое письмо бесследно исчезло вместе с другими документами по саблинскому делу — бланками семафоров, радиogramм, допросов. По высочайшему звонку материалы следствия были уничтожены. По крайней мере так сообщил мне бывший командующий Балтийским флотом.

По счастливой случайности сохранилось прощальное письмо Саблина, посланное жене и сыну. Перед самым обыском Нина бросила его под ванну за банки с краской. «Милая, любимая!

Мне даже трудно представить, как ты встретишь сообщение, что я встал на путь революционной борьбы. Возможно, ты проклянешь меня как человека, который испортил тебе всю жизнь. Возможно, ты назовешь меня черствым человеком, не думающим о семье. Возможно, глубоко обидишься за то, что я скрывал от тебя свои планы. А возможно, просто печально скажешь: «Чудаком ты был, чудачком и остался!»

Это будет лучшее, что я могу ожидать. Не суди слишком строго и постарайся объяснить Мише, что я не злодей, не авантюрист, не анархист, а просто человек, любящий свою Родину свободной и не видящий много пути к счастью своего народа, как борьба. Я очень любил и люблю тебя и, конечно же, Мишу. Эта любовь помогала мне быть честным к жизни...

Назовут меня «агентом империализма» — не верь. Найду ли я единомышленников в борьбе? Думаю, что они будут. А если нет, то даже в этом одиночестве я буду честен.

Настоящий шаг—это моя внутренняя потребность. Если бы я отказался от борьбы, я бы перестал существовать как человек, перестал бы уважать себя, я бы звал себя скотиной...

Не знаю, как в письме передать свои мысли наиболее убедительно, и очень жалею, что не мог рассказать их раньше. Я не хочу, чтобы после моего выступления к тебе со стороны властей были хоть какие-нибудь претензии, как моей сообщнице. Вот почему я был нем, хотя очень хотел раскрыть тебе свои помыслы. Примерно такое же письмо я написал своим родителям. Я тебя очень попрошу—не забывай их и помогай всячески. Как-то они вынесут сообщение о моем выступлении! Очень беспокоюсь об их здоровье.

Как отнесется Миша к сообщению! Постарайся ему объяснить, что я не такой плохой, как меня будут представлять официальные органы и пресса.

Возможно, кто-то из знакомых и товарищей отвернется от нашей семьи как

опасной для знакомства. Не переживай—такие и не могут быть достойны твоего внимания.

Я оптимист и не смотрю на выступление трагически, хотя шансов на успех приблизительно сорок процентов. Я уверен, что даже сам факт выступления уже дань революционному движению. Но я приложу всю энергию, все силы, чтобы довести дело до конца, то есть до создания центра политической активности в нашей стране...

Это не прощальное письмо, но все же знай, что я очень хочу, чтобы вы с Мишей были счастливы, и не буду осуждать ни одного из твоих поступков, если ты будешь счастлива.

Не весь я твой—меня зовут

Иная жизнь, иные грезы...

Не двинул к пристани свой челн

Я малодушною рукою

И смело мчусь по гребням волн

На грозный бой с глубокой мглою.

Я не хочу быть ни лицемером, ни ничтожным человеком. О, радость битвы!

Больше бодрости, моя родная, больше

веры, что жизнь прекрасна, что прогрессивное, революционное всегда победит!

Целую тебя крепко.

До свидания!

Твой Валерий. 8.11.75 г.»

Отправив письма на берег, капитан 3 ранга Саблин снял трубку корабельного телефона. Пришла пора действовать.

Хронику дальнейших событий я излагаю весьма приблизительно — так, какой она дошла до меня в различных пересказах. Участники событий, надеюсь, ее уточнят.

Ранним утром 8 ноября, задолго до подъема флага, Саблин с секретарем комсомольской организации и доверенными матросами арестовал командира корабля, запер его в кормовом ракетном погребе, приставил к дверям часового и сыграл аврал: «С якоря сниматься, по местам стоять...»

«Сторожевой» стоял в устье Даугавы—в парадном строю. Снялись с якорной бочки, спустили праздничные флаги расцвечивания и двинулись в сторону Ирбенского пролива. Ни у кого из берегового начальства этот странный уход «Сторожевого» беспокойства не вызывал: мало ли какую задачу мог получить корабль?

Тревогу забыли тогда, когда спустьа какое-то время с якорной бочки, где стоял «Сторожевой», сняли мичмана, который бросился за борт, чтобы сообщить о случившемся.

В погоню были посланы ракетные катера, а затем и самолеты морской авиации.

Тем временем Саблин собрал офицеров в кают-компанию и зачитал им текст антибрежневского воззвания. Объяснил, что всю ответственность он берет на себя, что будет добиваться присылки на борт корреспондента телевидения, что после обнаружения воззвания корабль пойдет в Кронштадт. Препятствовать ему никто не стал, хотя полного единодушия не было.

Радиотелеграфист побоялся выходить в

эфир открытым текстом и согласился передать воззвание только в шифрованном виде. Пока работал шифровальщик, появились самолеты. Они зашли на боевой курс и дали предупредительные залпы.

В эти роковые минуты события на «Сторожевом» развивались стремительно. Шифровальщик освободил командира, и тот с оружием бросился на главный командный пункт. Он выстрелил в Саблина, ранил его и приказал рулевому ложиться на обратный курс.

С приходом корабля на базу Саблин был арестован и отправлен в Москву. Следствие по его делу было несложным. Он ничего не отрицал...

Пока лежал в торном лазарете (пуля пробила ногу чуть ниже колена), писал родителям бодрые письма, стараясь подерживать в стариках веру, что жизнь у него не отнимут. Письма эти сохранились.

«24.03.76 г. Здравствуйте, дорогие мои мамочка и папочка!

...У меня все хорошо. Продолжаю подерживать здоровье и настроение на должном уровне. Много читаю, так как здесь очень хорошая библиотека. Стараюсь меньше сидеть и лежать, больше ходить. На прогулках напеваю песни, что помогает прочищать легкие и поднимает жизненный тонус.

«...Я люблю тебя, жизнь, и надеюсь, что это взаимно!»

К сожалению, весна никак не начинается. А хотелось бы уже солнышка и тепла. У вас, вероятно, такая же кислая погода, простудная... Берегите себя! На госпиталь (больницу) надеюсь, а сам не плошай!»

«3.06.76 г. ...Только что получил ваше первое письмо из Бельны. Сразу же сел отвечать, так как за полтора месяца соскучился по вашим и Нининым письмам. Именно такие подробные письма о всех мелочах в вашей жизни для меня очень ценны и дороги!

...Спросите у Пригуновых (соседей. — Н. Ч.), понравилось ли корове сено, которое мы с папой так усердно спасали от дождя. Пишу и чувствую запах сена. Хорошо!

Рад за вас, что вы дышите чистейшим бельнянским воздухом! Все должно быть для здоровья с максимальной отдачей! — такой должен быть у вас девиз на четыре месяца.

Что, мама, ты сейчас читаешь? Читала ли рассказы Шукшина! Кажется, в сентябрьской «Роман-газете» они были опубликованы. Как впечатления! Берегите себя, мамочка! Ты знаешь, о чем я говорю...

...О себе мне как-то и писать нечего. Кажется, не меняюсь ни к лучшему, ни к худшему. Это относится и к здоровью, и к настроению, и к внешнему виду.

...Читаю Романа Роллана о Бетховене, Толстом и Микеланджело. Назвал он свою книгу «Героические жизни», но в этих жизнях больше страдальческого, чем героического...

Прочитал «Письма из Сибири» — это

сборник писем Кирова, Свердлова, Куйбышева и других революционеров своим родным и близким. Впечатляющая книга.

Режим выдерживаю строгий и разрешаю себе не делать физзарядку только в воскресенье. Ну а в субботу, как положено,—большая приборка. То есть поддерживается флотский порядок и режим. Так что обо мне не беспокойтесь. Берегите себя!»

Потом, после нескольких месяцев злобующего молчания, пришел тонкий конверт. Из него выпало вот это:

«Свидетельство о смерти.

Гражданин Саблин В. М. умер третьего августа 1976 г. в возрасте 39 лет, о чем в книге регистрации актов о смерти 1977 г. февраля месяца 22 числа произведена запись за № 344. Причина смерти—(прочерк). Место смерти—(прочерк)».

По странному совпадению, в номере свидетельства о смерти оказались цифры бортового номера корабля.

Возраст Саблина указан ошибочно. Когда его расстреляли, ему было 37 лет.

Михаил Петрович Саблин пережил сына на шесть месяцев. Он умер в январе 1977-го. Не выдержав смерти двух самых дорогих для себя людей, скончалась спустя полгода и Анна Васильевна Бучнева, мать Валерия Саблина.

Знаю, что история Саблина вызовет разные толки. Скажут, что как офицер он не имел права покушаться на власть командира, самовольно вступать в управление кораблем... Но в том-то и дело, что Саблин был не просто офицером, он был политическим работником, комиссаром, представителем партии на корабле. И хотя он действовал в одиночку, на свой страх и риск, фактически он представлял те здоровые, честные силы партии, которые спустя десять лет поведут страну к обновлению, очищению, к перестройке.

Приходило ли кому-нибудь из судей в голову, что в лице Саблина был уничтожен тот самый новый человек, о котором столько суесловили,—гармонично развитый, с активной жизненной позицией? К великому неудовольствию старшин казарменного социализма, этот новый человек обладал способностью мыслить и действовать. Эти два качества предполагались лишь в теории, а уж никак не на практике. Он очень напугал их, этот новый человек, и они поспешили его уничтожить.

Есть в гибели Саблина своя загадка. Из самого последнего его письма видно, что

он никак не ожидал смертного приговора. Кем-то очень обнадуженный, он просил родителей прислать теплые вещи и дорожные продукты. Это было в конце июля, но...

Я не адвокат и, наверное, не имею права оспаривать приговор военной коллегии, но не покидает меня сомнение: а не сработала ли и здесь Фемида с телефонной трубкой в руках вместо весов правосудия?

С КАКИМ достоинством, с каким горьким смирением несла свой крест все эти годы обезглавленная семья Саблиных. И хоть не тридцатые, не сороковые, ох не сладко и в наши дни быть женой и сыном «изменника Родины». Едва только военный городок потрясла весть о «Сторожевом», об аресте Саблина, как сосед по подъезду, некто капитан Белоусов, тут же стал улучшать свои жилищные условия за счет опальной семьи. Взломал дверь, принес свои вещи—убирайтесь, и все!

Все-таки далеко не все смотрели на Саблиных косо. Несколько раз заходил в гости старпом, капитан 3 ранга Новожилов, спрашивал, не нужна ли какая помощь. Заглядывали и другие офицеры. Но потом прекратились и эти визиты. Кольцо отчуждения росло и ширилось. Нина решила уехать в Калининград, где им с Мишей дали однокомнатную квартиру. Потом она и вовсе переехала из чужого города в Ленинград, к маме. Там и сейчас живет в поселке Веселом, где не так уж и весело,—далекий новостроенный район.

И вот что важно заметить: те всемогущие неизвестные силы, которые решили судьбу мужа, не стали ломать жизнь ни ей, ни его братьям, ни его сыну. Конечно же, у Николая и Бориса собрались над головой черные тучи, но гром не грянул, оба остались на своих ответственных инженерных постах. Не помешали они, эти силы, и ей прописаться в Ленинграде, а Мише поступить в университет. Правда, парень хотел быть моряком, но дорога на биофак изучать древних ископаемых животных юрского периода. Благо уж в этой сфере никак не посявится его генетическая предрасположенность к «измене Родине». Однако на всякий случай от военной кафедры его отлучили.

ОТ РЕДАКЦИИ. Скажем прямо: неоднозначное отношение вызвал у нас этот материал. Были споры, высказывались сомнения. Уж слишком необычна ситуация. Можно ли даже с позиций сегодняшнего дня оправдать поступок Саблина? Да, как офицер, он нарушил воинскую присягу, и этому не может быть никакого оправдания. С оружием—особенно в наш ядерный век—играть нельзя, это способно привести к чудовищным, непредсказуемым последствиям.

А если поставить вопрос по-другому: не случилось ли тогда, в годы застоя, трагического столкновения служебного долга с долгом гражданина, коммуниста?

Предлагая этот материал, мы надеемся, что читатели вслед за автором смогут заглянуть в душу Саблина, попытаются понять мотивы, по которым он действовал. И сделать для себя правильные выводы.

Поле учит, поле закаляет. Казалось бы, расхожая фраза, тем не менее в справедливости ее сомневаться не приходится. Только практические занятия в реальной обстановке по-настоящему приближают солдата к той вершине, название которой — воинское мастерство.

На снимках:

■ Физическую закалку — каждому.

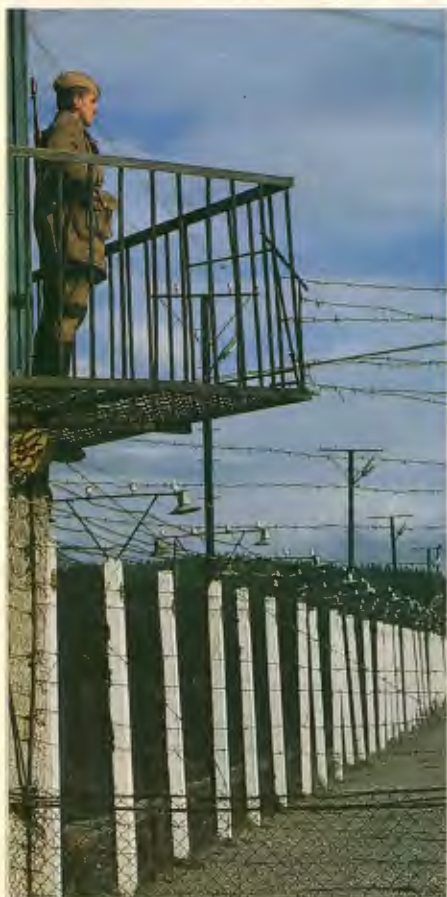
■ Есть связь! Командир взвода лейтенант А. Пищугин и рядовой Р. Азгаров.

ФОТО А. АЛЕКСАНДРОВА.

ТЯЖЕЛО В УЧЕНИИ...

СЛУЖИМ

В ЗАПОЛЯРЬЕ

Коротко заполярное лето. Не успеешь оглянуться, «как зима катит в глаза». Потому так дорог каждый погожий день для проведения занятий, для лесных вылазок за ягодами. И продолжается служба — ответственная, напряженная, не знающая перерывов.

На снимках:

- Пост принял.
- Всегда готов к выполнению поставленной задачи ефрейтор О. Ведерников.
- В поиске.

ФОТО Б. ПОПОВА.

■ Задуманная беседа в непринужденной обстановке — надежный путь к сердцам подчиненных, считает лейтенант И. Сенокосенко.

Как полон твой взор чистоты,
И, трепетно глядя на свечи,
Ты вся — окрыленность мечты,
Ты вся — ожидание встречи.

**ВОЗРАСТ
НАДЕЖДА**

В ЯНВАРЕ ПОД АЗАДОМ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

ДАЖЕ мощные моторы бронированных машин на этой крученной горной дороге не выдерживали напряжения, работали на пределе, как больные сердца. Капитан Касымов озабоченно взглянул на взмокшего водителя, спросил проводника:

— Долго еще ехать?

— Можно сказать, приехали, — мужчина, армянин средних лет, только после этого своего ответа, кажется, чуть расслабился и потер ладонями виски. — Последний подъем одолеем, и будет Аджикенд.

Подъем они не одолели. На одном из ближайших поворотов дорога оказалась завалена камнями и тут же стояла огромная толпа людей. Проводник сжался, сразу стал серым. «Напрасно он так, — подумал Касымов. — Кого боится? Что мы, на вражеской территории, что ли?»

Впереди толпы стояли милиционер и мужчина в гражданском костюме, но, судя по выправке, по волевым, уверенным движениям, тоже военный. Именно он сделал несколько шагов навстречу бэтэру, махнул рукой. Жест понятный: просит выйти командира.

Через считанные минуты БТР и шедшая за ним бронемашина пехоты оказались в плотном кольце людей. Касымов вылез из брони, то же самое сделал и старший лейтенант Голубев. Последний едва коснулся земли, как его здесь же, возле бэмпэшки, схватили за руки и держали, не давая подойти к Касымову.

— В чем дело? — неожиданно осипшим голосом крикнул Касымов. — Отпустить, немедленно отпустить!

Он хотел направиться к Голубеву, но на его пути встали милиционер и тот, с военной выправкой.

— Здесь приказываю я, — мужчина вынул из кармана красные корочки удостоверения, махнул ими перед глазами капитана. — Я офицер госбезопасности и по званию и по должности выше вас, потому прошу подчиниться.

— Я выполняю боевую задачу, — начал Касымов, — и вы не имеете никакого права...

Но назвавшийся кагэбистом и слушать офицера не хотел:

— Ваши солдаты должны немедленно покинуть машины и сдать оружие. Только на этих условиях мы гарантируем вам жизнь и доставим всех в воинскую часть.

— Какие глупости! — вспыхнул Касымов. — О чем вы говорите?

— ...В противном случае собравшиеся здесь люди могут подорвать и сжечь эти машины, боюсь, вместе с солдатами. Вы, правда, можете поступить по-другому...

Касымов более внимательно осмотрел бушующую вокруг него толпу. Молодые парни с ружьями, автоматами, у некоторых даже гранаты в руках, двое из таких оседлали бэтэр. Женщины. Старики. Дети. Стоят плотно друг возле друга.

Собеседник офицера продолжил:

— Можете поступить по-другому. Взять и выполнить свою боевую задачу. Но для этого вам придется ехать по телам людей — они, я уверен, не отойдут от колес. Вы можете отдать приказ давить детей, женщин? Вот так-то. А это значит, у вас нет выбора, понимаете?

— Чем вызваны ваши действия? — спросил Касымов.

— Будем считать, что заботой о вас. Видите, народ возбужден, его действия трудно контролировать,

— Мне кажется, наоборот: вы контролируете довольно умело...

— Капитан, — теперь уже заговорил милиционер, его голос звучал жестко и требовательно. — Мы находимся не в дискуссионном клубе. Неужели не понятно: есть только два решения задачи. Вы огнем и мечом прокладываете себе дальнейший путь — это раз. Какой резонанс вызовут ваши действия — трудно даже представить. И потом, если вы прорветесь здесь, то обязательно застрянете у других заслонов. В Аджикенд машины не войдут, поверьте. Второе решение приемлемо для обеих сторон. Из брони вы пересаживаетесь в наш автобус, сдаете на время оружие, чтоб не возникло никаких эксцессов, и мы тотчас же отвозим вас в часть. Это — два. Третьего не дано, разве что народу надоест ваша нерешительность, и он примется штурмовать машины, выкуривать оттуда солдат и армянина, которого вы везете по нашей территории.

«Так вот из-за кого они вышли на перевал, — подумал Касымов. — Но откуда они узнали о проводнике?»

Вслух же он сказал:

— Единственный вопрос: от чьего имени вы действуете?

— Можете считать, от имени Народного фронта Азербайджана. Ну, на что решается: поведете свое войско против народа или же...

Касымов отдал приказ личному составу выйти из машин.

Военнослужащих погрузили в автобус, повезли сначала в Ханлар, потом в Гянджу. Большую часть дороги Касымов молчал. Можно лишь гадать, о чем он думал.

Наверное, о странной ситуации, помешавшей ему, исполнителю, дисциплинированному офицеру, выполнить боевой приказ. Что он мог придумать? Места для маневра машин не было, впереди и сзади стояли люди. Много людей. Он, капитан Касымов, не допустил, чтобы пролилась чья-то кровь. Но отдал за это оружие, технику. Правда, не врагу же отдал — народу... Это с одной стороны, а с другой — он ведь не дипломат, а военный. Хотя здесь, в Закавказье, он это ясно видит, к середине января войска и десантники на все сто компенсируют работу тех, кто должен решать возникшие проблемы политическими методами. За непрофессионализм в этой области с них спросится, спрашивать ведь всегда легче. И сами политики будут потом указывать пальцами на военных, так уже было. Это — по большому счету. А по малому и в действиях Касимова найдут крамолу: «Ему нужно было поступить так или этак...» Да, в любом случае он может оказаться стрелочником...

А может, Касымов думал совсем о другом — кто его знает! Может, он просто вспомнил, что сегодня тринадцатое января, несчастливое число, и винил во всем эту дату?

1

Ч АЙКЕНД — населенный пункт Азербайджана, где домики, как пчелиные соты, прижались друг к другу по горизонталям и вертикалям, облепив облюбованную ими гору. Здесь, как и в двух близлежащих селениях — Камо и Азаде, живут армяне. Давно живут, веками. Райская земля, райский воздух — благодать! Впрочем, такая же земля и такой же воздух и в азербайджанских селениях — в ближайшем Аджикенде, к примеру. Так что жили-спорили: чьи груши слаще, чье вино лучше. На рынках, смеясь, спорили, приобщив веселых застолях...

Капитан Осетров шагает по окраине Чайкенда вдоль рва, тянущегося от совхозной МТС далеко в поле. Шагает и выслушивает странные на первый взгляд пояснения двух своих собеседников:

— Здесь, Сергей Николаевич, будет линия нашей обороны. Хороший обзор дороги, и ничто не мешает вести огонь.

— У вас что, оружие есть? — вроде бы удивившись, спрашивает Осетров.

— Ну что вы, какое оружие?! — не скрывая улыбок, в один голос отвечают те.

Осетров великолепно знает, почему они улыбаются. У них есть автоматы, винтовки, нарезные ружья, гранаты... В другое время он, капитан Осетров, обязательно бы спросил, с какой это стати невысокий, широкий в плечах мужчина, который идет сейчас справа, имеет под мышкой кобурку, по всей видимости, не пустую, есть ли у него право на ношение оружия. Но так было бы в другое время. Сейчас «все смешалось в доме Облонских». Что кобурка? Четыре дня назад он встретился с вооруженными боевиками, восседавшими аж на двадцати автомашинах. Они ехали проводить боевую операцию, ни больше ни меньше — сами кричали об этом. Сотни стволов готовы были начать «переговоры» с так же вооруженной другой стороной. Осетров стал посреди дороги, тотчас оказался в окружении возбужденных, почти не контролируемых людей. Он заставил их выслушать себя до конца, и машины дали обратный ход. Один из боевиков на прощанье сказал ему: «Ты крепкий мужик, Осетров, уважаем таких». И — уважили. Дом на краю Чайкенда, где он остановился с солдатами, заблокировали напрочь. На ворота повесили замок — «уазику» не выбраться. С утра до утра двор полон людей: «Не дадим вам уйти, солдаты, кто же нас защитит, если из Аджикенда банды нагрянут!» Дали телевизор, приносят фрукты, овощи, даже носки шерстяные... И вот в качестве консультанта пригласили офицера осмотреть их «защитный редут».

— Сергей Николаевич, если что — выделите нам подмогу? Поможете в тактике?

— Тактика у меня одна: охладить ваши горячие головы, в которые вложены неумные действия.

Вот такой он, Осетров, прямой мужик. Не юлит, ни с кем не заигрывает, формулировок обтекаемых не ищет.

— Так ведь не мы во всем виноваты, Сергей Николаевич, — они виноваты!

— «Они»! У меня Юля с Сашей, дети, как рассорятся, то сразу крайнего ищут — кто начал. Но им прощительно — малыши.

— Товарищ Осетров, — заговорил тот, что с пистолетом. — Нам надо наверняка знать: мы можем на вас рассчитывать или нет? Вы ведь все равно не выберетесь из Чайкенда, вы, простите за прямоту, наши заложники, так что выгоднее сотрудничать...

— Пугать не надо, не из тех. Захотим — ни замок нас не удержит, ни охрана ваша, ни даже то, что на «уазике» передний мост не включается... Здесь мы для того, чтобы кровь не пролилась, ясно? «Маугли» помните? «Мы с тобой одной крови...»

— Но, по нашим данным, в районе Аджикенда ходят вооруженные люди, призывают азербайджанцев идти на армянские селения и захватывать там дома. Если они действительно пойдут, что вы будете делать? Смотреть, как азербайджанцы нас уничтожают?

— Не путайте азербайджанцев с бандитами. Если же последние действительно объявятся, мы на них управу найдем. Так, Воробьев, найдем?

Ефрейтор Вячеслав Воробьев, идущий чуть позади офицера, ответил сразу:

— Так точно, товарищ капитан, найдем.

Гул тяжелых моторов раздался со стороны дороги. Осетров взгляделся, прищурив глаза:

— БТР, БМП. В Аджикенд идут, так что, товарищи, спите спокойно, думаю, они там наведут порядок. Сегодня какое чясло, тринадцатое? Несчастливое, а день тем не менее спокойный выдался. Завтра, значит, еще лучше будет.

2

В РОДЕ к тому и шло, чтоб четырнадцатое января стало отменным днем. Накануне думы из труб стояли свечками, да и по другим приметам погода ожидалась славная. Перед рассветом звезды незаметно таяли в чистом небе, и таким же чистым лежал на земле недавно выпавший снежок.

Звуки далеких выстрелов заставили Осетрова выпрыгнуть из кровати. Он спешно оделся, и тут же во дворе дома затопали десятки ног, послышались крики. У двери капитан лицом к лицу столкнулся с одним из вчерашних своих собеседников:

— Сергей Николаевич, азербайджанцы напали на Азад. Потом они пойдут на Камо, потом — сюда.

— Нападают преступники, а не нация... Ну да ладно, не время об этом спорить. Поможете мне и солдатам добраться туда?

— У ворот стоит красный «жигуленок».

— Лучше бы на нашем милицейском «уазике», один бы его вид на них отрезвляюще подействовал. Да передок нерабочий, и пока ключи от замка на воротах найдем... Ладно, выезжаем.

В шесть пятьдесят утра капитан Сергей Осетров, ефрейтор Александр Мороз, рядовые Алексей Прижимкин и Вячеслав Федотов выехали туда, где все не умолкали автоматные и пулеметные очереди. Со времени их подъема по тревоге и до того мгновения, когда водитель, местный чайкендский житель, армянин, сорвал с места и сразу погнал во всю прыть легковушку, прошло не более пяти минут.

Еще через десять минут к дому, где жили солдаты, подъехала вторая машина. Сюда сели младший сержант Степан Якимов, рядовые Олег Лаврищев, Вадим Решетняк и ефрейтор Вячеслав Воробьев. Кроме них и водителя, в салоне сидел и вооруженный человек, которого солдаты нередко видели до этого во дворе дома.

Там, где вчера Осетров осматривал линию обороны, Якимов и Воробьев выпрыгнули из машины, зашпешили к траншее. А машина пошла дальше, к Азаду. Но до Азада не дошла, так как дорога плотно обстреливалась. Пришлось им остановиться у селения Камо, и оттуда Решетняк, Лаврищев и вооруженный гражданин, который ехал с ними, побежали в Азад, уже видя суетящихся на взгорье людей и бронетранспортер, неизвестно по кому бьющий из пулемета. Со двора одного из домов им махнули рукой, приглашая к себе. Забежали, поднялись на второй этаж. Из окна комнаты была видна дорога, ведущая в Аджикенд, по ней уходил бронетранспортер и группа вооруженных людей. С десятка армян, все в воензированной униформе, били из окна комнаты по уходящим из автоматов и винтовок.

— Не видели, где наш офицер? — спросил Лаврищев.

Стреляющие в ответ лишь пожалы плечами.

Часы показывали начало девятого.

3

ИЗ РАССКАЗА младшего сержанта Степана ЯКИМОВА:

«Мы с Воробьевым, когда вылезли из машины, сразу поспешили к траншее, где ходил накануне Осетров. Думали, может, наш капитан здесь находится. Не нашли. А со стороны Азада стрельба все сильнее. И я решил, что капитан Осетров там, где горячо. Уверен в этом был. Потому сам отправился туда, а Воробьеву приказал вернуться в Чайкенд, сообщить нашим, что выдвигаться надо в Азад».

Из рассказа ефрейтора Вячеслава ВОРОБЬЕВА:

«Я к трассе выскочил, которая к Чайкенду ведет, чтоб, значит, до базы добраться, то есть до места, где взвод дислоцировался, и тут вижу, мужчина ко мне бежит. Передай, говорит, своим, что Осетров просит ему патроны подвезти, патроны у него заканчиваются. Ну, я, естественно, с расспросами: что там, как? А он — все, мол, нормально, патроны только вашему капитану нужны... Знал бы — хоть в лицо его получше запомнил, хоть еще бы что выведал. Но раз нормально, тогда чего ж. В общем, вернулся на базу, рассказал все замкомвзвода старшему сержанту Семенову, захватил патроны и на той же легковушке, которая меня в Чайкенд привезла, дунул в Азад. Боя там уже в принципе не было, стреляли по селению со стороны Аджикенда издали, как и из некоторых домов — по отступающим. Смотрю: на крыльце одного дома стоит младший сержант Якимов, с хозяевами, видно, беседует, и те на дорогу, к перекрестку, руками показывают. Подбегаю, слышу: танк, говорят, легковушку там раздавил, и перестрелка вовсю шла. За танк они, я так понимаю, БТР или БМП приняли. Побежали мы с Якимовым на трассу, видим, снег примятый, три лужицы крови и сплошная россыпь гильз. Я поднял несколько, смотрю: наша серия. Но машины не видно, и никого из группы Осетрова нет...»

Из рассказа старшины Александра СЕМЕНОВА (это воинское звание он получил спустя неделю после описываемых событий):

«Якимов и Воробьев бывали там, где принял бой капитан Осетров, примерно в девять пятнадцать. Я с очередной, третьей группой приехал в Азад около десяти. Опять осмотрели место, где кровь, гильзы, увидели и автомашину, на которой наш офицер уехал в Азад с базы. Ее местные жители перетаскивали метров за триста от первоначального местонахождения, туда, где дорога сужается, и заминировали: на случай, если бандиты на захваченной ими боевой технике вздумают вернуться. В открытую к «жигуленку» подойти нельзя было: снайперы с гор били, пули то и дело о булыжники чиркали. Но мы все ж оглядели машину: с одного боку — входные следы от пуль, а следов крови в машине нет. Обрадовались. И еще поняли, что БТР или БМП подмяли под себя пустую машину. Будь там люди, их бы железом зажало. Как только я выставил подчиненных на случай возможного повторного нападения бандитов, тотчас же организовал розыск группы капитана Осетрова. Во дворе дома, у изгороди которого по нашему предположению приняли бой сослуживцы, нашли разбитый аккумулятор от радиостанции, которая была у Вячеслава Федотова. И все, и никаких больше следов».

П БТР Михайлович Кузьмаков — невысокий, худощавый, незаметный какой-то. В комнате шум да гам, каждый из присутствующих спешит высказать свою версию о развернувшемся в ста метрах от этого дома бое — том самом, где сражалась группа Осетрова, а Кузьмаков скромненько сидит в углу и рассматривает свои ботинки. Словно нет ему никакого дела до возбужденных разговоров и споров, словно он зашел с дороги передохнуть сюда, а не является членом следственной группы управления уголовного розыска.

Постепенно говорящие все же склоняются к одной версии. Значит, так. «Жигуленок» с Осетровым мчит по трассе, видит перед собой БМП, разворачивается поперек дороги. Офицер и солдаты выскакивают, занимают позиции у изгороди — плетеной металлической сетки, и открывают огонь по боевикам, спускающимся к Азаду с горы, то есть перпендикулярно дороге. Бьют и вдоль трассы, но самим же им огонь тех, кто на трассе, не так страшен: ведь солдат прикрывает машина, она — как пулеуловитель. Вроде все складно: и тактически верно, и свидетельские показания такой картине не противоречат, хотя их так мало, этих показаний. Так или иначе, шестеро недавно споривших наконец-то пришли к единодушию: с картиной боя все ясно...

Только теперь Кузьмаков отрывает взгляд от ботинок.

— Это легенда номер раз, — говорит он.

Мы уже знаем, что обозначают сии слова. Легенда номер раз — первое, что приходит в голову людям, ломающим головы над той или иной загадкой.

— Но ведь есть же очевидцы, Петр Михайлович, и потом, элементарная логика размышлений на нашей стороне, — пробует не соглашаться с ним один из шестерых офицеров.

— С мест, где стояли очевидцы, дорогу и днем-то толком не разглядишь — рельеф местности сложный, а в семь утра... — он покачал головой и продолжил: — Склон горы у дороги обрывается круто, если бы пули летели в ту сторону, они бы обязательно оставили следы и на обрывчике. А следов, как видим, нет. Дальше. Гребешок обрыва нигде не затоптан, следовательно, люди с этой стороны к трассе не спускались. И наконец, вы не обратили внимания на то, что пули входили в бок «жигуленка» только по касательной. А ведь машина, по вашему, стояла перпендикулярно огню пулемета.

Мы все некоторое время молчим. Нет у нас слов возражений. Остается только спросить: ладно, легенда номер раз не выдерживает критики, но есть ли у профессионала легенда номер два?

Кузьмаков чуть заметно пожимает плечами и отвечает не сразу:

— Знаю точно пока одно: они не «Жигулями», а собой дорогу перекрыли, простите за красоту. Заставили банду убираться из Азада, не пустили ее на Камо и Чайкенд. А вот о деталях происшедшего говорить пока еще рано. Тут надо не только в следы бся всматриваться, но и в самих людей: кто они, на что способный?

5

ЛЮДИ как люди вроде, самые обычные, ничем не примечательные на фоне остальных солдат батальона.

Ефрейтор Александр Мороз. Недавно вернулся из отпуска, был в своем родном Бресте. Полтора года службы за спиной, после увольнения в запас собирался идти на работу в органы МВД. Что еще? Спортом увлекался. Девчонкам, наверное, нравился: стройный, большеглазый...

Рядовой Алексей Прижимкин. Призыв — май восемьдесят девятого. Мама очень переживала: сойдется ли он с коллективом? Приезжала, познакомилась с сослуживцами сына, осталась очень довольна. Ездил с Алексеем в заповедное место — на озеро Гёк-Гёль, фотографировалась там с ним. «Повезло тебе, сынок, с хорошими ребятами сошелся, в чудесном месте служишь...»

Рядовой Вячеслав Федотов. Призывался вместе с Прижимкиным. И тоже мать приезжала, и тоже радовалась.

А вот о командире группы, заместителе начальника штаба отдельного батальона капитане Сергее Николаевиче Осетрове стоит рассказать особо. Была у него черная полоса в жизни. Командовал ротой — стал взводным, был членом партии — стал беспартийным. В восемьдесят пятом это случилось, в разгар антиалкогольной кампании. К сказанному вроде бы и добавить нечего, но все же добавлю. Не для того, чтобы грешника в ризы святого рядить, чтоб покрасивше герой выглядел... Пересказываю слова офицеров, хорошо знавших Осетрова. Прямой он человек, жесткий, начальству в рет не глядел, рубил сплеча правду в адрес тех, кто под прикрытием высоких должностей поступал нечестно. «Допрыгаешься, докритикуешься», — предупреждали его. И точно, допрыгался... Впрочем, о подробностях этого дела сейчас рассказывать незачем, все равно получится, что черного обеляем, виновного оправдываем. Был виноват; ладно. Перешел в другую часть, начал, можно сказать, с нуля. И доказал всем, что без гнильцы имеет характер. Должность вполне подходящую получил, сослуживцы выбрали председателем совета офицерского собрания. Теперь-то выбирают тех, кому верят, а не кого сверху рекомендуют... Что еще? Жена Леночка, сын Александр, дочь Юля.

Вполне возможно, отцом и мужем был не идеальным с характером-то своим, но разве есть в природе идеальные мужья?

Был, был, был... Да неверно все это, нельзя в прошедшем времени говорить о людях пропавших, так хочется верить, что они вернуться, опять станут в строй. Ведь есть же, есть же, как говорит Кузьмаков, легенда номер раз и по этой теме: их, раненных, погрузили на броню, отвезли в Аджикенд, где одна старая женщина сделала им перевязки, а потом их как заложников повезли дальше, может быть, переправили даже за границу — один экстрасенс высказал и такую версию...

Надежда, говорят, умирает последней. Так вот, она жива.

Четырнадцатого марта, то есть через два месяца после исчезновения группы Осетрова, командиру батальона позвонили среди ночи родители Саши Мороза: «Нам только что стало известно, что сын нашелся, вернулся в казарму, дайте ему трубочку...» У подполковника Миклаша Иштвановича Дубравки спазмы сжали горло, он чуть не заплакал. «Нет его пока», — сказал и выделил при этом последнее слово. До утра не спал и всю следующую ночь. Слово сам ждал, что придет вот-вот ефрейтор Мороз. Такая штука надежда. Надеются родители, надеются командиры, да все мы надеемся!

Надемся, хотя тщательный осмотр местности, опросы населения не дали пока ответа на вопрос, живы или нет четверо военнослужащих.

6

ЧЕТЫРЕ — не иголка в стоге сена. Но...

Но надо жить ситуацией, возникшей сейчас в Закавказье. Плохо, очень плохо, что нашлись

силы, толкнувшие один народ на другой. Однако вспыхнувший вооруженный конфликт между нациями можно остановить, и он уже приостановлен, правда, средствами не политическими, а военными. Военные коменданты здесь — и местная, и верховная власть, обеспечивающая мир. Но, пока нет решений по региону на государственном уровне, нет у людей уверенности в завтрашнем дне. Зато появился страх.

Старый шестидесятивосьмилетний охотник, армянин, живущий на самой окраине Чайкенда, рассказал — а он большой мастер рассказывать вот так поэтично — о том, как вспыхнул раздор на его земле.

«Мы с азербайджанцами у одного костра сидели, как братья, и нечего нам было делить. А тот, кому надо было делить, давно нас поссорить пытался. Когда люди в ссоре, они ведь головы теряют, и обманывать их легче становится. Так вот, стал он в костер нашей дружбы сырые дрова подбрасывать, и дым пошел и застил нам глаза. Заплакали мы от него, начали паль-

цем друг на друга тыкать: ты виноват, ты виноват. А главный виновник — это ведь тот, кто сырые дрова бросал...»

Увидев блокнот и авторучку, рассказчик прямо-таки взмолился: «Только не пишите мою фамилию, знаю, что ничего конкретного вам не сообщал, но не пишите, прошу. Я не трус, никогда и никого не боялся, а вот сейчас...»

Даже от афористических строк люди отказываются, а где же найти им сейчас смелость давать показания по конкретному, может быть, уголовному делу? Ничего не видели, ничего не слышали. Тот, кто мастер сырые дрова в костер подбрасывать, еще не лишен ни силы, ни власти. Массами прикрывается, ополшая, причем сознательно, все начинания, рождающиеся в перестроечное время. Автомата он не боится — за спину обманутого им же юноши спрячется, детей под колеса бронемшины пошлет. Всенародную, социальную войну ему объявить надо — хитрому и крайне жестокому противнику, да не вызрели, видно, у нас тактические замыслы на такую поистине справедливую войну. Лишь на оружие уповаем как на самое доступное средство. А это не выход, не выход...

Из рассказа политработника майора **В. ГОВОРУХИ**:

«На мосту в районе села Тодан — очередной конфликт. Сверху, на горе — отряды вооруженных армян, внизу — азербайджанцы, тоже, понятное дело, не с пустыми руками. И уже так себя раскалили, что вот-вот огонь откроют. Глаза горят, руки дрожат, кричат такое, что... Не для печати, в общем. Еле-еле успокоили людей, но лично я завелся, злой после этого на них был. Осетрову при случае поведал о происшествии на мосту, ну и свою позицию в адрес обеих сторон высказал. Осетров — он ведь в подобных переделках неоднократно бывал, вот я и рассчитывал, что поддержит он меня. А Сергей: «Наивные они, непосредственные. Жаль, что от таких качеств под дуду провокаторов поют часто». Тут только я и остыл: прав ведь капитан, безусловно, прав».

7

ЛЕГЕНДА номер раз по природе своей эмоциональна, не выверена логикой опытного юриста, в которой — факты, факты и ничего, кроме фактов. Потому риску быть неточным во многих деталях, но все же не могу не описать бой у Азада так, как я его вижу.

Красный «жигуленок» затормозил недалеко от вьезда на главную и, пожалуй, единственную улицу Азада тогда, когда увидел, что прямо на него ползет БМП. Легковушка съехала на обочину, Осетров выскочил из нее, шагнул на дорогу, навстречу бронемашине, хотя знал уже, что и БТР, и БМП захвачены бандитами. Шагнул,

поднял руку. На миг стих огонь со стороны тех, кто спускался к Азаду с гор и обстреливал селение. Замерла и бээмпэшка. Осетров, безусловно, воспользовался бы этой секундой, вступил бы в диалог с нападавшими и выиграл бы его. Но тут с другой стороны Азада, с противоположного конца улицы, ударил пулемет с БТРа. (Как потом выяснилось, он мчался по улице и стрелял по окнам домов. Были жертвы). Тотчас с горы, из-за спин нападавших, из затененного укромного логова в сторону красных «Жигулей» ударил автомат. Бил скорее всего тот, кто повел азербайджанцев на армянские селения, — мастер сырых дров. И хрупкая тишина лопнула, вновь заговорили винтовки, пистолеты, ружья. Осетров метнулся к машине, крикнул солдатам: «К бою!» Машина, уже пустая, содрогнулась от пуль.

Водитель поначалу залег вместе с воинами, но Осетров приказал ему:

— Беги! Через дворы, вниз, к реке!

— Нет, я вас привез, вы же здесь за нас, за армян...

— Беги, дурак! Мы здесь и за армян, и за азербайджанцев, и за всю Советскую власть. Беги, тут сейчас жарко будет, видишь, сколько их, бандитов! Встретишь наших — пусть патроны подвезут. Прижимкин, Мороз, огонь вдоль дороги, Федотов, готовь рацию... Хотя черт с ней, отбрось, автомат важнее, наши на выстрелы подойдут.

Три автомата и «макаров» отсекали нападавших от крайних домов селения. Но теперь весь огонь тех, кто шел с гор, сосредоточился на пяточке, где расположились воины. До сотни стволов.

— Они организованной силы боятся, потому поуверенней бейте, нам чуть-чуть продержаться-то и надо. Видите, пятятся... Все, не разорят теперь ни Азад, ни Камо, напуганы.

Из улицы выскочил БТР, и в БМП наконец-то решились на что-то. Обе машины пошли на воинов. А вооруженные боевики неорганизованно, толпами, потянулись назад, в горы, к Аджикенду...

Сняв легковушку, подобрав на броню истекающих кровью воинов, боевые машины развернулись и тоже поспешили ударить, так и не перейдя границу, отмеченную красным снегом и россыпью горячих гильз.

8

ПЕТР Михайлович Кузьмаков слушает мою версию и при этом опять рассматривает ботинки. Тихо и спокойно говорит:

— Легенда номер раз. Но вполне возможно, что так все и было. А главное, повторюсь, не подлежит сомнению: группа Осетрова предотвратила резню, большую резню. Собой столько людей прикрыла.. Вот об этом можно говорить уверенно.

Майор И. КОЗЛОВ.

131

МЕНЬШЕ ШУМА, БОЛЬШЕ ДЕЛ

Несколько лет назад Михаил Синицын служил в одной из специальных моторизованных частей милиции Приволжского управления внутренних войск МВД СССР, награжденный знаком «За отличие в службе» II степени. Ныне он первый секретарь Саратовского обкома комсомола, на XXI съезде комсомола вновь избран членом ЦК ВЛКСМ.

— До сих пор с теплотой вспоминаю своих командиров офицеров К. Аникина, В. Солдатова, В. Ларина, старших сержантов Игоря Щека и Алексея Шевлякова, — говорит Михаил Синицын. — С Алешей поддерживаю дружеские отношения. Помогает мне и опыт комсомольской работы, приобретенный в войсках. Однако у армейских комсомольских организаций свои особенности.

— Какие, например!

— Самая главная — не хватает времени для живой организаторской работы. Комсомольский вожак занят службой, учебой. К тому же вынужден оформлять массу бумаг. На мой взгляд, надо нацеливать секретарей первичек на такие формы работы, которые учитывают психологию молодых людей, их интересы. Мы у себя в подразделении предпочитали диспуты, споры в дискуссионном клубе, конкурсы на лучших по воинским профессиям, военизированные эстафеты и спортивные соревнования. А дисциплину и порядок укреплять стремились главным образом через индивидуальную работу. Важен и живой контакт с местными комсомольскими организациями...

— Тут секретарю обкома комсомола и карты в руки! Где, по-вашему, пересекаются интересы войсковых и «гражданских» комсомольцев? На каком фундаменте строить отношения? За кем инициатива!

— По-моему, одних другим противопо-

ставлять не следует. XXI съезд ВЛКСМ предоставил войсковым комсомольским организациям права республиканских, но это не значит, что Вооруженные Силы, пограничные и внутренние войска стали отдельными республиками. В нашей области, как, наверное, и в других, армейские комсомольцы помогают школьникам проводить военно-спортивные игры «Зарница» и «Орленок». Трудно сказать, кто в этом больше заинтересован, солдаты или школьная молодежь. С одной стороны, занимаем досуг, удовлетворяем любопытство подростков — их знакомят с оружием, боевой техникой гораздо раньше, чем это делает военрук на уроке начальной военной подготовки. А с другой... Разве сегодняшним солдатам не нужна достойная смена — смелые, честные, выносливые ребята? Сами они такими не станут — нужен пример, нужны условия. Военно-патриотическое воспитание школьников, забота о будущем нашей армии да просто совместный отдых — чем не почва для развития прочных взаимовыгодных контактов? А инициативу всегда проявит тот, кто видит перспективу сотрудничества и заинтересован в результатах. Все примеры невозможно перечислить, их очень много, ведь дружба завязывается и крепнет на местах, независимо от желания секретаря обкома комсомола, и такую «самодеятельность» можно только приветствовать.

— Рожденные перестройкой процессы все активнее входят в нашу жизнь. Но на

этой волне, к сожалению, все заметнее случаи пренебрежения правами советских людей, тенденция к ожесточению общества. Взять хотя бы проблему неуставных взаимоотношений...

— «Дедовщина» — позорное явление. Мне претит сама мысль об унижении человеческого достоинства, в каких бы формах это ни проявлялось.

Основываясь на собственном опыте, убежден: покончить с неуставщиной можно. Офицеры, сами показывая пример вежливости и культуры общения, не вправе закрывать глаза даже на малейшие проявления грубости, несдержанности, на вызывающее поведение подчиненного, которое может привести к конфликту. А молодым воинам надо быстрее «взрастать» в боевой коллектив, ведь многие из них изнежены, абсолютно не готовы к преодолению трудностей.

— Но ведь это комсомольцы И, наверное, «гражданскому» комсомолу их судьба не может быть безразлична. Что делает областная комсомольская организация, чтобы «маменькиных сынков» среди призывников было меньше?

— Комсомол, увы, не всесилен. Мы, к сожалению, не можем заставить каждого призывника заниматься спортом. И создать условия для всех желающих тоже непросто. Приходится играть роль координатора, смысл деятельности которого — помочь встретиться тем, у кого есть желание стать сильнее, и тем, кто располагает материальными и методическими возможностями. Как пример могу привести факт создания хозрасчетной федерации рукопашного боя. Соучредителями выступили обкомы ВЛКСМ и ДОСААФ, областной военный комиссариат, а координационно-методическим центром стала кафедра физической подготовки Саратовского высшего военного командного Краснознаменного училища имени Ф. Э. Дзержинского МВД СССР. Очень много сделал преподаватель кафедры майор Валерий Григорьевич Волков. Его питомцы — курсанты, спортсмены-разрядники — ведут занятия в секциях рукопашного боя. Убежден: выпускник такого военно-патриотического клуба себя и других в обиду не даст, и не только потому, что «приемчики знает». В товарищеской атмосфере клуба призывник учится вести себя в коллективе, а общение с будущими офицерами формирует характер, закаляет волю, утверждает чувство личного достоинства.

И конечно, для борьбы с неуставщиной надо поднимать роль первичных комсомольских организаций подразделений.

— В этой связи твое мнение о нашумевшей повести Юрия Полякова «100 дней до приказа» и о фильме «ЧП районного масштаба», снятого по одноименной повести!

— К «Ста дням» отношение сложное. А вот «ЧП районного масштаба» — это, мне кажется, злостный выпад против комсомольских активистов, попытка в конъюнк-

турных целях опорочить все и вся. Разумеется, у каждого из нас есть недостатки и в работе, и в характере. Но где автор смог увидеть столь редкое сочетание негатива в одном конкретном лице? Кстати, на встрече в ЦК ВЛКСМ мы спросили об этом Ю. Полякова и не услышали вразумительного ответа.

— Поможет ли всем нам стать лучше, избавиться от недостатков намеченное XXI съездом ВЛКСМ!

— Честно говоря, не знаю. К решениям съезда у меня отношение неоднозначное. Они требуют осмысления в каждой первичной комсомольской организации. На пленуме обкома комсомола мы такую работу проделали, но наши выводы, оценки никому не заменят собственного мнения.

— Чего ты ждешь от вновь созданной комсомольской организации РСФСР!

— Единства и деловитости в лучшем смысле этих слов. Возрождение комсомола России дает ее молодежи шанс объединить усилия и на республиканском уровне решать проблемы, до которых не доходили руки общесоюзного ЦК. Я лишь против появления еще одного ЦК ЛКСМ с его громоздким аппаратом. Пленум обкома комсомола принял решение о вступлении Саратовской областной организации в республиканскую, Российскую. Предстоит внимательно изучить все нормативные документы комсомола РСФСР, продумать, как будут взаимодействовать существующие и вновь создаваемые структуры. Ведь даже самые правильные и своевременные решения, принятые съездом комсомола или пленумом ЦК ВЛКСМ, сами по себе не способны улучшить жизнь молодежи. Эти решения только ориентируют, программа или подсказка, называй как хочешь, для комсомольцев первички.

Съезд провозгласил одним из важнейших направлений деятельности комсомола участие в создании механизма реализации молодежной политики в СССР как через государственные органы, так и своими силами. Надеюсь, республиканская организация сможет заниматься этой работой более конкретно, с учетом местных условий и реальных возможностей.

— И последнее. Что пожелаешь бывшим сослуживцам — комсомольцам внутренних войск, всем молодым воинам!

— Людей, которые в девятнадцать-двадцать лет спасали детей и стариков от расправы националистов, не надо убеждать, что служба в войсках правопорядка — священный долг и очень почетная обязанность. Пожелаю им здоровья, человечности, терпения: на боевой службе, по себе знаю, без этого трудно. А комсомольским вожакам хочу посоветовать: смелее уходите от шумных кампаний, массовых мероприятий — не гонитесь за цифрой и литаврами. В общем, меньше шума: делом славен человек.

Вел беседу подполковник А. ДРОГНЕВ.
Фото автора.

Капитан Вячеслав САЛОМАТИН
ОБЫЧНАЯ ИСТОРИЯ

Если б вновь — возможно б,
сберегла,
Да любовь не повторить сначала.
Как она мечтала! Как ждала!
Как встречать, ликуя, выбегала!
Но украдкой слух змеей ползет:
Мол, недаром стало бабе туго.
Прежде шлялась ночи напролет,
Ныне ж напролет ревет белугой.
Может быть, и велика вина —
Ни к чему судить про то,
что было.
Жизнь ее оправдана сполна
Только тем хотя бы,
что любила.

Прапорщик Александр ПАНКРАТЬЕВ
ПОПУТЧИЦЕ

Путь от Уфы до Салавата
Совсем недолгий—три часа.
Разлука — мизерная плата
За ваши добрые глаза,
За терпеливое вниманье,
За нежность и тепло руки,
За чуть поспешное признание,
Что недурны мои стихи,
За ваши брови без прополки,
За три веснушки на лице,
За озорную прелесть челки
И красный камешек в кольце,
За нестандартную беседу
О том, что было, будет, есть,
За уважение к соседу
По креслу номер двадцать шесть...
А от Уфы до Салавата
Все так же—три часа пути.
За встречу с вами я когда-то
Разлукой с вами заплатил.

СЛОВО
О
ЛЮБВИ

Прапорщик Мария ИГНАТЬЕВА
ОСЕННЕЕ

Все приметы сегодня к дождю,
И грустна обнаженность природы.
Одинокие дни—словно годы.
Я не знаю, тебя ли я жду
И тебя ли зову, как в бреду,
Но гортань твоим именем сушит...
От разлук осылаются души,
Словно листья в осеннем саду.
Листья в кучи сгребут. По утрам
Будет жечь их
старательный дворник.
...Это, кажется, было во вторник:
Кто-то шел по дорожке к дверям.
Чей-то темный возник силуэт
Меж стволов,
словно в бронзовой раме,
И в пурпурово-охристой гамме
Обозначился угольный след.
И взглянул,
приподнявшись в седле,
Всадник —
флюгер над старою крышей...
Но никто на дорожку не вышел...
Стынут капли дождя на стекле...

Прапорщик Евгения БУТОРИНА
ПОСЛЕ ТЕБЯ...

Верною и изменчивой,
Глупою и капризною,
Стану обычной женщиной—
Прездником, сказкой, тризною.
Письма писать несмелые,
Платья носить неяркие,
Ягоды рвать неспелые,
Праздников ждать с подарками,
Плакать тайком от матери,
Карты легко раскидывать
Да вышивать на скатерти
Птиц, что никем не виданы...
Верною и изменчивой,
Ласковой, хитрой, злющейю —
Стану обычной женщиной.
Если еще получится.

БУДНИ СПЕЦНАЗА

Для подчиненных лейтенанта Р. Алтыбаева полевые занятия — обыкновенная черновая работа до седьмого пота. Именно в ней куется солдатский характер, мастерство спецназовца. Здесь юноши мужают. Вглядимся же попристальней в то, как пишутся черновики будущей воинской доблести и высокой боевой выучки. Может быть, эти снимки сумеют рассказать вам даже больше, чем на них запечатлено.

Фото старшего прапорщика
Н. БЕЛОНЕНКО.

ОКАЗАВШИСЬ после третьего из подвигов Геракла в Швейцарии, Эркюль Пуаро решил воспользоваться случаем и посетить места, где ему еще не доводилось бывать.

Он провел два дня в Шамони, столько же понежился в Монтре, а потом отправился в Андерматт, который на все лады расхваливали ему друзья. Увы, Пуаро ждало разочарование — здесь было слишком многолюдно.

«Нет, тут оставаться невозможно, — сказал себе маленький детектив, — просто дышать нечем». Поэтому, заметив фуникулер, он пошел за благо немедленно уехать.

Как выяснилось, фуникулер поднимал желающих к Авину, затем в Коронше и наконец останавливался в Рош-Неже на высоте более трех тысяч метров.

Пуаро вовсе не собирался карабкаться так высоко — его бы вполне устроил Авин. Но детектив не принял в расчет случай, игравший такую важную роль в его жизни. Когда фуникулер уже тронулся, к Пуаро подошел контролер. Бельгиец протянул билет, служащий проверил его, пробил дырочку каким-то жутким, похожим на орудие пытки приспособлением и с легким поклоном вернул владельцу. Детектив почувствовал, что вместе с билетом в его руку скользнул листок бумаги.

Пуаро изумленно вздернул брови и незаметно развернул бумажку. Там оказалась торопливо нацарапанная карандашом записка:

«Невозможно не узнать этих усов! Приветствую вас, дорогой коллега! При желании вы могли бы оказать мне огромную услугу. Вы, конечно, читали в прессе о деле Салли? Так вот, по нашим сведениям, убийца Марраско назначил свидание кое-кому из своей банды как раз в Рош-Неже! Конечно, не исключено, что нас надули, но я лично уверен в обратном. У нас довольно надежные источники. Прошу вас, дорогой друг, понаблюдайте за окружением и свяжитесь с инспектором Друэ — он уже на месте. Это очень толковый малый, но, разумеется, куда ему тягаться с несравненным Эркюлем Пуаро! Надо поймать Марраско, и к тому же живьем. Он не человек, а какой-то бешеный вепрь — пожалуй, едва ли не самый опасный из ныне здравствующих убийц. Я не рискнул заговорить с вами в Андерматте — нас могли увидеть вместе, а вам гораздо сподручнее изображать обычного туриста. Доброй охоты! Ваш старый друг — Лемантэй».

Эркюль Пуаро задумчиво погладил усы. Да, им и вправду нет равных! Но что все это значит? Он, конечно, читал в газетах подробное изложение дела об убийстве и ограблении бумажера Салли. Полиции удалось установить личность убийцы. Этот тип, Марраско, входил в банду, промышленную на скачках. Его и раньше подозревали в совершении тяжких преступлений, но теперь вина доказана. Убийца скрылся, и его разыскивает вся европейская полиция.

И вот, по-видимому, Марраско решил назначить свидание кому-то из своих приятелей в Рош-Неже... Эркюль Пуаро недоверчиво покачал головой. Рош-Неж расположен на очень большой высоте. Там, само собой, есть гостиница, но она стоит на выступе скалы, нависающем над долиной, и единственная связь с внешним миром — фуникулер. Гостиница работает с июня, но до июля — августа редко кто туда заглядывает. В таком месте невозможно обеспечить себе какой-либо запасной выход. Для беглеца, скрывающегося от полиции, это просто ловушка. И то, что банда преступников могла избрать местом встречи Рош-Неж, выглядело неправдоподобно.

И все же у Лемантёя наверняка есть причины полагаться на полученные сведения. Эркюль Пуаро испытывал к комиссару швейцарской полиции глубочайшее уважение. Он знал, что это человек умный и достойный доверия.

Маленький детектив вздохнул. Погоня за кровожадным убийцей не очень-то вязалась с его представлениями о приятном отдыхе. Размышлять, удобно устроившись в кресле, — пожалуйста, но бегать по горам за бешеным вепрем...

Да, бешеный вепрь, именно так назвал убийцу комиссар Лемантёй. Какое странное совпадение...

Четвертый подвиг Геракла — победа над Эрманфским вепрем!

Пуаро принялся незаметно разглядывать своих спутников.

В кресле напротив сидел американский турист. Все в нем обличало заокеанского провинциального жителя, впервые приехавшего в Европу: чемодан, покрой одежды, неизбежный путеводитель в руках, манера разглядывать все вокруг и даже выражение наивного добродушия на лице. Еще минута — и американец непременно заведет разговор.

В параллельном ряду изысканно утонченного вида седой господин с крючковатым носом читал немецкую книгу. Такие сильные гибкие пальцы бывают обычно у музыкантов и у хирургов.

34
Чуть поодаль собралась компания личностей, одного пошиба. Весь их облик, даже если не принимать в расчет сильно искривленные ноги, красноречиво свидетельствовал о тесном общении с лошадиным племенем. Сейчас они играли в карты. Может быть, предложат иностранцу составить компанию? Сначала дадут ему немножко выиграть, а потом обдерут как липку...

Пуаро не заметил в этих рядах ничего необычного, разве что они оказались уж в очень неподходящей для себя обстановке. Таких скорее ожидаешь увидеть по дороге на ипподром, но никак не в полупустом функуле.

Еще здесь была высокая темноволосая женщина. Ее прекрасное лицо, самой природой созданное для выражения сильных чувств, казалось странно окаменевшим. Не обращая внимания на спутников, женщина устремила неподвижный взгляд на раскинувшуюся внизу долину.

Как и предполагал Пуаро, американец решил завязать беседу. Он сообщил, что его фамилия Шварц, в Европу он приехал впервые. Пейзаж, по его мнению, потрясающий. И Шильонский замок произвел на него сильное впечатление. Зато Париж разочаровал. Он был в Фоли-Бержер, в Лувре и в соборе Парижской богоматери... Парижане ничего не смыслят в джазе. Елисейские поля — недурны, и фонтаны ему вообще-то понравились, особенно когда работают...

Произведения Агаты Кристи признаны классикой детективного жанра. В сентябре этого года исполняется сто лет со дня ее рождения, и в честь этой даты международная писательская организация Пен-клуб объявила год Агаты Кристи, отмеченный многочисленными публикациями и изданиями ее романов, повестей и рассказов. Напомним основные вехи ее биографии.

Родилась Агата Миллер в 1890 году в Торки (Девоншир), получила прекрасное домашнее образование и довольно рано обратилась к литературе. Правда, сначала она писала стихи, новеллы и сказки. Замысел первого детективного романа «Таинственное происшествие в Стайлз» возник в 1916 году, во время первой мировой войны, когда Агата, только что вышедшая замуж за Арчибалда Кристи, работала медсестрой в госпитале Красного Креста. Успех пришел не сразу — книгу удалось напечатать лишь в 1920 году, и она отнюдь не вызвала сенсации. Но писательница не сдаётся, и в 1926 году ее седьмой роман «Убийство Роджера Экройда» приносит наконец заслуженную славу, а его герой, маленький бельгийский детектив Эркюль Пуаро, становится в один ряд с признанными «звездами» жанра. Теперь романы Агаты Кристи, появляющиеся по одному-два в год, неизменно встречают теплый прием.

В 1928 г. Агата Кристи разводится с мужем, но сохраняет прежнюю фамилию как литературный псевдоним (впрочем, не единственный: ее классические романы «Отсутствующий весной» 1944 г. и «Роза и Тис» 1948 г. подписаны Мэри Уэстмекотт).

Выйдя в 1930 г. замуж за известного археолога Макса Маллована, писательница сопровождает мужа на раскопки в Сирию и Ирак, где находит интересный материал для своих книг. Навязанные путешествиями по Востоку «Убийство в Месопотамии», «Смерть приходит в конце» и другие продолжают пользоваться популярностью до сих пор. С одним из лучших романов этой серии «Свидание со смертью» редакция намерена познакомить читателя в ближайших номерах журнала.

А сегодня предлагаем рассказ «Эрманфский вепрь». Он входит в цикл «Подвиги Геракла». Собираясь завершить карьеру частного детектива, Эркюль Пуаро решает совершить напоследок двенадцать деяний, равных двенадцати подвигам его знаменитого тезки [Геракл по-французски — Hercules]. Поимка живьем Эрманфского вепря — четвертый подвиг Геракла. Герой победил бешеного зверя, опустошавшего окрестности Эрманфа, загнав его в глубокий снег. Эркюлю Пуаро тоже предстоит схватка с кровожадным убийцей среди заснеженных горных вершин, но, конечно, на современный лад...

Предисловие и перевод М. МАЛЬКОВОЙ.

Ни в Авине, ни в Коронше никто не вышел. Все явно направлялись в Рош-Неж.

Мистер Шварц охотно объяснил, зачем ему это понадобилось: всю жизнь он мечтал побывать среди вечных снегов... Говорят, на определенной высоте невозможно даже толком сварить яйцо.

По простоте душевной американец попытался было втянуть в разговор седовласого пассажира, но тот лишь метнул на него ледяной взгляд поверх пенсне и снова погружился в чтение.

Затем мистер Шварц предложил даме поменяться местами, чтобы ей было лучше видно. Возможно, дама не понимала по-английски, во всяком случае, она лишь покачала головой и зябко закуталась в меховую шубку.

«Странно, что эта дама путешествует в одиночестве, — сказал Шварц маленькому детективу. — Когда женщина куда-нибудь едет, ей необходима особая забота».

Вспомнив о нескольких американках, с которыми он сталкивался на континенте, Пуаро кивнул.

Мистер Шварц испустил глубокий вздох. Окружающий мир казался не слишком-то дружелюбным, однако карие глаза американца продолжали звать к сердечности и симпатии. «Ведь это же никому не повредит», — казалось, говорили они.

2

ТО, ЧТО в этом отрезанном от всего мира уголке их встретил хозяин гостиницы, облаченный во фрак и лакированные штблеты, выглядело по меньшей мере странно. Сей высокий, довольно привлекательный мужчина с безупречной вежливостью расспысался в извинениях.

Так рано, еще до начала сезона... снабжение горячей водой еще не налажено... разумеется, он сделает все возможное... но пока не располагает достаточным персоналом... по правде говоря, он никак не рассчитывал столь рано принимать так много постояльцев...

Все это было высказано с чисто профессиональной любезностью, но Пуаро все же показалось, что за изысканностью манер угадывается внутренняя тревога. Хозяину гостиницы было явно не по себе. Его определено что-то беспокоило.

Завтрак накрыли в просторной комнате с прекрасным видом на долину. Единственный слуга гостиницы Густав оказался ловок и расторопен. Трое лошадинок держались вместе. Все они говорили по-французски и громко смеялись.

Красивая женщина сидела одна за угловым столиком и ни на кого не обращала внимания.

Вскоре после завтрака хозяин гостиницы присоединился к сидевшему в салоне Пуаро и завел доверительный разговор.

Обычно до конца июня сюда не приезжает никто, кроме дамы, которую господин, возможно, заметил. Она появляется ежегодно в одно и то же время. Три года назад ее муж погиб во время восхождения. Весьма печальная история. Жена испыты-

вала к нему глубокую привязанность... Поэтому она совершает паломничество до начала сезона, так, чтобы никто ее не беспокоил. Что до пожилого господина, то это известный венский ученый, доктор Карл Лютц. Он приехал сюда в надежде обрести тишину и покой.

— Да, место здесь тихое, — признал Эркюль Пуаро. — А кто эти господа, вон там? — он указал на группу подозрительных субъектов. — Вы думаете, они тоже приехали отдохнуть?

Хозяин гостиницы смущенно пожал плечами.

— Туристам вечно нужно что-то новенькое. Хотя бы высота... это все же необычное ощущение.

С точки зрения Пуаро, ощущение — не из приятных, уж слишком сильно колотится сердце.

В комнату вошел Шварц. При виде маленького детектива лицо американца просветлело.

— Я тут потолковал с этим ученым. До чего забавно он говорит по-английски! Доктор — еврей, и его выгнали из Австрии нацисты. Эти люди какие-то чокнутые! А старик, по-моему, большая знаменитость... спец по нервным болезням... что-то вроде психоаналитика.

Американец перевел взгляд на женский силуэт у окна. Женщина с тоской смотрела вдаль, на безжалостные горы. Шварц понизил голос:

— Слуга сказал мне, как ее зовут. Миссис Грандье. Ее муж погиб во время восхождения... По-моему, бедняжку надо как-то развезть, отвлечь от мрачных мыслей.

— На вашем месте я бы воздержался, — заметил Пуаро.

Но мистер Шварц не внял совету. Детектив наблюдал за его попытками познакомиться поближе и видел, какой американец получил прием. Женщина и так была выше Шварца, но тут она еще больше выпрямилась и откинула голову. Лицо казалось каменной маской.

Пуаро не слышал, что она сказала американцу, но тот вернулся с видом побитой собаки.

— Пустое дело, — заметил он и задумчиво добавил: — Хотя я совершенно не понимаю, почему бы нам не проявить друг к другу немного симпатии. Правда, мистер... простите, я даже не знаю вашего имени...

— Меня зовут Пуарье, — ответил детектив, — я торговец шелком из Лиона.

— Я дам вам свою визитную карточку, мистер Пуарье, и, поверьте мне, если когда-нибудь вы приедете в Фаунтейн-Спрингс, то встретите самый радушный прием.

Пуаро взял твердый глянцевый квадратик и потянулся к карману.

— Благодарю вас. Увы! Но у меня не осталось при себе ни одной визитной карточки...

В тот вечер, на сон грядущий, Пуаро внимательно перечитал письмо Лемантея и снова положил его в бумажник.

«Занятно, — пробормотал он, — над этим стоит поразмыслить... А что, если...»

СЛУГА Густав, принеся утром Пуаро завтрак, долго извинялся за качество кофе.

— Но месье, наверно, сам понимает, что на такой высоте приличный кофе сварить просто невозможно — вода закипает слишком быстро, — закончил он.

— С капризами природы можно только мириться, — улыбнулся Пуаро.

— Месье — истинный философ, — пробормотал Густав.

Он направился к двери, но вместо того чтобы уйти, выглянул в коридор, снова закрыл дверь и вернулся к постели.

— Вы — месье Эркюль Пуаро? — спросил он. — Я инспектор Друэ.

— Я так и думал.
Друэ понизил голос.

— Месье Пуаро, только что на фуникулере произошла очень серьезная авария.

— Авария? — повторил Пуаро, живо приподнимаясь в постели. — Какого рода?

— Никто не ранен. Все случилось ночью. Небольшой оползень. Может быть, это вполне естественный феномен, а возможно, его кто-то подстроил. Но в любом случае на расчистку потребуется несколько дней, а пока мы отрезаны от всего мира. В это время года, когда еще так много снега, с долиной связаться невозможно.

— Крайне любопытно, — вкрадчиво проговорил Пуаро.

Инспектор кивнул.

— Да, это доказывает, что наш комиссар получил верные сведения. Марраско назначил здесь свидание и позаботился, чтобы ему не мешали.

— Но это просто невероятно! — воскликнул Пуаро.

— О, этот Марраско — не простой бандит! По-моему, он немного не в своем уме.

— Убийца, да еще сумасшедший!

— Да, признаться, веселого мало...

— Но в таком случае, раз все связи прерваны, значит, Марраско уже здесь.

— Знаю.

Некоторое время оба молча обдумывали положение.

— А этот доктор Лютц? Он не может быть Марраско? — спросил маленький детектив.

Друэ покачал головой:

— Не думаю. Я видел его фотографии в газетах.

— Но если Марраско умеет гримироваться...

— А кто это может знать? Я никогда ни о чем таком не слышал. Судя по всему, он не отличается ни ловкостью, ни коварством. Тот, кто в приступе слепой ярости кидается на жертву, как дикий вепрь...

— Однако...

— Да, — с живостью признал Друэ, — ему удалось ускользнуть. А следовательно, в какой-то мере Марраско вынужден был изменить внешность.

— У вас есть его приметы?

— В общих чертах. Сегодня мне должны были прислать фотографии и антропометрические данные. Марраско лет тридцать, чуть выше среднего роста, кожа гладкая. Никаких особых примет.

— Это может относиться к кому угодно. Что вы знаете об американце Шварце?

— Я хотел задать вам тот же вопрос. Вы говорили с ним, а кроме того, много лет жили среди англичан и американцев. На первый взгляд он кажется обычным туристом. Паспорт в порядке. То, что ему взбрело в голову забраться так высоко, пожалуй, странновато, но с этими американцами... Что вы об этом думаете?

— Шварц производит впечатление приятного и вполне безобидного молодого человека. Он может нагнать отчаянную скуку, но мне трудно вообразить его в роли опасного преступника. Между прочим, здесь есть еще трое постояльцев.

Инспектор кивнул, и лицо его вдруг оживилось.

— Да, они принадлежат к тому же типу, что и человек, которого мы разыскиваем. Готов держать пари, месье Пуаро, что эти ребята — из банды Марраско, а возможно, один из них и есть Марраско собственной персоной.

Пуаро задумался. Мысленно он представил себе три в разной степени отталкивающих физиономии. Да, один из этих вульгарных типов вполне мог быть убийцей. Но зачем и почему Марраско и двум его сообщникам могло понадобиться вместе карабкаться высоко в горы и, по сути дела, просто лезть в мышеловку? Уж наверняка на свете немало куда более удобных мест, до которых к тому же значительно проще добраться! Например, кафе, вокзал, кино-театр или общественный парк — во всяком случае, любое другое место, откуда хотя бы можно унести ноги! Зато здесь, в этой снежной пустыне...

Детектив поделился своими соображениями с инспектором Друэ, и тот немедленно согласился.

— Тогда нам следует рассмотреть другой вариант. Эти трое — из банды Марраско и явились сюда на свидание. Но кто же в таком случае Марраско?

— Может, кто-нибудь из служащих гостиницы?

Друэ пожал плечами.

— Строго говоря, таковых сейчас нет. Только пожилая женщина, кухарка и ее муж Жак. Оба здесь уже лет пятьдесят. Был еще один слуга, чье место я занял, и это все.

— Хозяин знает, кто вы?

— Естественно. Мне нужна его помощь. — А вы заметили, что его явно что-то тревожит?

Друэ кивнул.

— Да, это верно, — задумчиво проговорил он.

— Не исключено, конечно, что его просто расстраивает сам факт полицейского расследования в гостинице...

— Но вы подозреваете тут нечто большее? Думаете, ему что-нибудь известно?

— О, это предположение, не больше.

Друэ задумчиво нахмурил брови.

— О нем стоит подумать.

— Как вы считаете, из него можно вытрясти правду? — спросил он, немного помолчав.

Пуаро покачал головой.

— По моему, самое лучшее — никак не показывать наших подозрений. Достаточно немного понаблюдать.

Друэ счел мысль разумной.

— Может быть, у вас есть какие-нибудь еще предположения, месье Пуаро? — спросил он, уже собираясь уходить. — Я... мне известна ваша репутация...

— Пока ничего не могу сказать. Но почему он выбрал для встречи такое странное место? И зачем им вообще понадобилось встречаться?

— Деньги, — коротко бросил Друэ.

— Так беднягу Салли еще и ограбили?

— Да, при нем была крупная сумма, и деньги исчезли.

— Значит, по-вашему, бандиты собрались на дележ?

— Это кажется наиболее вероятным.

Пуаро поморщился — предположение его не очень удовлетворило.

— Да, но почему здесь? Это последнее место для сборища преступников. Сюда можно приехать на свидание с женщиной...

Друэ всем телом подался вперед.

— Вы думаете...

— Мадам Грандые — очень красивая женщина. И, по-моему, что угодно решился бы забраться сюда по первому ее знаку.

— А мне бы и в голову никогда не пришло, что мадам Грандые может быть замешана в эту историю. Она уже много лет приезжает сюда.

— Да, — вкрадчиво заметил Пуаро, — и как раз поэтому ее присутствие не вызывает никаких подозрений.

4

ДЕНЬ прошел без происшествий. К счастью, в гостинице хранился изрядный запас продовольствия, и можно было не опасаться погибнуть с голоду.

Эркюль Пуаро попытался разговорить доктора Карла Лютца, но тот вежливо послал его ко всем чертям. Он без церемоний заявил, что занимается психологией и не намерен рассуждать на эту тему с профанами, после чего удалился в уголок читать объемистый немецкий труд о подсознании.

Детектив наудачу отправился на кухню, но там наткнулся на старого Жака. Тот встретил незваного гостя косым взглядом. Зато его жена, кухарка, оказалась немного любезнее. «Вы можете не беспокоиться, — объяснила она Пуаро, — в гостинице большой запас консервов, хотя, по моему мнению, из продуктов в банках никак не приготовишь ничего путного. Во-первых, дорого, а во-вторых, разве это вкусно? Сами посудите!»

От еды разговор незаметно перешел к персоналу гостиницы. Горничные и слуги приходят в начале июля, но в ближайшие три недели тут не будет никого или почти никого. Большинство посетителей поднимаются сюда, обедают и снова спускаются в долину. Она сама, Жак и один слуга вполне справляются с такой работой.

— До Густава здесь был другой слуга, не так ли? — спросил Пуаро.

— О да, но не слишком-то пригодный для дела. Неопытный, неловкий... короче, никакого класса...

— Сколько времени он пробыл тут до Густава?

— Всего несколько дней. Парня, понятное дело, выгнали. И это никого не удивило. Можно было предвидеть заранее, что так и будет.

— И он не спорил?

— О нет! Пошел себе спокойноенько прочь. В конце концов, на что он мог рассчитывать? Гостиница пользуется доброй славой, и служба должна быть на уровне.

— И куда же он ушел? — снова поинтересовался Пуаро.

— Кто, Робер? — кухарка сердито передернула плечами. — Наверняка вернулся в то паршивое кафе, где служил раньше.

— Он спустился на фуникулере?

Старуха удивленно воззрившись на детектива.

— Разумеется, месье. Как же еще он мог отсюда выбраться?

— А его кто-нибудь провожал?

На сей раз даже старик поднял голову и смерил Пуаро недоуменным взглядом.

— Уж не воображаете ли вы, что кто-то стал бы тратить время на этого бездельника? У нас и так дел по горло.

— Да, верно.

Эркюль Пуаро медленно побрел прочь. В это время года работало только одно крыло большой гостиницы. В другом постояльцев не было, и окна плотно закрывали ставни...

Детектив обошел все здание и чуть не столкнулся с одним из картежников. Равнодушный взгляд бледных, словно выцветших, глаз скользнул по лицу Пуаро. Потом парень слегка вздернул верхнюю губу и, подобно злонравной лошади, обнажил зубы. Пуаро пошел дальше. Впереди по коридору он заметил высокую фигуру мадам Грандые и в надежде догнать ее ускорил шаг.

— Эта авария на фуникулере довольно неприятна. Надеюсь, она не нарушила ваших планов, мадам?

— Мне это глубоко безразлично.

У мадам Грандые оказался низкий грудной голос, настоящее контральто. Не глядя на детектива, она отвернулась и вышла через боковую дверь.

5

ЭРКЮЛЬ Пуаро рано улегся спать. Проснулся он чуть позже полуночи.

Кто-то пытался открыть дверь его комнаты.

Детектив привстал и включил свет. В тот же миг замок поддавался и дверь распахнулась. Вошли трое мужчин. Трое картежников. По-видимому, все были пьяны. Пуаро заметил, как сверкнуло лезвие бритвы.

Самый высокий из троицы шагнул вперед.

— Грязная свинья, шпик поганый! — проворчал он заплетаящимся языком.

Следом хлынул поток непристойной ругани.

— Ну, ребята, — продолжал он, обращаясь уже к своим спутникам, которые теперь тоже подошли к постели и склонились над беззащитным детективом, — давайте-ка понарезем из него ремней! Разукрасим личико господину Шпиону! Это будет уже не первый за сегодняшний вечер!

Все трое были вооружены бритвами и явно намеревались пустить их в ход.

— Руки вверх!

Нападающие дружно обернулись. На пороге, облаченный в умопомрачительно яркую пижаму, стоял Шварц с пистолетом-автоматом в руке.

— А ну, живо поднимайте руки! Я отличный стрелок!

Шварц спустил курок, и пуля, слегка задев ухо самого толстого из бандитов, врезалась в оконную раму.

Шесть рук немедленно взмыли к потолку.

— Вы не поможете мне, мистер Пуарье? Пуаро вскопчил с постели. Он собрал бритвы и убедился, что у его непрошенных гостей нет при себе другого оружия.

— Ну, а теперь — вперед! — скомандовал Шварц. — В конце коридора есть большой шкаф. Он без окон. Это как раз то, что нам требуется.

Американец быстро загнал пленников в шкаф и запер его на ключ. Потом повернулся к Пуаро.

— Неплохо получилось, а? — молодой человек казался немного смущенным, но был явно доволен собой. — Подумать только, мистер Пуарье, ведь в Фаунтейн-Спрингс все надо мной потешались, когда я сказал, что беру с собой пистолет.

— Что касается меня, дорогой мой сэр, можете поверить, я бы не стал смеяться. Вы явились в самый критический момент! Даже не знаю, чем бы это кончилось без вашего вмешательства...

— Прошу вас, не стонте об этом. Но что нам теперь делать? Этих трех молодчиков надо сдать в полицию, а мы не можем! Очень заковыристая проблема... Может, спросим совета у хозяина гостиницы?

— Ах, да... лучше, я думаю, сначала выясните, как на это смотрит слуга Густав, вернее, инспектор Друэ. Да, дорогой мой, на самом деле это полицейский.

Шварц изумленно уставился на маленького детектива.

— Так вот почему они это сделали!

— Что именно?

— Эти подоики наметили вас второй жертвой. Сначала они порезали Густава.

— Что?

— Пойдемте со мной. За Густавом уже ухаживает врач.

Комнатка Друэ оказалась на последнем этаже. Доктор Лютч, накиннув поверх пижамы халат, бинтовал лицо раненого. Услышав, что кто-то вошел, он повернул голову.

— А, это вы, мистер Шварц! Сколько крови! Эти бандиты — какие-то чудовища! Друэ, неподвижно сидя в кресле, глухо стонал.

— Его положение очень опасно? — спросил Шварц.

— Он не умрет, если вы это имеете в виду. Но не заставляйте его говорить — ему нельзя шевелиться. Раны я продезинфицировал, и заражения можно не опасаться...

Трое мужчин вместе вышли из комнаты Друэ.

— Кажется, вы говорили, что Густав — офицер полиции? — спросил Шварц у Эркюля Пуаро.

Тот кивнул.

— А что он делает в Рош-Неже?

— Ему поручено выследить крайне опасного преступника.

И Пуаро вкратце обрисовал положение.

— Марраско? — повторил доктор Лютч.

— Я что-то читал о нем... Мне бы очень хотелось встретиться с этим человеком и выяснить некоторые подробности его детства... Весьма любопытный феномен...

— Ну, а я, — заметил Эркюль Пуаро, — я бы желал знать, где он прячется в это самое время!

— Наверняка он один из тех, кого мы заперли в шкафу. Правда? — осведомился Шварц.

— Не исключено, — без особой уверенности отозвался Пуаро. — Но я далеко не убежден в этом... у меня возникли кое-какие предположения...

Детектив умолк, пристально разглядывая ковер. На светло-бежевой поверхности отчетливо виднелись бурые пятна.

— Отпечатки подошв... и кровь... Быстро! Нельзя терять время! Бежим в пустующее крыло!

Двое остальных молча последовали за ним. Кровавые следы вели к полуоткрытой двери в другом конце коридора. Распахнув ее, Пуаро не смог сдержать крик ужаса.

На кровати еще совсем недавно кто-то спал. На столе стоял поднос с остатками ужина.

Посреди комнаты, на полу, лежал труп мужчины, убитого с невероятной жестокостью. На груди и на руках зияло больше десятка ран, а лицо превратилось в сплошное кровавое месиво.

Шварц застонал и отвернулся, пытаясь подавить приступ тошноты. Доктор Лютч пробормотал какое-то немецкое ругательство.

— Кто это? — слабым голосом спросил американец. — Кто-нибудь знает этого человека?

— Я полагаю, его знали здесь под именем Робера, довольно неловкого слуги, — отозвался Пуаро.

Лютч подошел к телу и указал пальцем на приколотый к груди листок бумаги, на котором было нацарапано несколько слов: «Марраско больше никого не убьет и не ограбит своих товарищей!»

— Марраско, — пробормотал Шварц. — Так это он? Что привело его в этот затерянный уголок? И, почему вы мне сказали, будто его звали Робером?

— Он выдавал себя за слугу... н, кажется, очень скверно справлялся с этим делом. Так плохо, что никто не удивился, когда его уволили. И он якобы вернулся в Андерматт. Но никто не видел, как он уходил.

— А! — произнес Лютц своим немного ворчливым голосом. — И что же, по-вашему, произошло дальше?

— В этом, без сомнения, кроется причина тревоги хозяина гостиницы. Должно быть, Марраско заплатил ему кругленькую сумму за разрешение спрятаться в необитаемой части гостиницы... но все это не нравилось хозяину... и даже очень...

— А почему Марраско убили? — спросил Шварц. — И кто это сделал?

— Ну, это нетрудно сообразить! — воскликнул Пуаро. — Марраско должен был поделиться добычей со своей бандой, но, очевидно, передумал и решил обмануть приятелей. Он приехал сюда в надежде спрятаться, сочтя, что уж здесь-то никто не станет его искать. Но сообщники тем или иным способом пронюхали о его убежище. И таким образом свели счеты.

— Все эти «как» и «почему», возможно, очень интересны, — раздраженно буркнул Лютц, — но меня волнует наше нынешнее положение. Тут — покойник. У меня на руках — раненый, а лекарств почти никаких. Сколько это может продлиться?

— И кроме того, в шкафу заперто трое убийц, — добавил Шварц. — Ситуация и впрямь довольно необычна!

— Как мы теперь поступим? — спросил Лютц.

— Во-первых, разыщем хозяина гостиницы. Это не преступник, а лишь большой любитель денег. И к тому же трус. Он делает все, что мы скажем. Мой приятель Жак или его жена наверняка добудут для нас кусок веревки. Мы посадим наших троих мерзавцев в такое место, где в ожидании полиции за ними будет нетрудно уследить. Пистолет мистера Шварца сильно укрепит аргументацию.

— А я? Мне-то что делать?

— Вы, доктор, — сурово проговорил Пуаро, — сделаете все возможное для своего пациента. А нам остается бодрствовать и ждать.

6

ТРИ ДНЯ спустя рано утром у гостиницы появилась небольшая группа мужчин. Дверь им отворил Эркуль Пуаро.

— Милости просим, старый друг!

Комиссар Лемантё схватил маленького детектива за руки.

— Ах, друг мой, сколько переживаний! Вы даже представить себе не можете, как мы волновались! Чего мы только не опасались, каких предположений не строили! Ведь сообщения-то никакого! Этот гелнограф — просто гениальное решение!

— Да нет же, нет, — скромно отнекивался Пуаро. — Солнце испокон веков светит на благо человеку...

— Нас не ожидают? — иронически улыбаясь, осведомился Лемантё, когда они вошли в гостиницу.

Пуаро улыбнулся в ответ.

— Нет, все убеждены, что фуникулер до сих пор неисправен.

— Ах, какой великий день! Но вы уверены, что это именно Марраско?

— Вполне. Идите за мной.

Поднявшись на второй этаж, они увидели Шварца. Американец, еще в халате, стоял на пороге своей комнаты и ошарашенно разглядывал незнакомцев.

— Я услышал голоса, — сказал он, — В чем дело?

— Помощь прибыла! — радостно сообщил Пуаро. — Пойдемте с нами, месье, это исторический момент.

И маленький детектив повел всех на верхний этаж.

— Вы идете проведать Друза? Кстати, как он себя чувствует?

— По словам доктора Лютца, прекрасно провел ночь.

Добравшись до комнаты раненого, Пуаро распахнул дверь.

— Вот ваш бешеный вепрь, господа, — объявил он. — Берите его живьем и постарайтесь устроить так, чтобы он не избежал гильотины.

Лежащий на кровати человек с головой, все еще покрытой бинтами, резко выпрямился. Но полицейские схватили его за руки, прежде чем он успел что-либо предпринять.

— Но это же Густав! — воскликнул ошеломленный американец. — Это же инспектор Друза!

— Да, это Густав, но вовсе не инспектор Друза. Друз был первым слугой, которого держали пленником в необитаемом крыле гостиницы, и Марраско зарезал его в ту ночь, когда покушались на меня.

7

ПОНИМАЕТЕ, — объяснял за завтраком Пуаро все еще совершенно сбитому с толку американцу, — когда много лет занимаешься определенным делом, некоторые вещи входят в плоть и кровь. Например, различия, существующие между убийцей и детективом! Густав не был слугой, об этом я догадался немедленно, но он не был и полицейским. Я имел с ними дело всю жизнь и прекрасно их знаю. А поэтому сразу настроился. Вечером я не стал пить кофе. Я его вылил. И правильно сделал: вечером в мою комнату вошел мужчина и действовал с такой уверенностью, будто знал, что обитатель этой комнаты принял большую дозу снотворного. Гость все обыскал и нашел в моем бумажнике специально оставленное мной для него письмо комиссара Лемантё. На следующее утро Густав принес мне завтрак и очень уверенно разыграл свою роль. Тем не менее его терзало беспокойство, потому что, так или иначе, полиция напала на след. Это нарушало все планы нашего преступника. Он оказался в ловушке, как крыса.

— Но как ему пришла в голову дурацкая мысль приехать сюда? — спросил Шварц.

— Она не так уж глупа, как кажется, — заметил Пуаро. — Марраско во что бы то ни стало нужен был очень уединенный уголок для встречи с одним человеком.

— С кем же это?

— С доктором Лютцем.

— Что??? Неужели он тоже бандит?

— Нет, это и в самом деле доктор Лютц, но он вовсе не специалист по нервным болезням или психоанализу. Это хирург, дорогой мой, мастер по пластическим операциям. Оказавшись на чужбине, доктор впал в нищету. Ему предложили весьма солидный гонорар за то, чтобы он встретился здесь с одним пациентом и изменил его внешность. Лютц наверняка понял, что речь идет о преступнике, но закрыл на это глаза. Так рано сюда никто не приезжает, хозяину гостиницы нужны деньги и его несложно подкупить. Таким образом, место казалось идеальным. Но Марраско предали. Его телохранители, те трое, еще не прибыли. Марраско не стал ждать. Он похитил полицейского, игравшего роль слуги, и занял его место. Потом им удалось вывести из строя фунникулер — нельзя было терять ни минуты. На следующий вечер он прикончил Друэ и приколол к трупу записку. Бандит надеялся, что, пока починят фунникулер и восстановится связь с миром, инспектора, возможно, похоронят под именем Марраско. Доктор Лютц без промедления приступил к операции. Но надо было заставить замолчать навеки еще одного человека — Эркюля Пуаро. И банда получила приказ напасть на меня. Тысяча благодарностей вам, мой друг...

Детектив отвесил Шварцу изящный поклон.

— Значит, вы и в самом деле Эркуль Пуаро? — спросил тот.

— Ну да!

— И вы с первой же минуты знали, что убитый — не Марраско?

— Совершенно верно.

— Но почему вы об этом не сказали?

— Потому что я хотел спокойно предать настоящего Марраско в руки правосудия. «Поймать Эрманфского вепря живьем», — добавлял он про себя.

137
С УЛЫБКОЙ И БЕЗ

ПЕРЕПИСКА С ЧИТАТЕЛЕМ

Предлагаю под рубрикой «Проба пера» публиковать все, пусть даже оно неважненькое будет. Зато вы окрылите того, кто начинает писать, и он второй раз напишет уже лучше.

Курсант В—ко.

Крыльями не располагаем, да и читатель не простит нас за «неважненькое». Потому — совет: сразу лучше пишете.

***

Журнал стал более литературным, и это хорошо. Но было бы еще лучше, если бы все повести и рассказы были о жизни наших войск. А если маститые писатели не захотят на эту тему писать, то обратитесь к тем, кто служит. Только киньте ключ: ведь у каждого за спиной огромная практика работы и куча наблюдений.

Подполковник С—ов.

Считайте, что ключ кинули. Одно только смущает: нам ведь надо не только то, что «за спиной», понимаете?

***

Хочется больше читать о том, что ближе к жизни. К примеру, в нашем военоторговском магазине ничего нет, а отцы-командиры каждый день выходят оттуда со свертками. Ну чем не рассказ?!

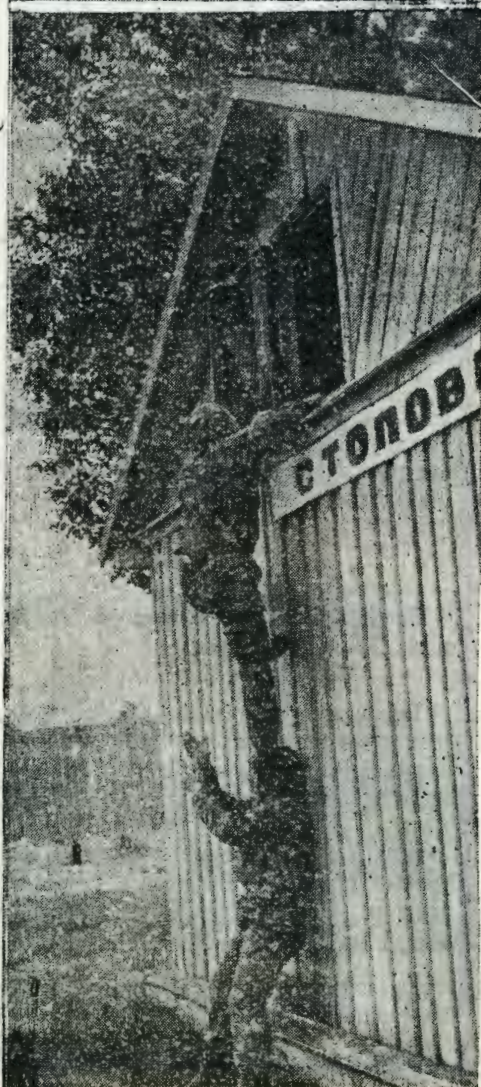
Прапорщик Б—а.

Рассказ. Читайте, мы его опубликовали. Ну чем не ответ?!

***

Возможно, уважаемый читатель, вам покажутся не очень серьезными вышесприведенные строки. Но тут, как говорится, каковы вопросы... А в принципе мы готовы вести разговор о том, какими бы вы хотели видеть литературные страницы журнала в будущем году: и по оформлению, и по содержанию, и по подбору авторов.

Да, кстати, вы не забыли на него подписаться? Еще не поздно...

ЗАДАЧИ — ОСОБЫЕ

Группа вооруженных преступников, захватив заложников из числа сотрудников ИТК, предъявила жесткий ультиматум: наркотики, деньги, оружие, машина, беспрепятственный выезд с охраняемого объекта... Иначе прольется кровь невинных.

Кровь не пролилась. И экстремисты не ушли — освободили заложников и скрутили бандитов подчиненные офицера В. Мальцева.

На этот раз все происходило на занятиях. Но здесь не привыкли работать «по парашку», с поправкой на условности. Каждый, от солдата до командира части, прошел испытание на прочность, отвагу, мастерство в горячих точках — в Фергане, Карабахе, Тбилиси... Там были настоящие бои с экстремистами разных мастей. И воины всякий раз рисковали жизнью, отстаивая правопорядок. Отстаивали с честью...

Массовые бесчинства в следственных изоляторах и колониях, угоны самолетов, заложники, акты терроризма в межнациональных конфликтах — все это, к сожалению, суровая действительность.

Все это — особо опасные преступления. Поэтому проходят занятия с воинами из подразделения спецназа так, чтобы они могли выполнить самую сложную задачу.

Фото А. АЛЕКСАНДРОВА.

ПРИГОВОРЕН К РАСТРЕЛУ

Поводом для написания данного материала послужил телефонный разговор с «полковником в отставке, фронтовиком», фамилию, правда, он не назвал. Без пауз, хорошо поставленным басом звонивший потребовал «написать у себя в журнале, как ваши заградотряды стреляли нам в спину... А сейчас ваши в привычной роли палачей... расстреливают в тюрьмах осужденных. Молчите по этому поводу, в герои лезете». И повесил трубку.

«Оккупанты», «фашисты» — это уже было. Теперь вот — «палачи». Ложь, о которой не следовало, наверное, и говорить. Не внутренние войска охраняют следственные изоляторы. Не военнослужащие войск приводят в исполнение суровые приговоры судов убийцам и насильникам. Нет ни в одном законе, уставе и приказе пункта, который бы возлагал на них подобную задачу. Для этого существуют иные службы. И все же родилась идея проехать с особым караулом до места приведения приговора в исполнение, побывать в следственном изоляторе, в камере смертников, поговорить с ее обитателем, с людьми, его охраняющими.

ПОЛУЧИТЬ предписание, а с ним возможность следовать с особым караулом, наряжаемым от внутренних войск, труда не составило. Сложнее было добиться разрешения в Главном управлении по исправительным делам МВД СССР, которому подчинены следственные изоляторы, другие интересующие нас службы. Ведомство одно, а вот поди ж ты... Не могло не удивлять: зачем такая таинственность вокруг темы, которая нашла отражение в ряде периодических изданий. К тому же она волнует людей не сама по себе, а потому, что напрямую связана с их безопасностью, с реализацией права на жизнь.

Оказалось, что именно чрезмерное внимание прессы, телевидения и кино к некогда запретной теме, смакование отдельных «картинок» и фактов явилось причиной противодействия со стороны должностных лиц. Полковник, беседовавший со мной последним, старался быть убедительным: журналистам хочется сенсаций, а тут требуется трезвая рассудительность, осторожность, продуманность и ответственность. Наверное, и читателю нужен не натурализм. Пока же вдумчивого исследования проблемы, мягко говоря, недостает.

И он сослался на случай, происшедший с начальником следственного изолятора, именуемого в народе «Бутыркой», после публикации в «Московском комсомольце» острого и громкого материала о сложившихся там порядках. Черной краски газета не пожалела. Впрочем, ее не жалеют не только в «Московском комсомольце», но и в «Огоньке», «Московских новостях», стоит только кому-либо из пишущих хоть час побывать по ту сторону колючей проволоки. О последних тенденциях, смакования отдельных «жареных» фактов никто из них не задумывается. Между тем я сам был свидетелем резкого обострения обстановки в ЛТП Ивановской области. Лечащиеся в беседах говорили, что на беспорядки их подтолкнули публикации в «Труде», откуда они выписали пункты ультиматума, предъявленного администрации. Своего рода сценарий захвата воздушного судна опубликовали как-то «Известия». И вот, стоило появиться материалу о «Бутырке», «бывшие» вычислили, где живет ее начальник. Перво-наперво они искорежили его личную машину. Затем вечером подстерегли в подъезде ребенка и жестоко избili его. За отца, естественно. Дальше, как и следовало ожидать, добрались до родителя: били его с усерди-

ем заплочен дел мастеров. По совету милиции он сменил район проживания.

Вот и вы напишите, заключил полковник, назовете фамилии, чем обернется публикация завтра, кто знает?

Разрешение все же выдали. Не сенсации ради взялся за перо — в это поверили.

В 22.37 приехал на контрольно-диспетчерский пункт воинской части. Здесь уже находился особый караул, с которым предстояло убить в следственный изолятор за осужденным, чтобы затем доставить его железной дорогой в другой город к месту приведения приговора в исполнение. Поезд должен был прибыть на станцию по расписанию в 24.00. Майор Е. Морозов — «ночной начальник штаба», как он шутило представился, — после нескольких минут переговоров по телефону уточнил: поезд опаздывает на два часа.

Нельзя сказать, чтобы на караульных эта весть как-то подействовала. Они отрешенно смотрели на желтые плитки кафеля. Жужжали лампы дневного освещения. На улице водители периодически заводили машины. Сидевший рядом майор В. Партальян заговорил, ни к кому не обращаясь:

— Третий раз встречаюсь со смертниками, а особый караул возглавляю впервые. Да... Все же до конца не уверен, что его расстреляют.

Откликнулся старший прапорщик В. Карташов, который не раз ездил начальником планового караула:

— Из «Гудка» как-то журналист со мной в караул ездил, все выпытывал, что да как. Я ему объяснил: не мы этим занимаемся. Мы знай вози.

К говорившим приблизились караульные. Но майор Морозов прерывает завязавшуюся было беседу: пора ехать. На дворе темная ночь. Пробирает внутренняя дрожь. Усаживаемся в спецмашину. Железный кузов гудит, клацают запоры на дверях камеры. Полумрак. Молчим. На поворотах упираемся ногами в решетку. Пройдет еще час или чуть больше, и здесь, в метре от нас, будет сидеть человек, которого мы повезем к месту последнего недолгого теперь уже пристанища в его жизни. Суровая реальность.

А вот майор Партальян в нее не верит. Он сидит сейчас в кабине, смотрит на огни живущего другой жизнью города и, возможно, продолжает полемизировать по поводу применения смертной казни. Ему непонятно, почему за зверское убийство пожилого человека «дают» 9 лет строгого режима. Почему за то, что насилюют, режут девушек, бандитам определяют тот же срок? Во вчерашней газете, что лежит у меня в сумке, сообщается: молодая женщина вместе с любовником убила и расчленила на части свою мать. Ему присудили 8 лет, ей — аж 2 года.

Грустную статистику привели на одном из брифингов в МВД СССР: в 1989 году при исполнении служебных обязанностей погибло 345 сотрудников органов внутренних дел, в их числе 9 военнослужащих внутренних войск, почти все они стали жертвами терроризма.

Создается впечатление, что у Феиды не только глаза завязаны, но и руки, во рту — кляп, в ушах — пробки.

Как удалось выяснить, это впечатление имеет реальную основу.

Так, начиная с 1984 года, суды были ориентированы на более умеренное применение смертной казни. В постановлении пленума Верховного суда СССР «О практике применения судами общих начал назначения наказания» от 26 апреля 1984 года указано: «В предусмотренных законом случаях смертная казнь может применяться лишь тогда, когда необходимость ее назначения обуславливается особыми обстоятельствами, отягчающими ответственность, и наряду с этим исключительной опасностью лица, совершившего особо тяжкое преступление».

Для вынесения приговора суда нужен полный консенсус: если хоть один заседатель против исключительной меры наказания, то она не применяется. Универсальное правило большинства здесь не срабатывает. А если этого одного уговорили, упростили, подкупили..?

Что за этими рекомендациями — свидетельство милосердия общества или перестраховка чиновников, — сказать трудно. Зато очевидно другое: тот, кто лишает жизни другого, стал пользоваться, как говорят юристы, преимуществом защиты своей собственной жизни. Если взять во внимание, что рецидивисты вовлекают в орбиту особо тяжких преступлений несовершеннолетних (мол, «вам вышка не светит»), получится, целая категория лиц пользуется тем же преимуществом. Закон, таким образом, защищает не правого, а виновного.

— В жизни это выглядит так, — поясняет начальник одного из СИЗО, — убийцу судим, он часто в том же городе, где совершил преступление, отбывает срок, а родители погибшего регулярно приходят к проходной, со слезами на глазах спрашивают: их сына нет — почему же бандит живет и здравствует? Почему его не расстреляют, чем он лучше их ребенка?

Как не вспомнить трагические события в республиках Средней Азии и Закавказья, где имели место и терроризм, и бандитизм, и диверсии—деяния, за которые допускается применение смертной казни. Но слышали ли вы о суровом возмездии, павшем там на головы злодеев? Сотни тысяч беженцев, без вины виноватых—о них слышали, знаем, их видели. Законы их не защищали не потому, что последние слишком гуманны к преступникам. Отнюдь: у нас по восемнадцати основаниям преступлений допускается смертная казнь. Но сделано немало оговорок, чтобы законы не действовали. Наше право оказалось неэффективным и не соответствующим потребностям общества. Вот оно и требует обеспечить их работу, дабы обезопасить себя.

Имея в виду реальность ситуации, начальник караула, как только приехали в следственный изолятор, напомнил подчиненным: смотрите в оба, ему терять нечего.

Действительно, были случаи, когда смерти не скрывали намерения уйти с этого света на тот только в паре с охранником, пытались покончить жизнь самоубийством. Вроде бы его дело, все равно конец один, а нет: с караула за недогляд спросят по всей строгости. Можно и погонями поплакаться.

Стало обычным делом, говоря о смертной казни, ставить себя на место преступника и расписывать чувства, переполняющие его. Все для того, чтобы вызвать к нему сострадание. А вы поставьте себя на место человека, у которого подонки изнасиловали дочь, зарезали мать, застрелили сына...

МАШИНУ подгоняют вплотную к массивной двери. В ней окно с решеткой. Через него видна суэта в дальнем конце коридора. Пришли контролеры с резиновыми палками, заняли места слева, справа от входа. Начальники с повязками на рукавах покрикивают на своих. Головы поворачиваются в сторону, откуда должны прийти вести его.

Справка. Александр Васильевич К., 1964 года рождения, уроженец Тульской области. Женат дважды. Убил вторую семнадцатилетнюю жену и одиннадцатимесячного ребенка. Осужден по ст. 102 УК РСФСР. Судим дважды, первый раз за хищение имущества.

Он высок ростом, спортивного склада, в полосатой униформе. Ни на кого не глядя, легко забрался в машину. Ему не потребовалась посторонняя помощь, хотя руки были в наручниках. Клацнули засовы, хлопнули дверцы машины, взревел мотор.

Едем на вокзал. Там, подальше от любопытных глаз, отведено место для загрузки осужденных в спецвагон. На пятачке между постройками собралось несколько спецмашин: тут встречный караул, еще один караул привез иностранца, следующий—душевнобольного и еще—наш. Майор и дежурный по караулам чертыхаются, прикидывают, как всем поместиться в вагоне, ведь там плановый караул везет осужденных.

Сыро, темновато. От площадки наверху к железнодорожному полотну надо спускаться по крутому склону.

Стоим, ждем час, другой. Близуется рассвет. Появляется солдат, сообщает, что вагон стоит метрах в ста отсюда, надо всех вести туда по путям. Началось то, что никакими приказами и уставами не предусмотрено, а действует здравый смысл, чтобы люди не покалечились, не случилось побегов и нападений.

Мы замыкаем колонну. Как сейчас, перед глазами солдаты: один внизу, готовый поддержать съезжающего по насыпи убийцу, другой—сбоку его поддерживает за локоть, сержант и майор сзади. Поминается «тихим словом» начальство, что обязательно было обеспечить условия для нормальной службы на обменном пункте. Только сознание фиксирует не ругань, не чье-то раздражение, а то, как беспокоится караул о конвоируемом. Заметьте: убийцу везут на расстрел, но допустить, чтобы живой человек, пусть бандит, душегубец, ушибся, сломал себе руку, ногу—чего там еще,—не могут. Первое объяснение—он в наручниках. Только ли? Скорее всего это нормальная человеческая реакция. Человек добр, отзывчив, милосерден по своей природе, в нем заложен инстинкт самосохранения. Наверное, стоит исчезнуть последнему или заслонить, притупить его—происходит перерождение, и налицо существо в людском обличье, больше ничего.

Под ногами идущих гремят пустые консервные банки, словно ими играют в футбол. Впереди кто-то кричат. Оказывается, по этому пути следует состав, надо принять вправо. Земля подрагивает, визжат колеса вагонов. К. крутит головой, под ноги не смотрит, смотрит на небо и звезды.

В полумраке, торопливо подсаживая друг друга, этапирруемые поднимаются по ступенькам и тут же исчезают в чреве спецвагона, занимают места в указанных им камерах. Шесть камер вскоре заполняются до установленных пределов. В седьмой обосновался вьетнамец, в восьмой—К. Вьетнамец тут же завалился спать, К. не-

подвижно стоял у решетки до восьми утра, ловя признаки жизни на воле. Еще два часа сидел, прижав к груди колени. В руках—целлофановый мешочек, в нем—мажорка. Брал ее щепотками, не глядя, отрешенно, клал в рот и жевал, не морщась, не сплевывая. Лицо мертвенно-бледное, худое, обрамленное темной щетиной. Теперь, на свету, стало видно, как он молод. Жить бы и жить, детей растить.

Между тем статистика свидетельствует: молодые люди до 25 лет составляют около 36 процентов от общего числа лишенных свободы. Вещизм, спекуляция как зримое проявление тяги к красивой жизни, поэтизируемой в преступной среде, рэкет, порнография, проституция, рок и стремление уйти от окружающих реалий, наркомания—реалии «дикого Запада» стали реалиями нашими. Чем не среда для вызревания правонарушителей. У большинства осужденных первая «ходка» за хулиганство или кражу. Дальше—под уклон. Финал—«мокрое дело», убийство в пьяном или наркотическом угаре.

В купе для караула на столе горячий чай, сквозь дрему слышны обрывки фраз. Идет обсуждение актуальной темы: «В принципе я не жалею таких людей. Со страдания нет. Получи по закону». «Сайд-мурадов и Потапенко его шмонали. Полностью. В тетрадке были вырезки из газет с извещениями, что приговоры приведены в исполнение. Много их. Ждет расстрела давно... «Сколько ждет-то? Сколько? Шестьнадцать месяцев? Сдуреть можно... «Но вот расстреляют ли, может, на урановые рудники отправят: какая разница, где помирать?»

Опять неверие в то, что приговоры к исключительной мере наказания приводят в исполнение. Помню рассказ седого подполковника из наших, конвойников, так тот подробно аргументировал, почему не звучат выстрелы у стены: применяется, мол, ток высокого напряжения. Как «у них там». Наверное, все же лицемерие рассуждать о гуманизации самой процедуры смертной казни, тем более что она остается, и если последняя инстанция оставила приговор в силе, то расплата придет неотвратимо. О другом думается: кто подбрасывает подобные побасенки, особенно в молодежную среду, где всевозможные «паханы» подбрасывают и растят преступные кадры! Неужели так мало заметна преследуемая ими цель—заставить сосунков поверить во вседозволенность, выпестовать таких «суперменов»? Неужели не видно, как усиленно возвращается в массах безысходность и отчаяние, неверие в силу и способность законной власти обеспечить строгое соблюдение всеми и каждым законов государства? Уверен: именно здесь источник призывов к самым решительным мерам, в том числе предложение показать по телевидению смертную казнь: дескать, пока-

зывают же ее в Китайской Народной Республике.

Мой давний знакомый заметил по этому поводу: во Франции в старину за кражу руку принародно отрубали. Но именно в тот момент, когда на площади скапливалась огромная толпа поглазеть на экзекуцию, происходило больше всего краж. Устрашение не действовало! Вскоре наказание отменили.

Что тут скажешь? У нас в Союзе тоже отменяли смертную казнь: в 1917, 1920 и в 1947 годах. Но через короткий промежуток времени опять вводили, дабы не потонуть под огромными волнами преступности, которые неизменно вырастали после штиля.

Редкое правило обходится без исключений, которые, как известно, только подтверждают исходный постулат. Смертная казнь — тоже исключительный случай: лишая жизни опасного преступника, она как бы подтверждает право на жизнь других членов общества.

В ПОЛДЕНЬ прибыли на место. В следственном изоляторе есть корпусное отделение, где содержатся смертники. Идем туда. Нас встречает старший сержант внутренней службы. В должности 6 лет. Женат, беспартийный. Здесь несет службу первый месяц, а вообще в корпусном отделении смены меняют через каждые три месяца. На посту по 12 часов. О том, что в следственный изолятор можно поступить в охрану, узнал случайно, когда по своим делам находился в УВД облсполкома. Привлекло то, что после дежурства сутки дают на отдых, отпуск—месяц без дороги к месту отдыха и обратно, форменная одежда. Сейчас, правда, не уверен, будет ли здесь продолжать работать: морально очень тяжело. Во всех камерах сидят убийцы, выкрикивают непристойности, матерят, обзывают, имитируют удушения, болезни. И хотя у охраны СИЗО не военная служба, спрос бывает подчас суровый, единоначалие усиливает груз ответственности.

К. приготовили камеру номер 52. Его последнее пристанище. Дверь установлена глубоко, как бы в нише: такие толстые стены. Несколько замков, сигнализация. Ключ от одного из запоров у дежурного помощника начальника следственного изолятора. Входим. Дверь закрывается. Ловлю себя на том, что участилось биение серд-

ца. Не пойму отчего. Комната как комната. Продолговатая. Побелена. Слева—унитаз, умывальник. Дальше табурет, намертво прикрепленный к полу, из стены выступает что-то вроде столика. Еще дальше вделанная в стену коробка с полочками для предметов обихода. Прямо перед нами, ниже окошка—возвышение над полом.

— Кровать,—пояснил дежурный.—Назовите «спальное место». Что делать? Стояли тут когда-то железные кровати, прикрепленные к полу, как положено. Вместо сеток, правда, металлические пластинки, сваренные крест-накрест. Не хочу врать, по какому такому случаю сидевший тут бандит вызвал дежурившего тогда капитана Спиридонова. Только он порог переступил, убийца и рубанул его по голове прутотом от кровати. Отломил—таки. Не было бы на капитане фуражки, хана ему, а так туляя смягчила удар, вылечили. С тех пор и нет кроватей...

Этот тип [язык не поворачивается назвать его человеком] убил соседа. Получил срок, бежал и вырезал целую семью — отца, мать, двух малолетних детишек. Последних жертв могло бы не быть, если бы за первую спросили исключительно строго. Это ли милосердие!

Рассказывая, дежурный перепробовал все находящиеся здесь предметы: плотно ли сидят в полу и стенах. Приказал принести матрац, подушку, одеяла, комплект постельного и нательного белья, приготовить душ. Душ оказался рядом, через три двери. Не удержался, посмотрел: кафельный пол, чисто, тепло. По пути назад приоткрыл «глазок» наугад и непроизвольно отпрянул, словно меня поймали на чем-то нехорошем: мне вдруг показалось, что там, за дверью, огороженная железными прутьями лестница ведет в подвальное помещение к месту приведения приговора в исполнение. Спрашиваю дежурного, так ли это? Он сухо заметил, что по данному вопросу не уполномочен что-либо говорить.

Услышав голоса, ляг заперов, дали волю забубевшим своим душам обитатели камер 55, 54, 48. Особенно злобствовал Ивашев из 55-й, судимый шесть раз. Романов из 54-й закатил по этому случаю истерику, пришлось вызывать врача. Ему, оказывается, претит шум, не выносит, когда громко говорят возле его камеры контролеры. Он их видеть и слышать не может: «Мусора, вас вешать мало!»

В коридоре запахло паленым—еще одна невинная шутка бандита: подпалил наволочку. Прибежит начальство, все не так скучно и однообразно.

— Вот кого приходится охранять,—с горечью проговорил дежурный.—А между прочим, не в обиду будь сказано, ваш брат корреспондент поднаторел слезу вышибать у обывателя: ах, жестоко лишать смертников радиоточки! Ах, жестоко наглухо закрывать окна! И в том духе: все неразумно, глупо. А народный депутат, помните, толковал о праве находящегося в тюрьме участвовать в голосовании? Дорассуждались! Они себе сами права установили: расслабились—гробанут чем-нибудь, как Спиридонова. А что им? Контролера—вот была ориентировка—рецидивист убил. Срок у него на полную катушку, а наш гуманный суд присудил ему тем же пятнадцать лет. Он два года перед тем отсидел, их не зачли, отсчет пошел от нуля. Вот и цена нашей жизни. Старший по корпусу получает меньше двухсот рублей. Раньше хоть доплату имели за охрану душевнобольных, туберкулезных, сейчас и того нет. За службу у камер смертников вообще ничего не причитается. Какой резон сюда идти на пост? Плюс ко всему—кривые взгляды соседей, шепотки и мат в спину.

Ну, если бы военнотружущие внутренних войск только матерщину слышали за спиной. А то ведь камни, булыжники, а с некоторых пор и пули в них летят.

...В камере смертников мы стоим друг против друга. До К. метра полтора, только кажется, будто пространство между нами—это целый водораздел между двумя мирами. Он избрал себе дорогу сам, вошел в преступный мир робким воришкой, теперь на нас смотрит заматеревший убийца. Не забыть мне во всю оставшуюся жизнь его высокую, самоуверенную и спокойную фигуру. Почти спокойную, если сравнивать с другими, о которых рассказывали. Шрам во всю левую щеку: попытка свалить вину на зарубленную жену, мол, она его хотела убить, а он защищался. Есть в его лице неуловимые черточки жестокости. К примеру, в глубоко посаженных колючих и нагловатых глазах, эдаких с прищуром, даже воровским, я бы сказал, налетом. Узкие губы и большой рот. Разговор ведет сквозь зубы, и тогда сама собой получается презрительная ухмылочка. Может, попытка продемонстрировать внутреннее превосходство? Манера держаться тоже своя: выполняю вашу инструкцию, но я сам себе начальник и судья тоже.

— Как все случилось?

— Да просто. Кто она такая? Шлюха. Взял я ее к себе домой шестнадцатилетнюю, несмышленища. Отправил учиться на повара. Тогда я уже один срок оттянул. Меня не проведешь, глаз наметанный, первая жена научила, рога наставила. И эта,

чувствую, схлестнулась с кем-то. Я ее придавил, созналась. Как жить с такой? И мать у нее шлюха. Хахалей водила к себе. В тот день я у матери своей полы красил. Выпили, добавили. Не знаю сколько. Тогда я пошел к теще. Мать чувствовала, чем кончится, не пускала. Я пошел. С порога они меня окрестили нехорошо, тут и началось. Теща на кухне успела запертись, а всех остальных я и порешил. Жену, говорят, двадцать раз топором ударил. Но я же не считал. Смотрю только, что на полу она лежит. Я ее поднял, перенес на кровать. А сына жалко стало, завернул в одеяло и понес в больницу отдал. Тут как-то полегчало, завалился спать. А че психически? Нормальный был и есть. Чего психовать?

— Раскаиваетесь?

— Ага. Раскаялся. Так и в прошениях писал. Генеральному прокурору подал прошение, пока то да се, полгода пролетело. Отказали в помиловании. В Верховный суд РСФСР, СССР, в Президиум Верховного Совета в один да в другой—вот три года пролетело, жизнь продлил. Но сейчас, чувствую, даже знаю—хана. К стенке поставят.

— Откуда такая уверенность, ведь вам сказали, что заменили «вышку» на двадцать лет?

— Тот козел, что лапшу мне на уши вешал, думает, умнее всех. Да я солдат только увидел и все понял. А где мой приговор, почему не дали на руки, где документ о замене, номер, число, кто постановил так? Ничего этого нет, значит, точка. Рядом с моей камерой сидел один за убийство милиционера. Его так же солдаты увели, а через несколько дней в газете напечатали: приговор приведен в исполнение. Чего не ясно?

— Осудили вас правильно ли?

— Почти. Мне бы побольше лгать и извиваться, может, на пятнадцать лет и натянул. Не захотел: не по мне.

— В камере давали читать?

— Сколь хоч. Наберу на десять дней—читаю. Библиотекарша сама меняла книги, приносила, что закажешь.

— О чем читали, исторические, про любовь, фантастику или детективы? Может, стихи?

— Не, я за жизнь люблю. Дрянь она, но интересно. «Ивушку неплакучую» Алексеева с удовольствием прочитал. «Чевенгур» Платонова—посерьезнее. Жизни сам не видел, так хоть про чужую узнаешь, бывает кого и жалко.

— Газеты тоже приносили?

— Приносили. Эвон сколь начитал — он показал те самые вырезки из газет с короткими сообщениями «Приговор приведен в исполнение», о которых говорили солдаты.

— Больше нечего вырезать было?

— Почему нечего? Только в этих—сила. Коротко и ясно: плати по счету. Так и пи-

сали бы, чем похождения кончаются. А то туфту гонят, сопляков совращают.

— О чем больше всего жалеете?

— А вот о том и жалею,—жестоко глянул, передернул плечами и отвернулся.

Было видно, как его начал тряссти нервный озноб. Оставаться далее, тем более вести расспросы, значило подвергаться опасности. Обитатели камер смертников за время ожидания приведения в исполнение назначенной им кары успевают до конца ощутить себя людьми вне закона. Что последний для них, соверши они еще одно преступление! Присудят расстрел! Двух смертей не бывает. Отсюда особая опасность в обыкновенных человеческих контактах с ними. Только кто об этом знает и что из того следует! Смотри в оба! Или твоя защищенность — твое дело!

Не слишком ли много заступников у убийц и не слишком ли мало дум и забот о людях, вынужденных — не по желанию, а по необходимости — общаться с преступниками? С теми, для которых нет ничего святого. И которым уже нечего терять.

Ситуацию усугубляет подчас многолетнее ожидание помилования. Бандит расправился со своей жертвой в одно мгновение. А вот с ним пять высоких инстанций разбираются годами, как быть. Все это время многие из осужденных ничуть не прикидываются барашками, и тоже мало кто знает, сколько крови и нервов попортили они людям, их охраняющим.

Я за гуманность, за милосердие. Только трудно спокойно воспринять гуманизм, который обернулся для нашего общества невозвратимыми потерями. Сегодня страдают честные люди—вот что противостоит. Должно же быть наоборот. И наказание судом, любое, тем более применение исключительной меры, призвано сурово предупредить: злодея ждет суровая кара.

И еще. Не нужно для перевозки убийц выделять персональный спецвагон—перевозятся. Но, согласитесь, не дело, когда по три караула вдруг оказываются в нем вместе и не одни сутки. Тут впору завидовать «полосатому»: он сам в купе, когда хочет—спит, когда хочет—ест и пьет. Не то что солдаты. А должно же быть наоборот. Или я ошибаюсь? Наверное, все же нет.

**Полковник В. КУЗЬМЕНКО,
наш спецкор.**

Мафия, организованная преступность, рэкет. Эти слова сегодня едва ли не самые распространенные в нашем обиходе. Ими обозначают явление, с которым мы столкнулись буквально в последние годы, для которого, как прежде считали, не было в нашем обществе социальной почвы. Так же, как для преступности профессиональной. И тем не менее «воры в законе» стали для нас реальным фактом.

Авторы «Исповеди» доктор юридических наук А. ГУРОВ и журналист В. РЯБИНИН задалась целью проследить истоки, причины зарождения отечественной мафии, взявшей на вооружение многое из арсенала профессиональных преступников тридцатых — начала пятидесятых годов, в том числе их законы, атрибутику, но по существу имеющей с ними лишь чисто внешнее сходство.

В основу исследования положен документальный материал — заметки «вора в законе» старшего поколения, который более четверти века провел в местах лишения свободы, подлинные письма и обращения к «братве» преступников новой формации. Авторам представлялось важным посмотреть на «законников» прежних лет глазами нашего современника, отступив от бытовавшей долгое время традиции считать их какой-то серой, безликой массой, попристальнее взглядеться в их лица, порой такие непохожие. Это важно еще и потому, что многие из воров-профессионалов той поры — это жертвы не только войны, голода, но и безжалостных жерновов сталинского режима, подминавших под себя всех без разбора.

Клички и имена отдельных персонажей по разным причинам изменены. Однако в большинстве случаев они подлинные, что помогает авторам с большей достоверностью воссоздать события прошлого, традиции и колорит воровского мира Москвы.

Да, преступление, кажется, не может быть осмыслено с данных, готовых точек зрения, и философия его несколько потруднее, чем полагают.

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ.
«Записки из мертвого дома».

ИСПОВЕДИ ВОРА В ЗАКОНЕ

ОПЫТ
ЛИТЕРАТУРНОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ

ВМЕСТО ПРОЛОГА

КАК ТУТ У ВАС, НА «ВОЛЕ»?

— **Н**У, НИ ПУХА, Лихой! Для такого, как ты,—дело пустяшное. Хотя, конечно, будь поосторожней. «Дипломат» крепче держи, не потеряй.

Отвечать на эти слова я не стал, уловив в них фальшивую ноту. Да и было бы кого слушать. Обидно, но факт. Я, известный карманник, «вор в законе», должен действовать по инструкциям какого-то холуя. Из породы тех, кого нынешние «законники» презрительно именуют «шестерками». Смех, да и только...

Дверь квартиры захлопнулась, и я вызвал лифт. Возле подъезда огляделся. Ничего подозрительного. Направился к трамвайной остановке.

Мог бы сразу сесть в такси, но Сергунчик — так звали этого холуя — настоял, чтобы вначале ехать на трамвае, и обязательно с пересадкой, проверяя, нет ли «хвоста». Выходит, Сизый просто трепался, когда говорил, что риска никакого.

Сизый... Хорош голубок. Да нет, скорее — гусь. Поначалу к нему вообще не хотели меня пускать. Есть, мол, опасность провалить «блатхату». Тогда я сказал, что должен передать Сизому личный привет от его знакомого, который отбывал со мной срок. Соврал, конечно, но — подействовало. И в конце концов был допущен пред его светлые очи.

По моим понятиям, вилла, подобная этой, могла принадлежать разве что министру либо, по крайней мере, ловкому торговцу. (В наше время пределом мечтаний для «вора в законе» было снять у хозяйки надежный угол.) Достаток и процветание. Чистых кровей немецкая овчарка, дорогие ковры, стерео, видео и еще всякая чертовщина. На стенах — с десяток каких-то красавиц.

Сизый встретил меня почти официально. В кабинете, сидя за письменным столом. Это был сухощавый, спортивного вида брюнет лет тридцати семи. Закралось сомнение: «Туда ли вообще я попал?»

— Дмитрий Васильевич, — через стол, небрежно протянул он мне руку. — Слышал о вас, Валентин Петрович. Говорят, виртуозом были в своем деле. Имей я часок, другой, с удовольствием послушал бы ваши байки из прошлого. Но... — тут он картинно развел руками. — Время для нас — в прямом смысле деньги. Нынче, как говорится, ускорение. Темп жизни другой.

Ошарашенный всем увиденным, я долго не мог прийти в себя. Сизый, очевидно, понял мое состояние.

— Этому антуражу не удивляйся. Действуем вполне легально. Одному из наших — светлая голова — пришла в голову отлич-

ная идея — организовать свой кооператив. Назвали мы его «Фото на память». Салон на Советской, разъездные мастера. А здесь, как видишь, кабинет председателя. Лучше «крыши» и не придумаешь.

Вот, оказывается, в чем дело. «Вор в законе», он же глава кооператива, бизнесмен, действующий легально. А оборотная сторона медали скрыта от посторонних глаз. Неплохо придумано, но для карманников старой закалки непривычно и просто неприемлемо. Быть «в законе» означало для нас заниматься только воровским ремеслом, нигде не работая. Не говорю о том, что «боссов», подобных Сизому, тоже не существовало. «Воры в законе» были равны, никто не имел права давить своим опытом или авторитетом, на сходках все решалось голосованием... Вот так одну позицию за другой сдают наши неписанные законы, что держались десятилетия. А ведь прежде за нарушение хотя бы одного из них «босьяки» своего брата вора сурово наказывали, порой жизни лишали...

После того как Сизый открыл «секрет фирмы», у меня отлегло от сердца. На откровенность надо отвечать откровенностью. Сказал ему, что твердо решил «завязать»: годы не молодые, хоть напоследок поживу спокойно.

— Это на какие шиши? — не скрывая иронии, спросил Сизый. — Или в «строгаче» про запас дровец напиллил?

— Напилишь там черта с два. Достались под расчет крохи. И те дорогой просадили в картишки.

— Что-то не пойму я тебя, Лихой, — Сизый забарабанил пальцами по столу. — Толкуешь, что решил завязать, а сам ко мне наприсил. Сказал ребятам, будто хочешь передать привет, а дружков у меня в тех краях — никого. Мы, конечно, тебя проверили, но за такие шутки знаешь, что бывает.

— Обижаетесь, Сизый. Иначе бы просто на тебя не вышел.

— Ну извини. Ближе к делу.

— В общем, попал я в заколдованный круг. Направление на работу дали — нет места в общежитии. Значит — не будет прописки. Знакомые, у кого мог бы прописаться, поразъезхались либо поумирали. А нет прописки — значит, иди гуляй.

— Ну, а чем я-то могу помочь? Пристроил бы тебя в кооператив, но... «завязавших» не держим.

— погоди, Сизый. Эти дела как-нибудь решу. Пойду в исполком, в милицию. А к тебе просьба такая: одолжи рублей двести. На первое время, чтоб угол снять да с голоду не подохнуть. Начну работать — отдам. Я ведь, между прочим, обучался на слесаря.

Сизый явно не ожидал такого поворота. Он поднялся из-за стола, подошел к бару, достал оттуда пузатую бутылку с импортным коньяком, наполнил рюмку. И вдруг неожиданно для меня расхохотался.

— Ну ты даешь, Лихой! От кого другого, но от тебя... У нас здесь что — райсобес для «завязавших»? — От смеха у него на глазах проступили слезы. — Впрочем, давай пропустим по маленькой. За тех, кто там — не дай бог, нам.

Тот был наш, воровской, без которого прежде (да, как видно, и теперь) у воров не обходилось ни одно застолье. Поднимали стакан за тех, кто в зоне.

Мы выпили. Помолчали.

— Деньги я тебе дам, Лихой,—нарочито растгивая слова, сказал Сизый.—Но при условии, что ты нам окажешь небольшую услугу.

— Но я же...

— Э-э, пустяки,—перебил он.—Риска никакого, это я гарантирую. Впрочем, решаю сам.

Я согласился, поскольку понял, что иначе уйду отсюда ни с чем и ночевать снова придется на вокзале.

— Давно бы так,—Сизый удовлетворенно опустился в кресло.—Объясню уже дела. Завтра ровно в час дня ты должен быть в Быковском. Это дачный поселок. Знаешь, наверное. Заберешь у нашего человека «товар» и доставишь в фотосалон на Советской. Придешь туда под видом клиента. Адреса, пароли и все остальное узнаешь у Сергунчика. Поедешь сейчас на его «хату», там и заночуешь.

— Понял. И все же я должен знать, что за «товар». Если взрывчатка—уволь.

Сизый опять рассмеялся.

— Террором пока что не занимаемся. Картины там, у одного местного богомаза «позанимствовались»... Ну что, по рукам?..

И вот я еду на шестой «марке» — том самом трамвае, где в свое время со своими поделниками много раз «держал трассу» — чистил у пассажиров карманы. Воспоминания, прямо скажем, не из приятных... Возле универмага, убедившись, что нет «хвоста», пересаживаюсь на другой маршрут. Проехав еще несколько остановок, беру такси.

Через полчаса я в Быковском. Это дачное место хорошо знаю — одно время мы с напарником снимали здесь «хату».

Оставляю машину за два квартала до нужной мне улицы, расплачиваюсь с шофером. Отсюда уеду трехчасовым автобусом.

Нахожу дом. Кругом — ни души. На резном столбике у калитки — кнопка звонка. Нажимаю: два длинных, один короткий. Из глубины сада показывается хозяин — благообразный мужчина лет сорока пяти, с вкрадчивыми лисьими повадками. Похож на попа-расстригу.

— Боже, а я-то думал, вас не застану. Столько лет... (Это — условная фраза.)

— Иван Фомич, дорогой мой, милости прошу.

Все верно, ответ именно тот, который я должен был услышать.

Благообразный хозяин отпирает калитку, впусив меня, ставит на место засов. В доме двери накрепко запираются, зашториваются окна. Меня он оставляет на кухне, сам проходит в соседнюю комнату, где, как я понял, открывает тайник. И спустя несколько минут приносит аккуратно перекатанный пакет.

Набрав шифр, открываю свой «дипломат», кладу в него «товар». И в это время — стук в дверь:

— Откройте, милиция...

Единственное, что я успел — бросить пакет на стол.

Вот тебе и гарантия безопасности. Влип как кур во щи.

...Машинально отвечаю на дежурные вопросы следователя (место рождения... близкие родственники... судимости...). Внутри же во мне все кипит. Нет, против следователя я ничего не имею. Допрашивает он уважительно, без суетливости.

Злюсь на себя. На то, что так глупо залетел. Пацану было бы простительно, но не мне, опытному «босяку», шесть раз судимому, отбывшему в колониях, если сложить все сроки, двадцать три года и два месяца.

Меня, Вальку Лихого, знала когда-то вся воровская Москва, не говоря уже о Краснодаре. По ловкости среди карманников немногие могли со мной потягаться. Без Лихого ни одна сходка не обходилась, его слово нередко было решающим.

И вот этот самый Лихой по глупости, доверившись процерлыгам, прямехонько угодил в лапы «конторы».

А в общем, если пораскинуть мозгами, сработала логика вещей. Пять лет отсидки — это же целый кусок жизни, а в ней нынче все так закручено, переменчиво. Ты, к примеру, выйдя на волю, продолжаешь мурлыкать себе под нос «Катюшу», тогда как молодежь давно уже оглушает себя «металлом» и прочими роками.

Если б одни только песни были новые, это еще полбеды. Оказалось, что и воровской мир стал другим. От прежних написанных законов остались рожки да ножки. Мы и мысли такой не могли допустить, чтобы друг друга предать, подставить под удар. Воровская солидарность дороже денег ценилась. В колонии о нынешних нравах я, конечно, кое-что слышал — от тех сопляков, что приходили с воли. Но, честно говоря, не очень-то им верил. Думал, что воры эти — липовые, доморощенные, что именно мы были и остаемся истинными авторитетами, хранителями воровского «кочага»...

Следователь, покончив с подробностями моей анкеты, достал из ящика стола пачку «Нашей марки», протянул мне.

Мы оба закурили.

Он, видимо, чувствовал, что продолжение допроса будет нелегким, и потому волновался. Я тоже пока не решил, что скажу, и лихорадочно думал. Выложить все как есть — значит скостить себе срок, пусть не намного (теким, как я, чисто-сердечное признание мало что дает).

И все же на какой-то миг возникло острое желание рассказать правду — ради того, чтобы отомстить тем, кто меня подставил. Если скажу все, что знаю, «контора» на них непременно выйдет.

Но... Разве же ты такой, как эти молодкососы, у которых хватает совести называть себя «ворами в законе». И все-таки, какие они ни есть, одним миром мы мазаны. Погублю ребят — до конца дней буду каяться. Нет, уж лучше повешу все на себя. Пусть знают: Лихой не выдал, не раскололся, не нарушил воровского закона. А вот на сходке, где я поставлю вопрос, разберемся, кто прав.

Решаю так. Во всех подробностях рассказываю следователю о своих мытарствах в поисках жилья и работы. А дальше—даю простор фантазии.

— Что ж, Валентин Петрович,—произнес следователь, втирая окурочек в пепельницу. — Ближе к делу... Итак, 14 июня вы прибыли сюда из колонии. Почему выбрали именно наш город и какие у вас были планы, намерения?

Я ответил как есть. Выбрал потому, что связано с этим городом чуть ли не десять лет жизни. Конечно, не той, какую должен вести каждый уважающий себя человек. Воровской, нечестной, но все же жизни. Отсюда, кстати сказать, в последний раз меня отправили по этапу.

Нет, мое возвращение сюда—не ностальгия по блатному прошлому. Я ехал с твердым намерением «завязать». И специальность у меня есть—слесарь шестого разряда. Кстати, приобрел ее тоже здесь, в следственной тюрьме.

Словом, все описал подробно. Назвал даже адрес вдовушки, у которой хотел остановиться, пока не устроюсь в общежитие, а она, как на грех, приказала долго жить...

На этом, собственно, правдивая часть показаний заканчивалась. Дальше шла, что называется, чистой воды туфта.

— Когда с общежитием не вышло,— продолжал я, не сбивая дыхания, в том же доверительном тоне,—вспомнил, что когда-то в Быковском мы с поделником Витькой Щербатым снимали у одинокого мужика комнату. Вот и решил туда съездить, потолковать—может, пропишет. Адрес же, как на грех, забыл—столько лет прошло. Хотя расположение хорошо запомнил. Уверен был, что найду. Сошел с автобуса—гляжу, поселка-то не узнать. Тогда он только начал строиться, было-то всего две улицы. А сейчас—сплошные дачи кругом, да к тому же—все в зелени. Не знаю даже, в какую сторону податься. Долго искал и все впустую. Иду к автобусной остановке, вижу—скромный дощатый домик в саду, на столбе возле калитки — кнопка звонка. Дай звякну, думаю. Может, и пустят хозяева... Откуда же мне было знать, что там засада.

Следователь слушал меня, не перебивая, изредка что-то заносил в свои протокольные записки.

— У вас все?

— Больше как будто добавить нечего.

Он забарабанил пальцами по столу и вновь достал сигареты.

— Красиво повествуете, Валентин Петрович. И вроде бы все логично. Прямых улик против вас нет, и мог бы я вам поверить. Тем более, что милиция знала только время, когда за иконами должны были прийти, но вовсе не ожидала увидеть здесь именно вас (сами понимаете, открываю карты). Так вот, у калитки этого дома вы оказались ровно в тот час, который был назначен. Совпадение? Положим. Однако никто после там не объявился. А теперь ответьте мне на такой вопрос: откуда при вас оказался этот превосходный импортный «дипломат» с кодовым замком, причем совершенно паз-

той? Молчите? Ну что ж. Тогда еще вопрос: вы утверждаете, что приехали в поселок Быковский на автобусе. Но ведь это неправда. Приехали вы на такси. Откуда же у вас взялись деньги, если, как вы говорите, остались без рубля в кармане? Теперь понимаете, почему у меня нет оснований верить вашей «легенде»? Между прочим, хозяин дачного домика, который должен был передать вам «товар», оказался преступником, находившимся в розыске. Иконы же были украдены из церкви. Улики есть, есть и его признательные показания. Во всяком случае, оснований достаточно, чтобы вы находились под арестом до выяснения обстоятельств дела. Поможете следствию—суд, безусловно, это учтет. Тем более, если иметь в виду вас, то преступление (или, точнее, пособничество) можно считать незавершенным. А ваша помощь, как я полагаю, может быть существенной. Милиция располагает данными, что к этой краже причастна не просто воровская группа. Во всяком случае, у нее есть выходы на иностранцев. К тому же вы «законник»—что общего может быть у вас с этими пижонами.

«А в этом молодом человеке и вправду есть что-то симпатичное,—подумал я.— Мало кто из следователей был со мной так откровенен... Однако зря он рассчитывает, что можно так дешево меня купить». Ему же я попросту не нашелся, что ответить, кроме заготовленной на подобный случай фразы:

— Гражданин следователь, не давите на психику. У меня ведь голова седая. Об иконах, о краже из церкви я ничего не знал. Это точно, без трепа.

На мои слова следователь отреагировал весьма своеобразно.

— Согласен, Валентин Петрович. Потрпало вас в этой жизни предостаточно. Только «давить» я пытаюсь не на вашу психику, а на сознание пожилого уже человека, который мне сам заявил о своем намерении окончательно «завязать». Так что подумайте хорошенько.

Он немного помолчал.

— И еще... Знаете, у меня к вам личная просьба: Мне бы очень хотелось, чтобы вы рассказали о своей жизни. Обо всем, что помните. Не для протокола, конечно. Просто хочется поближе узнать таких людей, как вы. Чтобы лучше понять, что их толкает на этот путь, тем более, что сейчас многое пересматривается, в том числе и события сороковых, пятидесятых... Ну, пожалуйста, на сегодня хватит. Оформим протокол, и пока вы свободны.

В КПЗ (к новому названию—«изолятор временного содержания») никак не могу привыкнуть), лежа на жесткой койке, я долго размышлял над словами следователя о том, куда ведет та цепочка, одним из звеньев которой я чуть было не оказался по милости Сизьбо. Неужто он и его компания—те самые мафиози, в которых сейчас столько говорят и пишут? А если так, покушением на преступление здесь не отделаешься. Могут запросто прийти с 89-ю, часть четвертая. Как там, в Кодексе? «Кража, совершенная особо опасным рецидивистом или в крупных раз-

мерах». От пяти до пятнадцати лет лишения свободы. Поскольку получается, что я — прямой соучастник... Да и кого, собственно, выгораживать, если воровские наши пути так разошлись, какие «законы» отстаивать?..

Думал долго, до боля в висках, хотя ни к чему определенному так и не пришел. Трудно, ох как трудно поступиться принципами, которым следовал всю свою жизнь.

Вспомнил, как бы между прочим, что следователь попросил рассказать об этой жизни. Что же, если ему интересно, попробую. Вот только с чего начать?... Лучше всего, наверное, с памятного для меня случая на Рогожском рынке — так сказать, с первого «дела».

ЗАЧИН К ИСПОВЕДИ ПЕРВОЕ «ДЕЛО»

НЕ ЗНАЮ, как нынче, а в сорок четвертом, в разгар войны, Рогожский рынок по обилию всевозможной снеди был едва ли не самым богатым в Москве. В «обжорном» ряду торговли наперебой предлагали сочные мясные котлеты и пирожки с капустой, лепешки с пылу, с жару и горячую картошку с соленым огурчиком. Бойко горланили молочницы: «Кому ряженку, творог свежий, маслице топленое!..» В мясном ряду бабки, приехавшие из Подмоскovie, заваливали прилавки говяжьими тушами и окороками. Барыги, snowавшие тут и там, предлагали (но уже шепотом) американские консервы — тушенку и колбасу в красивых овальных банках с ключиком.

Народу на рынке была уйма, и над этой толпой стоял сплошной, нескончаемый гул. Глядишь на все это, и порой не верится, что идет война. Купить здесь можно было все, что душа пожелает. Если, конечно, у тебя есть деньги. А они, между прочим, в то время обесценились баснословно: килограмм мяса стоил не меньше тысячи рублей. Покупатели и продавцы, торгуясь, скидывали либо прибавляли не рубли, не десятки, а сразу сотни.

На Рогожском, как и на любом другом рынке, были, разумеется, не только продавцы и покупатели. Немало в базарной толпе отиралось и тех, кто терпеливо поджидал удобного случая что-либо слямзить у ротозея-торгаша или «проверить» чей-то карман: воров и ворюшек разной масти. В их числе оказался тогда и я. В ту пору мне не было еще и тринадцати.

Мой ровесник и закадычный друг Костя, промышлявший этим уже больше года, какое-то время меня натаскивал, ждал, когда поумнею малость. Но вот однажды наконец решил, что пора брать меня на «дело».

От «хаты» тети Сони, где мы в ту пору квартировали, до рынка было рукой подать. Отправились мы с утра пораньше, когда народу там особенно много.

Толпа, как всегда, гудела. Обходя прилавки, лотки, ловко лавируя между очередями, вышли к мясному ряду. Еще вчера Костя сказал мне, что приглядел здесь толстушку, которая торгует мясом уже второй день.

Подходим к прилавку. Женщина, дородная, краснощекая, в цветастом деревенском платке, бойко торгует говядиной. Перед ней весы, рядом, на подносе, большие куски мяса. Замечаю прижатый ножкой мешочек с деньгами. Набит он плотно, почти до отказа — видно, вся выручка здесь.

— Давай, — толкает меня под бок Костя. Сам он словно растворяется в очереди, что нас окружает, даже я перестаю его видеть.

Как мы и условились, обхожу прилавок с тыльной стороны, останавливаюсь возле торговки. «Ну, смелее, Валька!» — приказываю самому себе. Накануне мы с Костей много раз проигрывали эту сцену. «Все будет хорошо, — уверял он меня. — Только не скажи, как сейчас: Костя, ты уронил деньги...» И все же боязно.

Стараясь, чтобы никто не заметил, достаю из кармана брюк сотенную бумажку и вытряхиваю ее на землю.

— Тетя, вы деньги уронили!..

— Ой, спасибо, сынок, спасибо... — Женщина наклоняется, чтобы поднять сотенную. В этот самый момент, по нашему замыслу, Костя должен выдернуть из-под весов мешок с деньгами. Но мне его ждать не надо. Сделав свое, я тут же даю деру. Уже пробежав метров тридцать, слышу тяжелый металлический звон — видно, упали весы. А вслед за тем — пронзительный бабий визг:

— Деньги украли... Держите вора...

Больше я ничего не слышал, поскольку находился уже за воротами рынка. Чтобы не привлекать внимания прохожих, перешел на шаг и через пять минут был уже возле дома. В дверях меня поджидала тетя Соня — наша хозяйка, немолодая, с рябинками на лице, проседью в темно-каштановых волосах, но удивительно проворная для своих лет женщина.

— Заходи быстрее. Костя уже здесь, волнуется, как бы тебя не цапали.

Она впускает меня, сама же, оставшись на улице, вешает на дверь замок, запирает его и...влезает к нам через окно. Хитро придумано: дверь на замке, и дома вроде бы никого. Остается задернуть занавески.

— Все в ажуре, — улыбается Костя. — Не зря мы с тобой поработали.

Он достает из-под кровати туго набитый мешочек, который четверть часа назад принадлежал торговке из мясного ряда, и вытряхивает деньги на коврик, что постелен рядом с кроватью. И мы, примостившись рядышком, начинаем их сортировать — отдельно кладем пятерки, десятки, «красенькие» (тридцатки). Рубли отбрасываем, как мелочь.

— Ох, Костя, фатовый ты парень, — не перестает восторгаться тетя Соня. — Такой куш одним разом ханпнут. Не то что наши карманники — принесут тышочки две-три, самое большое. А что на них нынче возь-

мешь.. Хорошо еще, если карточки продуктовые «позаимствуют» и отовариваться можно, и продать кому... И из тебя, Валя, чувствую я, толк выйдет. Да еще при таком учителе.

— Один бы я, тетя Соня, это дело не провернул,—отвечает Костя, весь сияя от ее похвалы.

Мы продолжали считать деньги. Их очень много, несколько десятков тысяч. А тетя Соня, хитрая лиса, ласково погладив нас обоих по голове, переходит с умильно-восторженного на просительный тон:

— Костенька, миленький! Оставь мне побольше, очень тебя прошу. Знаешь ведь: и на продукты нужно, и Прошину, как придет, дать на лапу. Прошин, как я потом узнал, был местный опер, не гнушавшийся подношениями в любом виде.

Хозяйку Костя не обошел. Довольная, она улыбалась от радости, помогая нам переодеться. Сняв с себя «рабочую» одежду, принарядившись и захватив тысячи три «на мелкие расходы», мы с другом отправились гулять по Москве.

Пообедали в коммерческой столовой — их тогда только-только стали открывать. Выбор блюд не очень большой, но готовили вкусно. Потом отправились к трем вокзалам.

На Домниковке, возле хлебного магазина, сидели нищие калеки. Подошли к ним, дали кому десятку, кому «красненькую». Надо было видеть, как они нас благодарили... Мы с Костей были чистенько одеты, вели себя, как хорошо воспитанные паймальчики. И если бы кто-нибудь вдруг сказал, что эти добрые, простодушные на вид ребята сегодня утром сильно «обидели» незнакомую тетю, этому вряд ли бы поверили.

Вечером, нагулявшись вдоволь, мы отправились наконец домой. По дороге оба как-то сразу вспомнили о доме, о своих близких и загрузили. Костя предложил: деньги есть, давай съездим в Электросталь. У него там мать находилась в колонии. У меня — два брата, Витя (в детском доме) и годовалый Геня, родившийся незадолго до смерти мамы. Решили, что поедем сегодня же.

Невеселые мы возвратились на «хату». Но здесь нас ждал такой прием, что грусть вскоре отступила, растворившись в веселом застолье.

Стол ломился от угощений. Чего только здесь не было — жареное мясо в соусе и печеные караси, холодец из свиных голов, красная икра, грибки маринованные. Посередине стола возвышалась четверть самогона.

— А вот и наши дети,—поднялся из-за стола Валька Король, мой и Костин наставник в воровском деле, высокий парень лет двадцати семи с черными выщипанными волосами. «Хату» у тети Сони снимал, собственно, он—«вор в законе», признанный авторитет среди московских карманников. Костя стал его учеником почти год назад, я же пока что осваивал азы.

— Сегодня вы, детки, потрудились на славу,—продолжал он.—Хапнуть шестьдесят «кусков» — редкостная удача. Верно, Куцый?

— Этот вопрос был обращен к незнакомому мне мужчине, который, положив ногу на ногу, сидел на диване. Был он чуть помоложе Короля, смуглый, коротко подстриженный, одет в офицерский мундир без погон.

— Имей я таких учеников, ушел бы в тридцать лет на пенсию,—шутливо ответил Куцый.

— Ну, а ты как, тезка, не сдрейфил?—Король потрелал меня по плечу.—Первое боевое крещение мы всегда обмываем. Так что сегодня, малыш, ты можешь и шкалик опрокинуть—разрешаю.

.. Это обращение—Малыш, случайно оброненное Королем, так и прилипло ко мне, стало первой воровской кличкой. Тому немало поспособствовал и Костя, мой ровесник, которому, чтобы подчеркнуть свое старшинство в «деле», очень нравилось так меня называть.

Из кухни показались тетя Соня с чугуном в руках и Лидочка, подруга Вальки Короля, красивая девушка лет восемнадцати с длинной русой косой.

— Ну вот, ребята, картошечка готова...—тетя Соня торжественно водрузила чугунок на стол.—А, и Костя с Валей пришли... Давайте-ка, мои дорогие, присаживайтесь. В вашу честь пировать будем.

— Только так,—поддержал Король.—Мы с Куцым выпили лишь по маленькой. Вас ждали.

Все сели за стол. Валентин налил Косте, мне, а после всем остальным по стопке самогона.

— Минуточку, леди и джентльмены! Вы присутствуете при вручении награды по случаю боевого крещения.—Король извлек из внутреннего кармана пиджака часы с серебряной цепочкой.

— Тебе, Малыш, новенькие. Позаимствовал по этому случаю у одного «скотаря». Давай-ка сверим.

Он достал из «правилки» (жилетки) свои золотые, с тремя крышками часы фирмы «Павел Буре», отличавшиеся особой точностью. Мои, «Кировские», шли с ними минута в минуту.

Все меня снова и снова поздравляли, а Лида расцеловала нас с Костей в обе щеки, от чего я ужасно смутился.

Зажмурившись для храбрости, я в один прием «прокинул» рюмку самогона. Перехватило дыхание, на глазах выступили слезы. «Привыкай, Малыш,—Король дал мне стакан морса.—Запьешь, и все будет нормально». И в самом деле, неприятное ощущение скоро прошло. В груди разлилась теплота, в голове приятно зашумело. Я стал веселым и разговорчивым. Костя, выпивший немного больше, чем я, тоже захмелел. Мы с ним вдруг вспомнили, что решили сегодня ехать в Электросталь и даже начали собираться. Нас, конечно, не пустили.

— Не суетитесь,—сказал Король.—Завтра продукты закупим—вы что, с пустыми руками к своим собрался? Пусть и Лидочка с вами в Электросталь поедет, поможет там.

Девушка согласно кивнула головой:

— С такими молодцами—хоть на край света.

— А сейчас,—скомандовал Валентин,— марш спать.

Тетя Соня уложила нас с Костей в сарае. Ночь была лунная. Мы спали, скинув с себя одеяло. Проснулись одновременно — разбудила нас какая-то возня в поленнице. Протерли глаза и, поскольку было уже светло, увидели рядом с ней человека, который что-то искал между поленьями. Ба, да это же Куцый. Только на нем уже не военный китель, а добротный коричневый костюм.

Раздвинув поленья, он глубоко просунул руку в эту дыру, достал небольшой сверток. Развернул его и извлек что-то плоское, металлическое. Наган!.. Резко обернувшись, Куцый вдруг заметил, что мы не спим.

— Здорово, пацаны.—По его тону чувствовалось, что на наше раннее пробуждение он не рассчитывал.—Игрушку видали?.. Так вот, будем считать, что вас здесь не было.

Он вышел из сарая, осторожно закрыв за собой дверь.

После я узнал от Вальки Короля, что Куцый был квартирным вором, не раз бежал из лагеря. Находился в бегах и сейчас. Во время побега неподалеку от зоны его едва не схватили. Помогло оружие: пришлось застрелить охранника.

Повстречав на своем пути Лешку Куцего, я понял, что в воровском мире есть не только такие, как Король. Они, в этом я уже убедился, не то что наган—даже нож или финку с собой никогда не брали. Куцый в случае опасности всегда мог пустить его в ход. Этот вор был жестоким, безжалостным. Не он ли стоял у истоков касты, много лет спустя объединившей в одно целое воров, грабителей и убийц? Той самой мафии, которая меня так ловко нынче «подставила».

Впрочем, еще тогда, едва соприкоснувшись с воровским миром, я уяснил себе: истинные «воры в законе» чужаками таких, как Куцый, не считали. Что здесь сказывалось — «босаяцкая» солидарность или опасение, что эти люди в случае, если их «отлучат», не постесняются пустить в ход оружие? Скорее всего и то и другое.

Случай в сарае какое-то время спустя всем нам о себе напомнил...

Кончилось лето сорок четвертого. Большинство моих сверстников вместе со взрослыми, как могли, приближали победу. Видел в кино мальчишек, которые по десять часов в сутки, заменяя своих отцов, работали за станком, юных пионеров-героев. Но, находясь в совершенно иной среде, я был настолько далек от реальной жизни, что казалось, будто бы все это происходит где-то на другой земле. Когда Король меня похвалил за первое дело, назвал «героем», я принял его слова как должное и был горд оценкой «наставника». Другой мир был для меня чужим.

Задумываться о подлинных и мнимых ценностях жизни я стал много позже, уже повзрослев. Но и в зрелые годы старался гнать эти «крамольные» мысли. Иначе пришлось бы признаться самому себе, что жизнь прошла... Как? Впустую! Нет, все это гораздо сложнее.

Одна за другой оживали в моей памяти картины давно пережитого. Теперь уже мне самому захотелось скорее поделиться со следователем своим прошлым. Если, конечно, у него хватит времени и терпения меня выслушать. Но тут же закралось сомнение в его истинных намерениях. Может, это тактический ход, не более. Расчувствуется, дескать, Лихой, вспоминая свою непутевую жизнь—вечный риск, мытарства по этапам да зонам,—и в надежде, что срок могут скостить, явится с повинной. Нет уж, дудки, меня на такую дешевку не возьмешь, гражданин следователь.

Впрочем, возможно, что все это — плод моей фантазии. Следователь, как я уже понял, делает ставку на другое. Он почти уверен, что по всей логике я не смогу, не должен простить Сизому его подлость. Положим, не прощу, выдам. Но что тогда? Тогда они, эти «кооператоры», распусят слух, что я «ссучился», продался ментам. Не успею еще загреметь по этапу, как всюду—и на воле, и в зоне—будут считать, что Лихой—проститутка и его при первой возможности нужно убрать. Или по крайней мере «опустить», опозорить.

Прежде в таких случаях собиралась сходка, тебя выслушивали, каждый из «воров в законе» мог высказаться. Потом голосовали—и вопрос чаще всего решался по справедливости.

А этим, нынешним, порешить человека — плевое дело. К тому же знают они, что я «завязываю»... Думай, думай, Лихой, как быть.

Я приподнялся с кровати, допил оставшийся в кружке холодный жидкий чайек, закурил. В камере, рассчитанной на пятерых, нас было трое. В дальнем углу, раскинув руки по сторонам и сладко причмокивая, спал длинноногий молодой парень. А напротив меня похрапывал лысоватый, с брюшком мужчина лет сорока. Познакомиться ни с тем, ни с другим я не успел, поскольку на допрос увели почти сразу, а вернулся сюда в десятом часу, когда оба спали.

Интересно все же, на чем погорели мои сокамерники? О молодом судить трудно—у таких, как он, в голове ветер, в любую сторону, словно ветку, накренишь может. А тот, что с пазом, не иначе как торгаш-расхититель. Прилизанный, гладко выбрит, духами от него пахнет. Видать, крупная птица.

Пригляделся к нему и почему-то опять подумал о Сизом. Представил эти хоромы и самого, лоснящегося от сытости и самодовольства. Тут меня будто током поразило. Вспомнил, как однажды в зоне—а было это, месяца за три до того, как меня отпустили—познакомился с одним блатным, тоже вором, которого перевели к нам в колонию строгого режима. По этому случаю он нас тогда угощал. Выпили, разговорились, стали, как водится, вспоминать общих знакомых. От него-то я и услышал, что в Краснодарском крае появился молодой «вор в законе» по кличке Сизый. О прошлом этого человека никто не знал (а может, и знал, но боялись сказать). Среди карманников, форточников либо краснушников он не числился.

— Поговаривают,—блатной, хотя и поддал изрядно, заговорил тут шепотом,—будто «вора в законе» он купил за большие бабли, после чего сходка его в этом звании утвердила.

Тогда я этому не поверил:

— Врешь ты все спяну. Такого у нас сроду не бывало.

— Да чтоб мне провалиться на этом месте,—обиделся тот.

А если он не врал... Такая теперь жизнь, что все продается и покупается. Раньше у нас было железное правило: «вором в законе» сходка утверждала только того, кто отбыл не меньше двух сроков. Насколько я знаю, этот закон никто не отменял. Выходит, Сизый просто самозванец. Да и по его манерам видать, парашу в СИЗО не нюхал, не говоря уж о карцере. Издеженный слишком, этаким баловень судьбы. Его бы сейчас сюда, в эту бетонную клетку с обшарпанными стенами и на железную койку вместо софы. Сколько таких клеток повидал я за свою жизнь, смрадных, вонючих. Привык, не замечаю уже—как будто так и должно быть. Пишут сейчас, правда, что это, мол, бесчеловечно—держать заключенных, подследственных и даже подозреваемых в скотских условиях. Но пока суд да дело... Благо еще, что вместо параша поставили кое-где унитазы. Все легче дышать. Сизый, конечно, этого бы не оценил. Хотя когда-нибудь и оценит. Ведь по большому счету, здесь сидеть не мне, а ему надо.

Толстяк, отрыгнув во сне, повернулся на спину и захрапел во всю ивановскую. Обожрался, видать, сукин сын, подумал я, таким есть кому передачи носить.

Впрочем, возможно, тут заговорило во мне уязвленное самолюбие. В первый раз попал я в такие условия, когда придется сидеть на казенной похлебке да каше. Раньше, бывало, сижу в КПЗ или в следственном изоляторе, и что ни день—передача с воли. Да еще не какая-нибудь—самые, как сейчас говорят, деликатесы. Нынче ожидать их неоткуда, некому обо

мне даже вспомнить. А сколько было в те времена друзей-карманников, верных подруг, которые никогда не оставляли в беде...

И снова я мысленно возвращаюсь к прошлому. Цепляясь друг за друга, словно пчелы в улье, роятся воспоминания. Пора дать им волю.

Уже засыпая, думаю, что непременно надо рассказать следователю о своих «корнях».

НА ДОПРОСАХ И МЕЖДУ ДОПРОСАМИ

ИНДИЙСКИЙ ЧАЙ С БУТЕРБРОДАМИ

КОГДА я открыл глаза, мужчина с брюшком, чья койка была в углу, по соседству с «парашей», размахивал пухлыми руками. Вверх-вниз, вверх-вниз. В широких красных трусах в горошек, то и дело сползавших с пуза, он был похож на клоуна.

«Шизик, что ли?»—подумал я, не сразу сообразив, что толстяк делает утреннюю зарядку. Лицо сытое, пышет здоровьем, несмотря на то, что мужику не меньше пяти десятков.

Заметив, что я проснулся, толстяк на время прекратил размахивать руками и этак интеллигентно, с поклоном головы, представился:

— Иван Васильевич... Как почивали в экстремальных условиях, уважаемый?

— Экстремальных, говорите?—Я едва не расхохотался.—Это для кого как. По мне, тут просто комфорт... — И тоже назвал свое имя-отчество.

Парень-акселерат, спавший у окна напротив меня, как был, в «варенках» и размазанной импортной майке, тоже проснулся. Хотя вставать не спешил. Презрительно скривив губы, он некоторое время молча наблюдал за пыхтевшим от усердия толстяком. Тот, не реагируя на его косые взгляды, продолжал разминаться. Тогда акселерат резко встал и, по-матросски расставив ноги, сплюнул, а после неожиданно стаянул с себя майку.

— Видал, ты...—как бы предупреждал он, мотая кудлатой головой в сторону толстяка.

Грудь у парня была разрисована искусной татуировкой: на фоне морского прибоа обнаженная фигура гладиатора, голова которого располагалась между сосками. Гладиатор означал, что парень—из убежденных, отъявленных хулиганов.

— Будешь мне мешать и заниматься всякой х...й,—процедил акселерат не терпящим возражений тоном,—придушу... Может, это до тебя не доходит?

Он взялся за пуговицу на поясе, державшую модные штаны.

— Нет-нет, я уже закончил,—поспешил с ответом толстяк, не решившись испытывать судьбу, и пошел к раковине — мыться.

— Не плещись, раздражаешь, — последовал очередной окрик.

Парень был не только рослым, но и здоровым — видно, из тех, кто с легкой руки «любознато» качает мускулатуру.

На чем, интересно, он залетел? С толстяком все ясно — типичный торгаш. В наkolке разобрался сразу — значит, срок отбывал. А парень — у этого либо опять хулиганка, либо что-то похлеще. Из такого вполне уже мог получиться насильник или садист, которому ничего не стоит отправить человека «в Сочи». Надо как-то себя проявить, иначе на шею сядет и не слезет.

— Ты, парень, успокойся, — обратился я к акселерату подчеркнуто вежливо, но без заискивания. — Здесь ведь не детская колония, а стариков обижать ни к чему.

— Пошел ты... — задухарился он.

Тогда я встал и, понимая, что веду себя как пацан, стянул по его примеру рубашку. Показал на груди под лезым соском свою наkolку — сердце, пронзенное кинжалом.

— Видал? — спросил я тем же спокойным тоном.

— Знаю, — насупившись и немного помедлил, ответил парень. — На воле видел у одного знакомого.

— И читать умеешь?

— Еще бы. Сердце с кинжалом означает, что ты — вор в законе. Если честно — не ожидал. Выходит, почти свои.

Парень подошел ко мне, подал руку:

— Леха...

И добавил:

— Таких — уважаю, хотя у вас мы и не котируемся. Тебя как?

— Валентин.

Я протянул ему пачку сигарет.

— Закуривай.

Толстяк, который заканчивал свой туалет, посмотрел на меня с признательностью. Потом подошел к кровати, где мы сидели уже вдвоем с Лехой, подал пухлую женскую ручку мне и, мгновение поколебавшись, Лехе. Мы молча ее пожали.

Жизнь в ИВС постепенно налаживалась.

...После обеда меня вызвали к следователю.

— Как устроились, Валентин Петрович? Не обижают? — спросил он, стараясь, как видно, завоевать к себе больше доверия.

«Стреляного воробья на мякине не проведешь», — подумал я, не удосужив его ответом.

— Сегодня вот выкроил пару-тройку часов вас послушать, — продолжал он, ничуть не смущенный моим молчанием. — Не скрою, мотив у меня в данном случае почти корыстный. Учусь в аспирантуре, готовлю диссертацию.

«Значит, не докопались, — подумал я. — Иначе не стал бы он с этого начинать. А если все же возьмут Сизого? Неужто он меня подставит во второй раз? Не побоят-

ся сходняка? Сходка воровская предательства ведь не прощает»...

Выходит, нет пока у меня оснований сомневаться в искренности следователя, принимать позу обиженного. Вывод — надо ответить ему взаимностью.

— Стало быть, наука спустилась наконец с небес, коснувшись грехов наших тяжких, —отреагировал наконец я.

— Представьте себе, Валентин Петрович, снизошла, — улыбнулся следователь. — И тема моих научных занятий самая что ни на есть земная. Организованная преступность. То, что, на западный манер, называется мафией.

— Мафия? А разве у нас она есть?.. Вам, конечно, видней, вы ученый. Но вот что хочу сказать. В бытность на воле — перед тем как в последний раз залететь — о мафии я понятия не имел. В колонии кое-что слышал от «новых»: будто бы писали об этом в газетах, но, мол, все это треп. Может, и вправду раздувают? Не доросли мы до Запада. Это у них там, рассказывают, все четко, снизу доверху поставлено, одно руководство. И в правительстве — своя рука.

Прежде чем мне ответить, следователь достал из стола пачку ростовских. Закурили.

— Наука, Валентин Петрович, обязана прежде всего опираться на факты. А таких фактов, подтверждающих, что организованная преступность — это уже реальность, накопилось у нас предостаточно... Хотя, не скрою, и среди ученых немало таких, кто, подобно вам, пытаются отрицать ее существование. Разумеется, куда удобнее судить обо всем с привычных, накатанных позиций. Иначе ведь придется пересматривать свои взгляды, вносить коррективы. А зачем, имея ученую степень, имя, усложнять себе жизнь? Куда проще, давя авторитетом, на каждом перекрестке публично заявлять: нет у нас организованной преступности и не может быть, потому что нет почвы... Я вас, наверно, утомил, Валентин Петрович?

— Нет, нет, все это мне вновинку и очень даже интересно. Что получается. Считаюсь вроде профессионалом, «вором в законе», а о таких вещах узнаю от следователя. И еще хочу спросить: коли в блатном нашем мире все так круто переменялось, интересно ли будет вам слушать мой рассказ? Как я понял, теперь это уже вчерашний день.

— Не делайте, Валентин Петрович, успешных выводов. В том-то вся и штука, что нынешняя организованная преступность не просто многое взяла у вас, «старых» «воров в законе», но и, насколько я знаю, успешно под вас маскируется. Это, так сказать, лапотная российская разновидность... Вы ведь прекрасно знаете, что такое воровская сходка. Так вот, если у вас на сходки, пусть даже крупные, собирались обычные воры из одного города, скажем, московские, краснодарские, то теперь съезжается на них «братва» со всей страны. А это уже признак того, что существует сообщество. Доводилось мне видеть и обращения, адресованные всем вора.

М

— Любопытно все это, гражданин следователь. И по какой же такой статье вы им шьете подобные сходнячки? Я вот в 1959-м присутствовал на всесоюзной сходке в Сокольниках, и нас там даже уголовный розыск охранял.

— В том-то и дело, что статья, которая предусматривала наказание за создание преступных организаций, в законе до сих пор нет. В кодексе 26-го года она была, а сейчас, когда факт, что называется, налицо, законодатель упорствует.

— Трудно вам, как я вижу, приходится. За сложное дело взялись.

— Не привыкать—повоюем. Ну вот, а теперь, Валентин Петрович, я готов слушать вас. Рассказывайте обо всем, что считаете важным и интересным. И все-таки, я прошу, постарайтесь больше внимания уделить воровским обычаям, традициям, правилам. Был, к примеру, в вашей среде закон: не предавать друг друга под страхом смерти.

«К чему это он клонит?—подумал я.— Ох хитер». Однако сделал вид, что все нормально.

— Почему был?—спрашиваю.—«Новые» его, по-моему, не отменяли. Это ведь со времен Ваньки Каина идет, читали, наверно, Максимова о каторжаных. Без этого никак нельзя. Ведь вы тоже небось друг на друга не капаете начальству.

— На словах,—следователь хитровато улыбнулся.—Ну, об этом мы как-нибудь после поговорим и, если угодно, обменяемся мнениями. А теперь, Валентин Петрович, давайте заварим с вами чайку покрепче, правда, не конвойного, без коньяка. У меня, кстати, и бутерброды есть. И я готов слушать...

— Только скажу заранее, чтобы это не было неприятным сюрпризом,—продолжал он,—читать вас полностью невиновным у меня пока нет оснований. Те косвенные улики, которые я вам прошлый раз перечислил, вот так, запросто, не откинешь. А потому я вынужден обратиться к прокурору за санкцией на ваш арест. Понимаю, в следственном изоляторе беспокойно, не то что в ИВС, но ничего не могу поделывать. Служба...

Он вышел из-за стола, налил в электрический чайник воду из графина, подключил шнур к розетке. Из сейфа достал завернутые в газету бутерброды с сыром и колбасой, сахар, начатую пачку «индийского».

— Тут, Валентин Петрович, может, кое-кто, прослышав, что вас задержали, даже обрадовался. Решили, что можно списать на ваш счет пару-тройку нераскрытых краж (если не больше). Ему, дескать, и так сидеть. Такое, к сожалению, пока не выветрилось из некоторых голов.

Я не счел нужным что-либо ответить, лишь пожал плечами.

Следователь насыпал в стакан заварку: себе одну, мне—две ложки. «Достаточно?»—Я кивнул.

— Ну так вот. Я этим друзьям ясно дал понять: не то нынче время, чтобы на человека напраслину вешать.

— Да я, гражданин следователь, скачков не лепил сроду.

— Это одно. А во-вторых, я им пояснил, по срокам никак не ваяется. Все эти кражи совершены до вашего возвращения, что подтверждается документами. Некоторые тут на нечестную игру рассчитывали, но я им не помощник.

И хотя привычка относиться ко всему с подозрением заставляет меня всегда быть начеку, прямота и откровенность следователя, который не побоялся при мне, воре, фактически обвинить в бесчестии своих коллег по службе, приятно удивили. Я как-то сразу еще больше его зауважал.

Чайник закипел. Наполнив стаканы кипятком, следователь накрыл каждый из них плотным листочком бумаги и, чтобы края не загибались, положил сверху чайные ложечки. Красноватый напиток быстро густел, чайники, одна за другой, опускались на дно. Как давно не пил я такого.

— Ну вот, я весь внимание, теперь буду только слушать,—сказал следователь, подвигая мне бутерброды.

Я залпом выпил стакан ароматного чая. Дожевал бутерброд с толстым, отрезанным по-мужски, куском сыра.

— Гражданин следователь, если вы разрешите, я начну не с того, какие у нас были законы, обычаи, а расскажу все так, как сложилось у меня в голове. Вы себе даже не представляете, сколько за годы отсидки человек все передумает и мысленно переварит. Иной раз так и тянет изложить все это на бумаге. Может, вышло бы не хуже, чем у Достоевского в «Записках из мертвого дома». Да где там—ни условий, ни силы воли...

— Я вас понимаю, Валентин Петрович.—Конечно, рассказывайте, как вам хочется. А над выводами вместе подумаем—была бы пицца для размышлений.

В тот день я успел рассказать следователю не только о своем детстве и о первом «рынке», но и о том, как, став ворами, мы вместе с Костей ездили из Москвы на родину, навещать родных...

(Продолжение следует)

НАКОРМЯТ ЛИ НАС ФЕРМЕРЫ?

Уважаемая редакция! В будущем году истекает время, отпущенное для выполнения Продовольственной программы. Десять лет назад, когда принималась эта программа, полки продовольственных магазинов по сравнению с сегодняшним днем, можно сказать, поражали своим изобилием. Горько и обидно: проходят годы, а жить все труднее и труднее.

Приняты новые законы о земле и собственности, много говорят о фермерах — наших, советских, которые смогут накормить народ. Другие предлагают брать кредиты и спускать их на закупку продуктов за рубежом. Где истина? Смогут ли действительно наши фермеры накормить нас?

Прапорщик А. Тишкин.

Ниже мы публикуем заметки обозревателя газеты «Правда» В. СОМОВА по данной проблеме. (Специально для журнала «На боевом посту»).

ГОДА два назад, будучи в командировке в Армении, столкнулся с удивительным фактом. Житель города Степанаван Геворк Мкртчян держит на дворе одиннадцать коров и получает от каждой молока чуть ли не в три раза больше, чем на соседней совхозной ферме. Причем годом раньше ему под предлогом борьбы с нетрудовыми доходами запретили содержать более двух коров, а остальных заставили отвести на ту же совхозную ферму, где высокопродуктивных животных очень скоро пустили под нож.

Но вышел Закон о кооперации, и Мкртчян, создав семейный кооператив, восстановил поголовье. Оставаясь шофером все в том же совхозе, прекрасно управлялся на собственной ферме, которую оборудовал всевозможными механизмами. Ситуация любопытная и, как мне показалось, может заинтересовать читателей «Правды». Я передал корреспонденцию по телефону и, не скрою, с волнением ожидал, какое решение примет редакция.

Смушал меня прежде всего заголовок. Ведь материал назывался «Фермеры». Слово это тогда было под неофициальным запретом.

Через несколько дней, развернув газету, я увидел крупно набранный заголовок: «Фермеры». Но самый большой сюрприз ожидал меня в редакции. Когда я вернулся в Москву, то на рабочем столе уже лежала объемистая папка с откликами на

«Фермеров». Одни читатели восхищались хозяйской хваткой Мкртчяна, это трудолюбием, призывали быстрее освободиться от догм, стереотипов мышления. Зато другие — с гневом и возмущением клеймили «кулака» Мкртчяна, а заодно и «подкулачника» — корреспондента, который проповедует мелкобуржуазную идеологию. Кстати, и по сей день в редакционной почте встречается немало писем, осуждающих развитие крестьянских хозяйств. Их авторы считают фермерства отступлением от основ социализма, предвещают деревне перерождение и чуть ли не гибель.

В одном тут не приходится сомневаться: такой, как сегодня, деревне уже не быть. Продовольственная ситуация немоготу всем, в первую очередь крестьянину, пока тщетно пытающемуся досыта накормить страну.

Есть ли советскому фермеру? Достаточно четкий ответ на этот краеугольный вопрос современной аграрной политики дали мартовский (1989 г.) Пленум ЦК КПСС и Съезд народных депутатов. Рядом с колхозом, совхозом могут развиваться кооперативы, индивидуальные крестьянские хозяйства. Другими словами, Пленум ЦК высказался за многоукладность сельской экономики. Таким образом, советскому фермерству открыт зеленый путь.

Но, честно скажем, путь этот тернист. Сложная социально-экономическая ситуация в стране, в деревне отразилась и на развитии новых форм хозяйствования.

Многие процессы протекают неоднозначно, противоречиво. Шквал газетных, журнальных публикаций о фермерах, казалось бы, свидетельствовал: вот она, панацея от продовольственного дефицита. Но отрезвление пришло быстро. По отчетам, аренда укрепилась, чуть ли не повсеместно, а прилавки магазинов по-прежнему унылы и бедны.

Впрочем, первый опыт вовсе не безуспешен. Пришло осознание: экономические отношения в деревне надо перестраивать. Но с наскока тут ничего не получится. Работа эта кропотливая, длительная. На годы, а может, и на десятки лет.

ЕСТЬ скептики, совсем не верящие в советского фермера. Их я обычно отсылаю к опыту Карпуниных. Это молодая семья из подмосковного колхоза имени Горького. Два брата — Николай и Анатолий вместе с женами взяли в аренду молочную ферму на сто коров в деревне Золино. Рядом — построенный специально для фермеров коттедж из двух трехкомнатных квартир.

С душой взялись Карпунины за новое дело. Кое-что на ферме сами отладили. Николай на все руки мастер. На его попечении оборудование фермы. Он же и пастух, и скотник, и фуражир. По нормам, поголовье в сто коров должно обслуживать восемь человек. Арендаторы управляют вчетвером. Нагрузка на работника в два раза выше, чем в среднем по колхозу. Но и результаты заметно лучше. На второй год получили от каждой коровы по 4544 килограмма молока — на 770 килограммов больше среднеколхозной продуктивности. Среднемесячная зарплата членов звена приближается к 600 рублям. Это в два раза выше, чем у остальных колхозников.

Но, может, люди на износ работают? Ведь все приходится делать самим—доить, убирать помещения, пасти, раздавать корма, чинить оборудование.

— На износ?—переспрашивает председатель колхоза В. Анискин.—Если бы аренда только на мускулах держалась, вряд ли стоило бы городить огород. Немного бы нашлось охотников, как говорится, вкалывать до седьмого пота, пусть и за большие деньги. В том-то и дело, что аренда позволяет примерно раза в два сократить затраты труда на производство центнера молока.

— Нагрузка, не скрою, большая,—откровенно говорит Т. Карпунина.—Но, честное слово, усталости, которая с ног валит, не ощущаю. На старой ферме уставала сильнее. И не только от работы... Бригадир кричит, зоотехник командует, напарница по группе—и та нервы портит. Бывало, тащишься чуть свет на ферму—тоска берет: господи, когда эта маета кончится?! А теперь работаем в охотку, никто не подгоняет. Сами себе хозяева, сами себе начальники...

Интересуюсь, не тяготит ли Карпуниных экономическая сторона аренды? Ведь им приходится за все расплачиваться из собственного кармана: за корма, помещения,

животных. Полный хозрасчет—дело непростое. Иным дипломированным экономистам не удается до конца разобраться, а тут обычная крестьянская семья.

Да, Карпунины вынуждены считать каждую копейку. Но именно благодаря тому, что считают, заработки у них в два-три раза выше, чем у колхозников.

Аренда действительно заставляет постоянно починить о содержимом собственного кармана. Ведь через этот карман «пропускается» вся экономика фермы. Карпунины за три года научились досконально разбираться во всех финансовых делах фермы. Все расчеты ведут сами, в том числе и начисляют себе зарплату.

Опыт поучительный. Но почему же в целом аренда и фермерство не приносят заметного эффекта?

Регулируемая рыночная экономика расширит возможности реализации принципа: от каждого — по способности, каждому — по результатам труда...

Неистребима привычка иных местных руководителей превращать важное дело в очередную моду, чуть что — бить в колокола и, опережая события, сочинять победные реляции. А посмотришь в натуре—нет никакой аренды. Несколько иначе начисляют звену зарплату — вот порой единственное основание для «нужной» строки в отчете. Бывает, механизаторы, доярки и не подозревают, что контора давно зачислила их в арендаторы.

Вспоминается беседа с животноводами псковского совхоза «Белорусский». Руководители комплекса уверяли меня, что весь коллектив перешел на арендные отношения. За все, дескать, теперь деньги платим—за скот, за помещения. Зарплата от продукции идет. Но когда спросил я операторов, считают ли они ферму, животных своими, на меня как-то странно посмотрели, непонимающе переглянулись. Женщинам и в голову такое не приходило. Так какие же это арендаторы, если они остаются поденщиками?

Формализм словно клещами душит инициативу, самостоятельность людей. От буржуйской аренды, естественно, проку нет. Это лишь на руку противникам нынешних методов перестройки экономических отношений на селе.

Есть и такое мнение: арендатор — вредный. А коль так, то и доверять ему нельзя. Для него главное, мол, взять побольше с земли сегодня, не заботясь о завтрашнем дне. Он-де не заинтересован в улучшении почвы, стремится лишь собрать «сливки», а когда земля истощится, бросит ее.

Насколько справедливы эти упреки? Кто же все-таки «временщик» на селе? Тот, кто тует на время, но берет на себя полную ответственность за землю, технику и, естественно, за результаты своего труда? Причем сроки зачастую определяет не арендатор, а руководство хозяйства. Почему-то договор заключают на сезон-два, от силы на пять лет. Хотя земледельцы готовы связать свою жизнь с арендой навсегда. А может, подлинный временщик это тот, кто живет по принципу: день прошел, и ладно? Сызмальства усвоил, что вокруг все общее и в то же время ничье, человек не утруждает себя заботами о конечном результате. Утром он садится за руль ничейного трактора, выезжает на ничейное поле, заправляет ничейную сеялку ничейными семенами. Придет время—ничейным комбайном соберет ничейный урожай. Не оттого ли не густо в наших общих закромах?

Бесхозяйственность — понятие исконно нашенькое. Это ведь у нас более двухсот миллионов гектаров пашни оказались без хозяина. Миллионы машин без присмотра и маломальского ухода. Живительную идею крестьянской кооперации, к которой тянулся хлебопашец, попросту растоптали, заменив ее административным зранием, превратившим земледельца в равнодушно-го поденщика.

Ф

ФЕРМЕРЫ на Западе обзавелись поголовно компьютерами. Самому приходилось бывать на таких фермах, в частности в ФРГ. За порядком следит ЭВМ. Она дозирует корма, учитывает продуктивность каждого животного. Готов вынести любые упреки в непатриотичности, но я не представляю на наших фермах этих чудес цивилизации: с равнодушием и самая хитроумная техника тягаться не сможет.

Почему же столь глубоко и безнадежно пробуксовывает аренда? Не помогает и всеохватный размах. Новую мебель привезли в старую хату. Новую форму хозяйствования бесчисленные апологеты административно-командной системы быстро прибрали к рукам. Не успела аренда хоть как-то проявить себя, не сумел мужик еще услышать в себе самую робкую хозяйскую нотку, как родились инструкции, рекомендации, упрятавшие аренду под колхозно-совхозную крышу. Внутрихозяйственная, она, мол, самая эффективная, надежная. Легче, дескать, арендаторов ресурсами обеспечить, со сбытом продукции проблем не будет.

Все прежние начальники как стояли, так и стоят над мужиком. Урожаем распоряжается колхоз-совхоз, доход обсчитывают в конторе. Арендатор тогда арендатор, когда продукция принадлежит ему, когда вся выручка его. До килограмма, до копейки. Отсюда и начинается «крестьянская самостоятельность», о которой так много пекутся в последнее время и которой пока что предполагаемый хозяин не получил. Да и как ее получить, если изначально определена полная и безраздельная подчиненность арендатора колхозу-совхозу.

Вот истоки «нулевого эффекта» массовой аренды. Один к одному повторяется ситуация двух-трехлетней давности, когда ждали сногшибательной прибавки от коллективного подряда. Не дождался, пришлось довольствоваться все тем же «нулем».

А как же барабанный бой об успехах аренды? В коллективах, созданных не по указке из конторы, таких, как заено Карпуниных, у земледельцев, сознательно вваливающих на себя бремя самостоятельности, действительно кое-что получается. Их немного, таких арендаторов, да и не сладко достается им хозяйственная свобода. Через шквал мытарств приходится пробиваться.

«Бои местного значения» полыхают всюду, где мужик не захотел быть слепым исполнителем чужой воли. Можно, конечно, осуждать, клеймить позором ретивых администраторов. А если разобраться, то не в них дело. Разве не обречена попытка совместить несовместимое? Колхоз-совхоз и аренда—антиподы. Колхоз-совхоз—порождение административно-командной системы и в нынешнем своем облике себя дискредитировали. А новая форма хозяйствования как раз и способна (речь о настоящей, а не показушно-бумажной аренде) стать рычагом, которым эту бюрократическую систему можно перевернуть, сломать.

Но, может, правы горячие головы, решительно требующие распустить колхозы, совхозы? Не только где-то в кулуарах, а с высоких трибун, с авторитетных страниц звучат эти призывы.

Надо абсолютно потерять чувство реальности, чтобы предлагать это.

Землю—крестьянам? Да не берут, не собираются они брать землю! Одни еще не верят, что аренда—это серьезно и надолго. Другие не хотят закабалить себя непосильным физическим трудом, зная, что техники для фермерского хозяйства нет. Но самая главная причина—инертность, выпестованная унылой поденщиной. Предприимчивость и инициатива убиты еще двумя-тремя крестьянскими поколениями раньше.

Теперь надежда на новые законы о земле, о собственности. Удастся ли реализовать их потенциал? Ведь так скрывать, некоторые новые законодательные акты на практике оказались «мертвыми».

Предубеждение к «частнику» цепко держится в нас. Но развитию крестьянских хозяйств не только эта психологическая закавыка мешает. Многие из тех, кто у руля агропрома, считают, что фермерский путь нашей деревне противопоказан. Русский мужик, дескать, испокон веку был артельным человеком, тянулся к общине. Что ж, факт бесспорный. Тянулся. На хутора и отруба в годы столыпинской реформы добровольно подалась лишь четвертая часть вышедших из общины. Но почему же в первые годы Советской власти возврата к общине не произошло?

Семейная ферма в развитых странах (при всех издержках и противоречиях этой формы хозяйствования) обеспечивает изобилие. Хватит закрывать глаза на яв-

ное, неоспоримое. Другое дело, что этот опыт перенести к себе целиком мы не можем в силу множества причин. Взять хотя бы техническое оснащение западного фермера—нам оно будет недоступно еще долгие годы.

Тому, кто и сегодня твердит о тяге крестьян к общине, неплохо бы как раз вернуться к итогам первых опытов русского фермерства в начале века. Даже в той сложной политической, экономической, социальной обстановке в деревне, даже при насильственном проведении реформы за несколько лет заметно выросли урожаи. Передача земли в собственность крестьянам способствовала развитию рыночных отношений. Росла производительность труда, и во многом благодаря тому, что за несколько лет удвоилось использование машин. Резко, на 60 процентов, поднялся экспорт сельхозпродукции. Продавали, сами не наедались досыта? Возможно. Но силой у крестьян никто никаких продуктов не изымал. Как известно, продотряды и продразверстка—изобретения более позднего времени. А тогда, в 1911—1913 годах, по сравнению с первыми годами века, экспорт зерна увеличился на треть, технических культур — на 82 процента, продуктов животноводства — даже на 141 процент.

За несколько лет нэпа, когда крестьяне владели землей и им не возбранялась аренда, произошел новый продвольственный «взрыв». Истерзанную войной и интервенцией страну удалось весьма быстро накормить досыта. Возврат же к «общинному» землепользованию в начале тридцатых вернул голод.

Регулируемая рыночная экономика позволит создать эффективный механизм взаимовыгодных отношений производителя и потребителя, положит конец хроническому дефициту и очередям, подорвет базу для спекуляции и других проявлений теневой экономики...

С ПОРЫ о фермерстве не утихают. Один известный публицист, давая ответ двум не менее известным экономистам, упрекает их за то, что те пролагандируют мелкотоварное крестьянское хозяйство. На Западе, мол, «буйствует» концентрация производства, малые фермы исчезают, уступая дорогу крупным. Уступают, верно. Пройдя весьма сложный путь, измеримый многими десятилетиями. Смешно было бы попытаться скопировать нам кругом хозяйство современного американского фермера. Ибо начинать нашему отчаянно смелому крестьянину придется почти с нуля. Имея в активе вилы с лопа-

той. Но дело даже не в механизации. И столыпинская реформа, и нэп дали крестьянству свободу торговли, потому и результаты оказались по тому времени ощутимыми.

Теоретически вроде бы predeterminedена и судьба колхозов, совхозов. Им предстоит преобразоваться в союзы, ассоциации небольших кооперативов. Кое-где уже пошли на это. Интересен, скажем, опыт подмосковного совхоза «Заворово». Но это не единственный путь к созданию строя цивилизованных кооператоров, о чем мечтал В. И. Ленин. Нелепо предполагать, что советский фермер, взяв кусок земли, уединится, обособится. Интеграция с соседями, заготовителями и снабженцами неизбежна. Но всякий раз кооперация будет продиктована экономической целесообразностью, стремлением развивать производство.

Арендатору помимо опыта, умения, крестьянской сноровки нужны еще и экономические знания, и хотя бы задатки предприимчивости. Фермеров надо учить, отбирать из тех, кто по своим деловым качествам способен действовать самостоятельно и рачительно, кому по силам вступить в схватку с бесхозяйственностью, запустением.

Ну а те, кто вкусил уже нелегкого фермерского хлеба,—как они справляются с делом? Сотрудники лаборатории ВНИИ экономики сельского хозяйства в Пыталовском районе Псковской области, ставшем инициатором широкого внедрения аренды, обобщили свои исследования и пришли к выводу: около сорока процентов арендаторов не могут пока работать самостоятельно, не обладают необходимыми качествами: хозяйской сметкой, инициативой, предприимчивостью.

Нужна арендаторам и всяческая поддержка государства, в том числе помощь выгодными кредитами, в ряде случаев—безвозмездными. Надо позаботиться о комфортабельном жилье для фермеров, ничем не уступающем городскому, как у Карпуниных. Пора избавляться от уже сложившегося стереотипа: коль арендатор, то непременно загнать его в сарай с дырявой крышей, и пусть там устанавливает свои рекорды продуктивности.

Само по себе все это не придет. Только четкая государственная программа развития сельской аренды способна возродить того истинного хозяина, каким мы хотим видеть крестьянина. А он пусть сам выбирает, где ему сподручнее применить свои силы—в колхозе, совхозе, небольшом кооперативе, индивидуальном хозяйстве.

Арендатор — за необратимость перемен на селе. Чтобы никому не пришло в голову «раскулачивать» рукастого, оборотистого мужика. Чтобы новые экономические отношения перестали быть модой, кампанией. Чтобы советский фермер имел в лице государства надежного защитника своих интересов.

ТАЙГА НЕ СПИШЕТ...

Виктор ДОЦЕНКО

В ЭТО РАННЕЕ утро перрон вокзала небольшого таежного городка был немногочислен. Навстречу пассажирскому поезду из Москвы не вышел никто, кроме группы военных во главе с немолодым уже капитаном. Они сразу же направились к месту, где должен был остановиться последний вагон, привычно оцепили предполагаемый выход. Едва вагон остановился, дверь его распахнулась, и на ступеньках появился молоденький лейтенант. За ним — сержант, под два метра ростом, с огромной кипой палок.

— Многовато! — ответил на приветствие, хмуро бросил встречающий капитан. — Машин-то всего три. Опять как сельдей в бочке набьется.

— Начнем? — спросил лейтенант.

— Давай! — нетерпеливо буркнул капитан, переминаясь с ноги на ногу. — Больше часа ждем, замерзли вконец.

Пожав плечами, лейтенант взял у сержанта верхнюю папку и выкрикнул:

— Алыгбаев!

— Есть, — отозвался из тамбура солдат, под стать сержанту — такой же здоровый. Он выпустил к выходу черноволосого паренка лет двадцати, который продолжил тонким голосом с восточным акцентом:

— Али Акбарович, тысяча девятьсот шестьдесят восьмой, статья сто восьмой, часть второй, сэм лэ!

Ответив, он спустился на перрон, взял руки за спину и встал на место, указанное капитаном.

— Впервые замужем, что ли? Быстро на короточки! — сказал капитан.

— Букреев!

— Владимир Юрьевич, тысяча девятьсот пятидесятый, статья сто шестая, часть третья, шесть лет строгого режима, — вяло ответил человек в кожаном пальто, сошел на перрон и опустился рядом с первым.

— Говорков!

— Савелий Кузьмич, тысяча девятьсот шестьдесят пятого, восемьдесят восьмая, часть вторая, девять лет строгого, — заученно высказал коренастый парень, укутанный в синее байковое одеяло.

— Никитчук!

Стоял конец ноября, утро выдалось на редкость морозным. Осужденные были одеты крайне разнообразно. Привлекал к себе внимание укутанный в одеяло парень. И не только потому, что странно экипирован и в наручниках. Кряжистый, крепко сложенный, он, как изваяние, сидел на корточках и ни с кем не общался. Взгляд его голубых глаз тяжелый, но совершенно отсутствующий, словно все вокруг не имело к нему никакого отношения...

Когда все папки с делами перешли наконец к капитану, складывающему их в обыкновенный черный мешок, а некоторые в толстый портфель, он отдал мешок и портфель своему помощнику и медленно обошел сидящих на корточках, приговаривая, будто читал лекцию:

— Вы приехали в благословенный край, и закон для вас сейчас — я! Все команды выполнять бегом! Шаг влево, шаг вправо — считаем за побег. Ясно? Тогда первая группа — встать! За мной — марш!

Три закрытые машины приняли «гассажиров». Парню в синем одеяле — уже в машине — сняли наручники...

На ухабах всех встряхивает — погромкая, но дружная ругань отмечает каждую выбоину. Говорков заткнул в угол. Сидит, по-прежнему кутаясь в одеяло, смотрит безучастно прямо перед собой. Внутри машины немногим теплее, чем на воздухе: у всех изо рта валит пар, а на внутренних стенках машины поблескивает иней.

Худой парень со шрамом на носу толкает в бок соседа Савелия.

— Слышь, Каленый, ты же в сто семьдесят четвертой хате парился?

— Ну... — мрачно отзывается сосед. Его неестественно красное лицо оправдывает кличку.

— Значит, Студента к вам кинули?
 — Ну... Это какого?
 — Весь прикинутый такой... Капустой еще баблял.
 — Ну...—хмурится тот, не понимая, куда клонит собеседник.
 — Лапти гу! Тоже ведь за валюту парится. А этот, — он кивнул, кривясь, на Савелия, — в одеялке одном. Ощипали, что ль?
 — Метлу-то придержи, — не поворачиваясь к нему, вятно роняет Говорков. — Расшлепался.

Глазки парня со шрамом грозно блеснули — «что позволяет себе этот фрайер с валютной статьей?» Но тут машину трянуло на очередном ухабе — тесная полутьма выдохнула отборный мат, однако Савелий успел расслышать шепот краснолицего:
 — Не вяжись: я с ним в тюрьме сидел. Не видел: его везде в «браслетах» таскают? Одно слово — Бешеный. Клинкуха у него такая.

Ехали долго, никто больше не разговаривал, только однажды кто-то нерешительно протянул:

— Что, братва, покурим?
 — Я тебе покурю! — отозвался один из конвоиров, сидящих за решетчатой перегородкой. — Потерпишь.

Парень со шрамом решил пообщаться с ним:

— Слушай, начальник, куда нас кинут? Совсем молодецкий — видно, первогодок — солдат нехотя обрезал:

— Не разговаривать!
 — Не будь фрайером! Чего секреты разводишь? — продолжил парень, но солдат демонстративно отвернулся. — Хотя, чего я тебя спрашиваю? Первогодок... Был бы «дед», может, и знал бы... Не знаешь, так и скажи. А то сразу: «Не разговаривать!»
 — Это я-то не знаю? — обиделся тот. — На «пятерку» вас везут, вот!

Одобрительно-ехидный смех смутил солдата. Он покачал головой, хотел что-то сказать, но только махнул рукой.

«Воронки» остановились напротив двухэтажного кирпичного здания с башней.

Вновь прибывших завели в открытые ворота, которые тут же, взвизгнув фальцетом, закрылись.

В понедельник весь новый этап привели в административный корпус. Длинный коридор сверкал чистыми, свежевывмытыми полами и синими панелями стен.

Перед дверью, обитой черным дерматином, их остановили.

— Ждать вызова! — приказал прапорщик и вошел в кабинет.

Савелия вызвали нескоро. Он прикрыл за собой дверь и прошел на середину кабинета.

— Говорков Савелий Кузьмич, восемьдесят восьмая, вторая, девять лет, — монотонно доложил он.

Женщина-майор быстро отыскала в стопке папок вновь прибывших нужную и протянула начальнику. Тот, не глядя на Савелия, спросил:

— Специальность?
 — Есть, — буркнул Савелий.
 — Какая?
 — Какая нужна?

— Твое дело отвечать, а не задавать вопросы! Ясно? — твердо, но не повышая голоса, заметил подполковник.

— Ясно, — хмыкнул Савелий, потом начал перечислять: — Слесарь, жестянщик, столяр, водитель машин и дизельных механизмов...

— Давайте мне его! — перебил говорившего капитан, мужчина лет сорока. — Мне жестянщик хороший позарез нужен.

— Товарищ подполковник... Иван Павлович, — раздался голос еще одного офицера, — может, в 73-ю? У меня на автомате кромки сбой: Селиванов и Кривошеин...

— Сиова в ШИЗО? — закончил за него начальник и недобро усмехнулся.

— Ну! Сиова на пятнадцать, и когда еще выйдут. А план...— он поморщился и тяжело вздохнул.

— Хорошо! — сказал подполковник. — На том и порешим. — И повернулся к Савелию. — С тобой все — свободен.

Все офицеры дружно рассмеялись, отреагировав на дежурную шутку своего начальника...

После распределения новеньких отвели на вещевой склад, где они получили телогрейки, шапки, валенки, портянки, нательное белье, постель, по кружке с ложкой. Затем направились в баню.

Раскрасневшиеся, довольные тем, что намылись вволю, они вышли из помывочной. Те, кто вышли первыми, остановились в проходе, удивленные увиденным: трое осужденных невозмутимо рылись в их вещах.

— Вы что это, земляки? — спросил их парень со шрамом.

— Не бойсь, меп хотим навести! — ухмыльнулся парень с бычьей шеей.

Савелий, задержавшись под душем, вышел последним и, удивленный тем, что его сотоварищи по этапу не выходят, пробрался вперед и увидел долговязого типа, который примеривал его сапоги.

— Померил? — спросил его Савелий.

— Ага! — осклабился тот.

— Ну и как?

— Ништяк! — долговязый причмокнул и поднял кверху большой палец.

— А теперь сними и аккуратно поставь на место! — тихо проговорил Савелий и начал спокойно одеваться.

— Ты чего, землячок? Я ж не просто так: чуни свои взамен даю, — долговязый пихнул ему пару подшитых валенок.

Все, кто находился в раздевалке, приомолкли и наблюдали за ними.

— Сними и поставь на место! — в голосе Савелия проскользнули угрожающие нотки.

— Гляди-ка, Суслик, новичок-то борзый! Или мне показалось? — обратился долговязый к фиксатому. — Ты б спросил его: может, мне показалось?

Фиксатый прищурил свои и без того маленькие глазки, сунул руку в карман и медленно двинулся к Савелию.

— Не советую, Суслик! Плакать будешь, — зло усмехнулся Савелий и вздохнул так, словно ему и в самом деле было жалко парня.

Эти слова услышал и парень с бычьей шеей: он направился к Говоркову с другой стороны. Маленькая голова нелепо торчала на его мощной шее. Когда они одновременно приблизились к Савелию на расстояние чуть более метра, он неожиданно выбросил правую руку в сторону Суслика, второго ударил ребром левой ладони наотмашь по горлу, а поднимавшегося со скамейки долговязого пнул ногой в живот. Все произошло настолько стремительно, что противники не успели даже глазом моргнуть, а прибывшие этапом замерли в изумлении...

Фиксатый, потирая распухший нос, как и обещал Савелий, плакал, рядом с ним валялась узкая стальная заточка. Парень с бычьей шеей заходилась в надсадном кашле, а долговязый, сложившийся пополам, катался по полу. Савелий поднял с пола заточку, переломил пополам и бросил в решетку водостока. В этот момент в раздевалку вошел майор.

— Долго мылиться собираетесь?! — грозно выкрикнул он и увидел пострадавших. — Это что такое?

Савелий хотел ответить, но его опередил парень со шрамом:

— Гражданин начальник, хотели землячки сапоги поделить, да на троих не делится! — он простодушно улыбнулся.

— Бирюков! — заметил майор долговязого. — Снова за свое? А ну, встать! В ШИЗО отлежишься...

С трудом поднявшись на ноги, долговязый с улыбкой, недобро взглянул на Савелия и, взяв руки за спину, двинулся к выходу.

— Бирюков! — окликнул Савелий. — Память отшибло? Сапоги!

— Да пошел ты... — огрызнулся тот, не останавливаясь.

— Бирюков! Снять сапоги! — оборвал майор.

Со злой усмешкой тот покачал головой, поглядывая на Савелия, нехотя присел на скамью, скинул сапоги, влез в валенки, встал и... неожиданно швырнул сапоги в сторону Говоркова, едва не угодив ему в лицо.

Савелий вскочил с желанием броситься на него, но был остановлен:

— Осужденный! — крикнул майор и с интересом взглянул на него, потом пошел за Бирюковым, но в дверях остановился и добавил: — Чтоб через пять минут здесь было пусто!

Едва они вышли, к Савелию подошел парень со шрамом:

— Где это ты так намайстра?..

— В яслях! — грубо обрезал Савелий.

— Зря зубы показываешь! — пожал плечами парень. — Это Аршин был! Я с ним на Матроске парился. Злобный. Жди теперь ответа!

— Эт-т-то точняк ты отметил! — процедил сквозь слезы фиксатый.

— Второй раз пальцем насквозь проткну! — пригрозил Савелий. — Понял?

— Чего ж не понять! — фиксатый со своим кашляющим приятелем быстро направился к выходу, но в дверях, ощутив себя в безопасности, бросил на прощанье: — Будь спок: не забудем!

Парня со шрамом звали Борис: они с Савелием попали в один отряд. Навьюченные матрасами и полученной одеждой, они подошли к двухэтажному барaku.

За столом каптерки сидел симпатичный парень лет двадцати, в черной тщательно отутюженной вольного образца спецодежде, в до блеска начищенных сапогах.

— Ты завхоз? — спросил Борис.

— Ну. В какую бригаду?

— Я — в семьдесят шестую, он — в семьдесят третью.

— Так, — завхоз достал какую-то фанерку и сделал на ней пометку. — Идем: определяю на места, потом заполню карточки и напишу вам бирки... Могу у окна положить, но там дует.

— Мне все равно! — пожал плечами Савелий.

— Ладно, ложись пока сюда, на место Селиванова: он в ШИЗО, — указал завхоз на нижнюю кровать. — А ты ложись здесь, — кивнул Борису на место через проход от кровати Савелия.

Борис пошел укладываться, а завхоз тихо сказал Савелию:

— Зря ты с Аршином связался, ох зря! — и хлопнул его по плечу. — Пошли цифирнем.

НА СЛЕДУЮЩИЙ день, сразу после завтрака, Савелий отправился с бригадой на работу, в промзону. Собрядники встретили его настороженно, исподтишка поглядывая на строптивного новичка, посмевшего дать отпор блатной компании. Все ожидали, чем кончится это столкновение. В том, что инцидент будет иметь продолжение, никто не сомневался.

Здание мебельной фабрики, где работала бригада Савелия, выглядело это огромным по сравнению с жилыми бараками.

Первый цех, раскроя древесно-стружечных плит, соединялся со вторым — где выстланы шпоном раскромсанные детали. В третьем цехе их покрывали лаком.

Войдя сюда, Савелий с непривычки поморщился: в нос ударил специфический запах горящих смол.

— Что, воняет? — усмехнулся бригадир, — ничего, принохаешься. Пошли к мастеру.

Мастер отметил что-то в потрепанной тетради, а на прощанье бросил:

— За брак — рапорт! Два рапорта — ШИЗО! — раскрыл перед Савелием вытасненную тетрадь. — Распишись против своей фамилии.

Без привычки, без сноровки поспевать за автоматом было очень трудно. Пот заливал глаза, насквозь промокла куртка спецовки, когда раздался гудок сирены.

— Обед! — крикнул напарник Савелия с другого конца автомата и торопливо вырубил станок.

В цехе мгновенно воцарилась тишина: выключив станки, все потянулись на обед.

Савелий вытаснул из ящика верстака свою пайку, завернутую в газету, и хотел пойти в столовую, как услышал голос мастера:

— Ну, как, Говорков, браку много?

— Хватает. — буркнул усталый Савелий. Смахнув пот со лба, кивнул на стопку сложенных рядом деталей.

— Так, девять, — посчитал мастер. — До вечера не исправил — составлю акт.

Савелий безразлично пожал плечами.

— Чего молчишь? Или забыл? Два рапорта, и в ШИЗО пойдешь.

— ШИЗО так ШИЗО, — невозмутимо заметил он.

— Ты погляди на него: ничего не боится! — зло хмыкнул тот. — Не рано ли характер кажешь? — еще раз поглядел на Савелия. — Ладно, иди догоняй бригаду, а то без обеда останешься.

Несколько дней прошли для Савелия тяжело и однообразно: большую часть времени он старался проводить на фабрике, оставаясь и на вторую смену. Ни с кем не сближался. Вернувшись усталым с промзоны, он съедал оставшуюся часть пайки хлеба со сладким кипятком и заваливался спать до самого подъема.

Однажды он вместе с отрядом возвращался из столовой и медленно брел в конце строя, не замечая, как за ним наблюдает какой-то паренек. Быстро осмотревшись по сторонам, тот поравнялся с Савелием и тихо проговорил:

— Тормозни: базар есть! Иди за мной! — и направился в сторону санчасти, искоса поглядывая по сторонам.

Секунду помедлив, Савелий решил пойти за ним.

— Не помнишь меня, Савелий? — спросил паренек, едва он подошел.

Говорков недоуменно пожал плечами.

— Бутырка, девяносто шестая хата? Ну?.. Ты еще за меня заступился там? Ну, вспомнил?

После этих подсказок Савелий, конечно, вспомнил его.

— Я в ШИЗО баланду таскаю, — словно опомнившись, паренек зыркнул по сторонам. — Базар слышал: в ночь выхода Аршина из ШИЗО к тебе заявятся.

— И что?

— Сволочной он: на все способен. Мочкануть тебя решили.

— Пусть попытаются! — равнодушно хмыкнул Савелий.

— Он же не один придет!.. Ой, гад!.. — лицо моментально побелело от испуга.

— Что? — Савелий, перехватив его взгляд, обернулся и увидел, как за углом барака скрылось чье-то лицо.

— Аршинова «шестерка»? Кранты мне!

— Не штормуй! Ну, видел, что с того? Былое вспоминали...

— Ты Аршина не знаешь: он разбираться не будет, что к чему. Нет, к Королю надо!

— Что за царственная особа?

— Не слышал? — искренне удивился паренек. — Вор в законе! Уже год здесь. Справедливый: в обиду зря никого не даст. Вникнет — все в ажуре будет!

— Лично я перебыль! — Савелий хлопнул его по плечу. — Спасибо тебе, беги!

— Чего там... Заходи, коль с руки будет: спросишь Митяя, на кухне я. Чифирнем, картошечки поджарим. Ладно, побежал!

ПРОШЛО несколько дней, прежде чем Савелий вспомнил о приглашении Митяя.

У входа на кухню пожилой тщедушный осужденный, с трудом взмахивая огромным колуном, рубил метровые чурки.

— Митяя знаешь?

— Ну? — мужик выпрямился и насто-роженно взглянул на него.

— Вызови!

— Земляк, что ли? — осторожно поинтересовался тот.

— Чего допрос устраиваешь? Здесь Митяй или в ШИЗО? — разолился Савелий.

— В больнице Митяй, — шепнул он и тут же огляделся.

— Заболел, что ли?

— Вчера ночью кто-то поленом по голове... Зашивать пришлось, — сказал он и снова опасливо осмотрелся. — Вот так!

Стиснув до боли зубы, Савелий простонал — понял, что опасения Митяя были не зряшными. И именно он, Савелий, виноват в том, что случилось с Митяем. Повернувшись, он медленно пошел в барак. Проходя мимо входа в столовую, над которым нависла металлическая лестница с перилами, ведущая на второй этаж, где расположилась библиотека и комната художника зоны, он приостановился и резко стукнул кулаком по железным перилам:

— Ну, вам это так не пройдет!

В этот момент его кто-то хлопнул по плечу. Он быстро повернулся и увидел перед собой невысокого упитанного парня лет тридцати. Что-то знакомое мелькнуло в его взгляде.

— Чертушка! Будешь узнавать или нет? А, Говорок?

— Кешка? — неуверенно прошептал Савелий, затем радостно обхватил его: — Кешка! Как же это? Друган мой!

— Отпусти, медведь, задущишь! — смеялся тот. — Идем ко мне: я же художник зоны, — и он подтолкнул Савелия к железной лестнице.

Комната, где работал Кешка, выглядела достаточно большой, но была завалена различными плакатами, стендами, многочисленными банками с красками и кистями. Странное устройство привлекло внимание Савелия. Кешка пояснил:

— Это — пресс: я же и книги еще переплетаю. Жить как-то надо и, по возможности, кушать хлеб с маслом. Присаживайся. Чифирить будешь?

— Хлестанет, боюсь. Без ужина остался, — вздохнул Савелий.

— Ну, это поправимо. — Кешка быстро залез в тумбочку, вытащил оттуда банки со ставридой, баклажанной икрой, конфеты, хлеб. Открыв форточку, достал из-за двойной рамы пачку сливочного масла. — Давай, не стесняйся, жуи поiard, а я пока чифир сварганю...

За шторкой у него оказалась раковина с краном, рядом — полочка с розеткой. Наполнив поллитровую банку водой, он сунул в нее самодельный кипятильник из графитовых пластин.

А Савелий, недолго думая, набросился на еду. Взглянув на него, Кешка покачал головой:

— Здорово ты отощал, с трудом узнал тебя. Только по голосу. Кого это ты там поминал?

— Митяя знаешь?

— Баландера ШИЗО? Конечно. Не повезло пацану: блатники измордовали. Странно как-то: они его обычно подогревали, с просьбами обращались...

— За меня пацан пострадал.

— Не понял...

— Со мной засекали. Это же он предупредил меня, что Аршин...

— Погоди! — Кешка стукнул себя по лбу. — Иднот! Я же слышал о тебе! Так это ты, значит?.. А то — Бешеный, Бешеный... Кто, думаю, такой? И Аршину ты втер? Молодец! Такая сволочь! Сегодня выходит...

— Сегодня? Значит, уже вышел: днем забирали, — Савелий нахмурился. — Сегодня... — задумчиво повторил он.

— Этот подонок на все способен... Здесь кровью пахнет!

— Его кровью! — Савелий стукнул со злостью по столу.

— Здесь не так все просто, как ты думаешь, — Кешка покачал головой, потом встал и начал мерить шагами свободное пространство комнаты.

— Да не штормуй! Закон моря забыл? — улыбнулся Савелий, слегка опьяневший от обильной пищи.

— Плыть даже с пробонной во все дни-ше? Нет, не забыл, но здесь, к сожалению, не море. Тем более и за победу тебя могут крутануть! Добавят года три-четыре, а разве это тебе нужно? Сейчас сколько?

— Девять.

— Ничего себе! — удивился он. — Тем более тебе не нужна эта добавка.

— Мне все равно! — Савелий стиснул зубы.

— Ты что, Савел? Что с тобой?..

— Ничего! Ладно, пойду я.
— Может, посидишь еще?
— Локалку закроют: не хочу лишний раз упраниваться...

— Хорошо, держи краба! — они пожали друг другу руки, как моряки. — С локальщиком я договорюсь: будет выпускать и впускать в любое время. Не пропадай, заходи, когда сможешь...

Локалка действительно была уже закрыта, но пожилой локальщик, обычно скандаливший с опоздавшими, с жалостью взглянув на Савелия, безропотно открыл задвижку.

Савелию было не до него: он размышлял о Кешке. Познакомился с ним едва ли не в первый день появления на БМРТ — большим морозильным рыболовным траулере, куда его устроил матросом отец Васо Брегадзе, погибшего на глазах Говоркова в Афганистане. На БМРТ Кешка Сахно плавал коком, к тому же отлично рисовал. Веселый, открытый, смелый — он понравился Савелию, и они подружились...

Что же он сейчас так разволновался?

Неужто дело и впрямь серьезное? Эти размышления прервала сирена, возвещающая об отбое.

— Прекратили хождение! Отбой! — прокричал завхоз, выключил свет в секции. Тут же засветился над входом «ночник»: лампочка, покрытая красным лаком и заключенная в деревянный корпус со стеклянной крышкой.

В тот момент, когда завхоз потушил общий свет, Савелий юркнул под одеяло прямо в одежде и сапогах. Теперь можно спокойно все обдумать.

До обхода наряда вряд ли нагрянут, скорее всего после. Значит, час, а то и два придется ждать... Главное, не заснуть! Боятся ли он? Скорее всего нет. Небольшое волнение и возбуждение ощущались от ожидания: хотелось ускорить их приход, чтобы все быстрее кончилось. Внезапно он вспомнил о Митяе, и его охватила злость. Подонки! Так жестоко расправиться со слабым пареньком: поленом по голове! Ну что ж, теперь настал его черед спрашивать! Интересно, с чем к нему придут? С ножом, с железкой?

«Спасибо тебе, сержант Малешко, в свое время ты научил меня кое-чему», — подумал Савелий.

Дал же бог фамилию, прямо противоположную ее носителю: под два метра ростом, с мощным торсом, от округлых бицепсов, казалось, вот-вот лопнет гимнастерка... Как же они, курсанты, ненавидели его во время занятий? И как были благодарны впоследствии там, за Речкой...

СЕРЖАНТ Малешко лениво наблюдал из-под желто-зеленой панамы за стрелкой секундомера. Рядом с ним вповалку лежали пятеро молодых десантников. У них мокрые, покрытые желтоватой пылью, по пояс обнаженные тела.

Савелий лежал на спине, бессильно разбросав руки в стороны. Он попытался смочить языком кровотокающие губы, но поморщился от боли: шершавый язык лишь усилил кровотечение.

— Минута прошла. Встали, — бесстрашно бросил сержант.

Пока они медленно поднимались на ноги, он вытащил из-под планшета, лежащего на земле, солдатскую фляжку в матерчатом чехле, нарочито не спеша отвинтил колпачок и, не отворачиваясь от них, сделал несколько громких глотков.

Здесь, распаяясь, курсанты смотрели за тем, как живительная струйка, стекая по массивному подбородку, устремлялась за воротничок сержанта. Сосед Савелия Клеман, чертыхнувшись, сел на землю.

— Курсант Клеман! Тебя что, команда не касается? Устал больше других? — спросил сержант и, завинтив фляжку, повесил ее на место. — Курсант Клеман — в круг!

Испытание под названием «круг» требует от каждого полнейшего внимания, стремительной реакции, умелого знания приемов рукопашной борьбы. Суть заключалась в следующем: на земле отмечается круг диаметром в четыре метра. Четверо занимают места по периметру, пятый — в центре круга. По сигналу сержанта центральной должен вырваться за определенный промежуток времени за линию круга, а его соперники препятствуют ему любыми способами. Тот, по чьей вине центральной выскочит за пределы круга, занимает его место, и все начинается сначала.

Курсант Клеман, плотный крепыш невысокого роста, бросился на высокого грузина, но был тут же сбит с ног ловким ударом в грудь. Моментально вскочив, Клеман попытался обхитить своих соперников тем, что, сделав хитрый выпад в одну сторону, тут же кинулся в другую, но и здесь его постигла неудача: жестким двойным ударом мощный латыш бросил его в центр круга. Он выпрыгнул в сторону Савелия, целя ногами в грудь, но Савелий с резким поворотом точным ударом попал Клеману пяткой в живот. Ойкнув, тот упал на землю. Пожалев его, Савелий хотел помочь ему подняться на ноги, но Клеман неожиданно из всей силы ударил его в грудь, кувыркнулся через спину и оказался за чертой круга.

— Молодцом, курсант Клеман! — сержант поморщился, явно недовольный действиями «молодца», щелкнул секундомером. — Курсант Говорков, коли такой жалостливый, иди в круг!

...Раз, другой, третий Савелий оказывался на земле. Поднимаясь после очередного броска, он перехватил взгляд высокого грузина, незаметно - подмигнувшего ему. Мгновению оценки намек, Савелий выпрыгнул в его сторону с поворотом, и тот, якобы стараясь перехватить его ноги и успев поймать лишь одну, дернул ее на себя, и Савелия по инерции занесло за черту злополучного круга.

Все курсанты, не дожидаясь команды сержанта, в изнеможении повалились на горячую землю, жадно хватая раскаленный воздух раскрытыми ртами.

— Непогано! — небрежно отметил сержант. Сделав вид, что не заметил уловки своих подопечных, он нашел другой способ наказать их: — Но... в норму не уложился: три минуты лишних... Еще раз в круг, ребята!

— Ты что, сержант? — со злобью выкрикнул Савелий и сразу вскочил на ноги, угрожающе направившись к нему.

— Дай подышать, командир! — поддержал его грузин и пошел рядом с ним. Присоединились и латыш с приятелем. И только Клеман, ехидно хмыкнув, остался сидеть на земле, радуясь передышке.

Хитро улыбаясь, сержант Малешко качал головой и невозмутимо наблюдал за идущими на него. Неторопливо снял панаму, аккуратно положил ее на планшет, сверху опустил секундомер, выпрямился и расправил могучие плечи. Вздохнул с жалостью и, едва четверка оказалась на расстоянии вытянутой руки, вдруг провел несколько молниеносных ударов ногами и руками... Все четверо непокорных оказались на земле, скорбуженно потирая ушибленные места и с восхищенным поглядывая на своего командира. Вдруг без всякой причины Савелий громко захохотал, и вскоре смеялись все, включая и сержанта. И только Клеман, ощущая себя как-то не так, не решился поддержать этот дружный смех.

Первым кончил смеяться сержант: он медленно взял секундомер, накиннул небрежно панаму на голову и с улыбкой повернулся к ним.

— Вы не забывайте, ребята, что шишки себе на пользу получаете. Ясно? В круг, в круг: еще одна схватка и забег на десять километров, а там и отдохнем.

«ВСЕ, КОНЧАЙ воспоминания», — приказал себе Савелий и начал разминать мышцы. Вокруг все спали, тишина нарушалась лишь скрипящим кроватей да мощным храпом молодого гарня, обрывавшимся ненадолго после привычного «оглаживания» соседским валенком.

Проход то освещался, то погружался в темноту: сильный ветер раскачивал светильник на столбе напротив ближайшего окна. Скрипнула входная дверь, и Савелий мгновенно повернул голову, чтобы рассмотреть входящих в секцию. НВН и еще один прапорщик прямо от входа повели лучом фонаря по секции и, убедившись, что все отдыхают, вышли.

Теперь необходимо успокоить взбунтовавшиеся нервы: если человек нервничает, то, еще не начав боя, уже проигрывает его наполовину.

Нужно отвлечься, подумал Савелий и вновь окунулся в свои воспоминания.

В составе небольшой группы Савелий нес тяжелораненого Васю Брегвадзе, знакомого еще с курсантских дней. Надо было быстрее добраться до места, куда придется «вертушка». Васю оторвало по локоть руку и осколком задело живот. При каждом шаге Савелия из груди Васю вырывался тяжелый хрип.

Первым шел сержант Варламов — угрюмый, скуластый парень лет двадцати трех. Его лоб и щеку пересекал красноватый неровный шрам, придававший лицу несколько удивленное выражение. Держа автомат наготове, он внимательно гляделся вперед. Следом шел Савелий с раненым, потом — двое новобранцев, их гимнастерки выглядели еще новыми по сравнению с выгоревшими у остальных. Они несли рюкзаки и автоматы Савелия и грузина. Замыкал группу невысокий, но плечистый казах. Его узкие глаза шныряли по сторонам, успевая замечать и то, что творится у него за спиной.

— Потерпи, Васю! Потерпи, дорогой! Скоро до места доберемся, — успокаивал Савелий раненого.

— Духи! — неожиданно выкрикнул казах и тут же выпустил длинную очередь в сторону душманов.

182

Варламов и молодые солдаты мгновенно скрылись за скалистые выступы. Щадя раненого, Савелий осторожно начал опускаться его со спины.

— Сейчас, браток, сейчас я те...— и упал от толчка. Оказалось, одна пуля ударила в спину Васо, другая разmozжила ему голову.

— Васо! — тихо позвал Савелий, осторожно опустив тело на гладкую поверхность скалы и не обращая внимания на пули, вгрызающиеся вокруг него, снова повторил: — Васо! — и тут, осознав, что тот уже никогда его не услышит, закричал в бессильной злобе: — Ва-а-со-о!..

— Их трое, командир! — выкрикнул Шалимов, не прекращая огня.

— Вижу, — отозвался Варламов и, прячась за выступами, подскочил к Савелию. — Не время, Савелий. Через двадцать минут «вертушки» будут на месте. А эти могут помешать. Слышишь, Говорков?!

— Что? Эти? Помешать? Да я...— расшвырнул Савелий и повернулся к молодому солдату: — Акнмов, автомат!

На секунду прекратив огонь, парень подхватил автомат, лежащий рядом с ним, и бросил Савелию. Ловко подхватив его одной рукой, Говорков упрямо взглянул на Варламова.

— Пойду я, командир?

— Может, возьмешь Шалимова? — сержант понял, что хочет сделать Савелий.

— Нет, одному сподручнее. Да и плакать некому будет, — он хмуро улыбнулся, потом ласково провел по руке убитого друга, подмигнул сержанту и быстро скрылся за скалой.

— Ребята, не давайте духам поднимать головы! — приказал Варламов и открыл яростный огонь.

Выбирая наиболее удобные выступы, Савелий перебежал от одного к другому, все ближе подбираясь к душманам. Вскоре он услышал резкую гортанную речь и слился со скалой, переводя дыхание. Потом осторожно выглянул. Душманов было четверо, а не трое, как говорил Шалимов: четвертый, прикрытый от их группы выступом, внимательно следил за дорогой.

«Так вы кого-то ждете?! — зло усмехнулся Савелий. — Сейчас дождетесь!» Он прикинул расстояние до них, осмотрел подход и решил, что можно подойти ближе, чтоб наверняка, чтобы ни один не смог уйти.

До их укрытия оставалось метров десять, а они все еще не замечали его. Вдруг нога Савелия наступила на предательский камешек, который гулко застучал по камням, выдавая его присутствие. Мгновенно поняв, что сейчас четыре автомата ударят по нему, Савелий с криком: «В круг, ребята!» — выскочил из своего укрытия и, разбавляя матом огонь автомата, пошел во весь рост в их сторону. Он стрелял и стрелял, безумно выкрикивая:

— Это вам за Васо! За Васо!.. За Васо!..

Задни подбежали Варламов с Шалимовым, обхватили за плечи:

— Все, Савел! Слышишь, все! Мертвые они! Слышишь, мертвые!

Безумно-оскаленное выражение Савелия постепенно разгладилось: он пришел в себя и увидел испуганное лицо сержанта. Взглянул в сторону душманов: их было только трое. Савелий подскочил к тому месту, где прятался душман, следивший за дорогой.

— Четвертый! — крикнул он и стукнул с досадой по скале. — Куда делся четвертый? — он внимательно осмотрелся и сразу заметил узкий лаз в глубь скалы.— Вот!

Сержант с Шалимовым подбежали, и казах выпустил длинную очередь в темноту лаза.

— Бесполезно! — заметил Варламов. — Там же изгибы всякие.

— Ну уж нет! — разозлился Савелий, сорвал с пояса гранату и дернул чеку.— Ложись!—крикнул он и бросил ее в зевот пещеры. Раздался глухой взрыв, вздрогнула земля, и наружу вылетели камни, осколки и пыль...

— Ну, ты бешеный, — отряхиваясь, сказал сержант. Потом вытащил карту, развернул.— Итак, площадка наша. Вот-вот «вертушки» будут. Надо Васо сюда принести, — тихо добавил он и направился к молодым солдатам, оставленным для наблюдения.

— Машина! Командир, машина! — вновь закричал зоркий Шалимов.

— Видно, ее и ждали: один за дорогой наблюдал! — бросил Савелий.

— Остановить! — приказал сержант.

Дав предупредительную очередь в воздух, Шалимов стал спускаться к дороге, но маленькая легковушка сразу прибавила газу и через секунду-другую могла скрыться за поворотом.

Савелий быстро сменил рожок в автомате, прицелился и дал короткую, прицельную очередь. Вильнув в сторону пропасти, машина резко свернула в сторону горы и, въехав по пологому склону метров на пять, медленно сползла назад, на дорогу. Мотор заглох.

— Говорков — за мной! Шалимов — дорога! — приказал сержант и устремился к машине.

Осторожно, держа автоматы наготове, они подошли к ней с двух сторон. Водитель, афганец лет тридцати, был мертв. Рядом, на переднем сиденье — молодая афганка лет двадцати пяти, она была ранена в плечо. На заднем сиденье — пожилой афганец. Из-под чалмы глядели злые глаза.

Варламов постучал по крыше и жестом приказал им выйти из машины. Молодая женщина вылезла и, не глядя на них, подняла вверх левую руку: правая висела плетью. Афганец тоже вышел, придерживая пиджак из тонкой белой материи левой рукой: видно, его тоже задело. Пряча глаза, он нехотя поднял одну руку и облокотился о машину плечом.

— Посмотри машину! — приказал сержант, следя за пленниками.

Говорков поднял крышку багажника и обнаружил там несколько рюкзаков, набитых различными продуктами: консервами, хлебом, мясом, солью. Внутри салона ничего не обнаружил, но в бардачке нашел толстый бумажник, набитый долларами. Бросил его назад и повернулся к Варламову.

— Они им продовольствие везли и деньги...

Сержант достал рацию и начал вызывать в микрофон:

— «Клумба»! «Клумба»! Я—«Тюльпан»! Я—«Тюльпан»! Прием!

— «Тюльпан»! «Тюльпан»! «Клумба» на связи! Прием!

— Столкнулся с «родственниками»: от правил с почетом... Их встреча с «коробушкой» не состоялась: опоздали на встречу. Один из «опоздавших» уснул, двое — плохо чувствуют... Прием!

— Действовать по усмотрению, — раздалось из радики. — «Вертушки» на подходе! До встречи! Отбой!

Сунув рацию в рюкзак, Варламов помолчал немного, потом взглянул на хмуро поглядывающую афганку, на старика и, указывая на машину, крикнул:

— Туда, быстро!

Афганка испуганно покачала головой.

— В машину! — зарычал Варламов, держа затвором.

Старик зло усмехнулся и спиной полез на заднее сиденье. Нехотя подчинилась и женщина.

— Пусть едут! — сказал Савелий, лицо его исказилось от жалости и непонятной злобы.

— Да, Савел, — согласился Варламов, вздохнув с облегчением. — Правильно! Черт с ними.

И вдруг Савелий, стоящий лицом к машине, резко сбил сержанта с ног, а сам прыгнул в сторону, выпустив в прыжке очередь из автомата...

Они полежали несколько секунд, прислушиваясь к тому, что делается в машине, но там было тихо: ни звуков, ни шорохов. Приподняв голову, Савелий уверенно встал и подошел к машине: старик афганец мертво уткнулся в стойку дверей, его руки крепко продолжали сжимать небольшой десантный автомат. Очередь Савелия прошла его грудь и прошла по спине женщины.

— Сука! Хотел в спину нам...—пересохшими губами выдавил Савелий.

Послышался шум летящих «вертушек»...

СКРИПНУЛА дверь, и Савелий вновь повернулся к выходу: «Они! Наконец-то!» Он еще раз внимательно осмотрелся вокруг своего прохода, стараясь запомнить расположение мебели в бараче: во время схватки будет не до этого. Свободного места, конечно, маловато, но надо пользоваться тем, что имеешь... Встать сразу или подождать, когда они подойдут к кровати? Нет, нужно подождать: какой-никакой, а элемент неожиданности будет, что также на руку.

Это действительно были они. Немного постояв у входа, вероятно, для того, чтобы глаза привыкли к полумраку барака, они уверенно направились к его проходу: значит, кто-то указал, где он спит. На свету красного ночника Савелию хорошо были видны фигуры пришедших. Раз, два, три... Четверо! Хорошо, что не больше! И хорошо, что ему удалось подкрепиться у

Кешки. Нужно рассчитывать только на реакцию и бить наверняка. Савелий несколько раз быстро напряг и расслабил мышцы. Нет, их все-таки пятеро! Но пятый остался при выходе, на ступе...

Четверка шла чуть ли не на цыпочках, стараясь не привлекать лишнего внимания. Аршин, а за ним в второй держали руки в карманах. Ножи? Кастеты? С них и нужно начинать, в первую очередь выключать их...

Едва они остановились у его прохода, Савелий резко откинул одеяло и моментально вскочил на ноги. Он оказался прав: неожиданность настолько ошеломила их, что они растерялись, остолбенели.

— Я уж жаждался: жду, жду, а вас нет и нет! — хмыкнул Савелий. — Аршин! Кто расправился с Митяем? — спросил он тихо, не повышая голоса.

— Не выдавай, Аршин, боюсь! — куражась, захныкал парень с приплюснутым носом и тут же рассмеялся своей шутке.

Подхватить этот смех никто не успел: Савелий резко выбросил правую ногу вверх-влево, носком сапога ударил чуть ниже виска шутника и тут же прыгнул вверх с поворотом на сто восемьдесят градусов, ударив левой пяткой Аршина в живот. Третьего, с переломанными ушами здоровячка, по всей видимости, бывшего борца, вырубил коронным своим ударом: наотмашь, ребром ладони в шею. Четвертого — сильным ударом локтя в шейный позвонок. Ткнувшись лицом в спинку кровати, тот медленно сполз на пол.

Стоя спиной к Аршину, Савелий услышал чуть заметный шорох. Обернулся: оправившись от удара, тот выхватил руку из кармана — раздался характерный шелчок, и в руке блеснуло тонкое лезвие. Замахнуться он не успел: страшный удар ногой в челюсть прервал его намерение — с воем он кулем повалился на пол...

Этот бой продолжался считанные секунды. Тяжело дыша, Савелий осмотрелся вокруг. Тишина в бараче нарушалась приглушенными стонами. Некоторые осужденные, проснувшись от шума, со страхом поглядывали из-под прикрытых век. У входа послышался шум.

— Ата! Менты! — крикнул ему сверху Борис.

Савелий тяжело вздохнул, опустился на кровать и обхватил голову руками.

Шум шагов замер у его прохода. Савелий убрал руки от лица и медленно поднял голову — рядом стоял мужчина лет шестидесяти. Пушистая шапка в руках. Короткие волосы, почти седые. Черные глаза и нос с горбинкой выдавали в нем кавказца. Черная милустиновая телогрейка расстегнута: виден белый мех, которым она подшита. На шее — яркий мохеровый шарф, из карманов телогрейки торчат кожаные перчатки с отворотами из белоснежного меха, хромовые сапоги начищены до зеркального блеска. Вокруг него стояли пять здоровячков, похожих на портовых грузчиков.

— Сам, сам... — передразнил он, глядя на Аршина. — Схлопотал?

— Король, я ж не знал... — сплевывая кровь, прошепелявил тот.

— Молчи уж, ты свое сказал! — бросил Король и кивнул своим «телохранителям».

— Помогите.

Подчиняясь приказу, те стали поднимать «пострадавших».

— Валите отсюда, зализывайте раны! — Король покачал головой и, не обращая на них больше внимания, сел напротив Савелия, посмотрел на него долгим тяжелым взглядом, словно решая: что с ним делать?

Говорков спокойно, без страха, но и без злости выдержал этот взгляд.

— А ты ничего, землячок, в порядке, с характером! — с еле заметным акцентом проговорил он, улыбаясь одними губами. Глаза его оставались настроженными. Правую руку держал в кармане.

Савелий продолжал молчать.

— Девять лет много... — Он снова помолчал, внимательно оглядел одежду Савелия.

— Чего таким босяком притопал? На этапе такого не могли бы раздеть.

— Взяли неожиданно, — скупое решил ответить Савелий.

— Поговорим! — предложил Король и, не дожидаясь ответа Савелия, направился к выходу.

Секунду помедлив, Савелий решительно поднялся и пошел следом. За ним двинулись и «телохранители».

В коридоре Король бросил своей крепкой команде:

— Здесь будьте! — и зашел в отрядную умывалку. Небольшая, без окон, она представляла собой довольно унылое зрелище: обшарпанные стены и потолок, закопченные табачным дымом, пять водопроводных кранов над длинным деревянным корытом, залитым битумом. У противоположной стены стояла широкая скамья. Король остановился посередине, в метре от него — Савелий. Неожиданно Король резко выдернул руку из кармана и... протянул Савелию пачку «Космоса».

Не шелохнувшись, он ответил:

— Не курю...

— И правильно! Вредно, врачи говорят! — кивнул Король, вытащил сигаретку и прикурил от изначной зажигалки. — Да ты расслабься, я ж не Аршин. Надо будет — ночью... — он резанул ладонью по своему горлу, — и готово!

— Не удивлюсь! — хмыкнул Савелий. — Духи тоже так поступали.

— Духи? — нахмурился он. — Что за кодла?

— Душмань.

— Афганец? — догадливо буркнул Король и с интересом посмотрел на него. — Та-а-а-а... — он помолчал. Чувствовалось, что ему хочется о чем-то сказать, и он то ли растягивает удовольствие, то ли решает, говорить или нет. — Вот что, Бешеный, мне до фени, чего ты на воле кому должен: плевать я на них хотел! Но мой тебе совет: сдерни на другую «командировку»! Еще лучше — засухарись, на дно уйди. Месяца три-четыре у тебя есть, больше меня здесь вряд ли держать будут. В общем — живи... пока! — он хлопнул Савелия по плечу и тихо добавил: — А говори-ли мы здесь с тобой... о работе... в фирме «Феникс»! Понял? — многозначительно подмигнул он. — И... помалкивай! Вот так!

— нахлобучив шапку, он ссутулился и медленно вышел из умывалки...

Когда Савелий возвращался к своей кровати, он чувствовал на себе взгляды удивления и сочувствия, а Борис подошел к нему, с жалостью покачал головой, потом вплотную сел к Савелию и тихо спросил:

— Угрожали?

Савелий молча пожал плечами.

— «Ксивота» на тебя с воли пришла, — прошептал он. — Будь осторожен: кому-то ты очень мешаешь. Больше ничего не знаю. В общем, сам думай, что и как! — он хлопал его по плечу и пошел к себе...

Долго Савелию не спалось: какие-то странные и непонятные ощущения охватили его. Вновь и вновь он анализировал происшедшее.

Интересная фигура этот Король. «Вор в законе»? Не прост, ох не прост! Что позволяет ему объединять и руководить окружающими его людьми? Сильная натура! Уверенный в себе! Что он сказал про фирму «Феникс»? Совпадение? Какое к черту совпадение! Значит, намеки! Вот как, и сюда добрались? Борис же ясно сказал: «Записка с воли пришла...» Надо же, не ожидал. Есть над чем поразмыслить... Его мысли продолжали метаться от одного к другому, но усталость все-таки сморила: он забылся беспокойным, тревожным сном.

ЗИМА ПОШЛА на убыль: нет-нет, да прорывался звук редкой капли. Покрытые асфальтом дорожки все больше освобождались от снега. Намного теплее стало в жилой секции: многие ходили в майках.

В тот день что-то случилось с подстанцией: электроэнергия в цехах вырубилась. Вторую смену отменили, и Савелий, сходя на ужин, решил немного вздремнуть перед фильмом по телевизору, но настолько крепко уснул, что не услышал предостерегающего звонка дневального:

— Атае!

Некоторые, моментально среагировав, начали прятать то, что считали опасным оставлять на виду, другие соскакивали с кроватей и быстро оправляли их. Третьи, кто поблатнее, «не суетились», продолжая нахально лежать в одежде на кроватях.

В дверях появился капитан Зелинский с двумя прапорщиками. В руках одного — огромный полиэтиленовый мешок, куда они складывали запрещенные вещи.

Появление замкомроты по контролерской службе в жилой секции для обыска говорило о том, что это шмон нормальный, по графику.

Зелинский остановился перед кроватью Савелия, взглянул на бирку и окликнул:

— Осужденный Говорков, почему спите в одежде?

Савелий не услышал и продолжал спать.

— Встать! — повысил голос замкомроты.

— Чего орешь? — бросил Савелий и протер глаза.

— Ты что? — вышел из себя Зелинский. — Да я тебя... мальчишка...

Не отвечая, Савелий наклонился, сунул сапоги за тумбочку, одел тапочки, затем раздраженно бросил:

— Понял, понял. Веди в свое ШИЗО...

Рядом с дежурной комнатой ШИЗО была каптерка, где производился обыск сажаемых в камеры. В ней прапорщик заставил Савелия раздеться до трусов и внимательно прощупал его одежду. Ничего не обнаружив, кивнул на носки, не найдя и там, удивленно взглянул на него:

— Неужели ничего не затарил?

Савелий пожал плечами и переступил на холодном цементном полу босыми ногами. Начал одеваться, повернувшись к дежурному спиной, на которой старый служака увидел огнестрельный шрам. Он поморщился:

— Куда же тебя? В третью?.. Но там блатные.

— Хоть забубенные, — отрезал Савелий.

— Да я... не к тому, — смутился вдруг тот. — Старый стал: мне покоя нужен.

— Покой!..—повторил за ним Савелий.— Мне тоже покоя нужен! — Он снова обозлился. — Хотел бы покоя — в садовники бы шел, а не вертухаем!

— А вот этого не надо, — тихо ответил прапорщик и повторил: — Не надо. Не я тебя звал сюда — сам пришел.

— Сам? — Савелий нервно хохотнул. — Не сам — этапом привезли!

— Это так, этапом. Сидеть-то много?

— Девять.

— Накуролесил, видать.

— Эх, отец...—совсем по-детски обиделся Савелий и огорченно махнул рукой.

— Ты шумни, ежеси что, я тут буду, — прапорщик вдруг суетливо осмотрелся, подхватил со стола какой-то небольшой газетный сверток и сунул ему в руку.— Возьми, отымонал надьсь.

Савелий машинально зажал сверток в руке и пошел за прапорщиком.

Немного погодя капитан Зелинский зашел в комнату дежурного. Старший прапорщик невозмутимо читал журнал «Огонек».

— Ну, что? В третьей никакого шума?— спросил офицер.

— Тихо, — пробурчал тот, откладывая журнал в сторону. Секунду-другую смотрел на капитана, словно решая, стоит ли затевать разговор, потом решил: стоит.— Товарищ капитан, а что он натворил? Парень вроде ничего.

— Гонору в нем много. А я гонор ценю только в честных людях. И еще: понимаешь, Федорыч, как себя ни сдерживаю, а не могу ему простить, что он, «афганец», и вдруг мразью стал.

— А что, товарищ капитан, неужто у вас там совсем и не было мрази? — спросил прапорщик.

— Были, — нахмурившись и немного помолчав, ответил Зелинский. — И никого из них тоже не прощаю...

Последний день отсидки тянулся для Савелия особенно долго и тоскливо. Когда оставались часы до освобождения, ослабленный организм сдался, и Савелий крепко заснул, настолько крепко, что не услышал ни скрежета петель дверей камеры, ни голоса вызывающего дежурного прапорщика. Он очнулся только после жесткого толчка:

— Чего спишь до отбоя? Может, добавить за нарушение режима? — сердито проговорил прапорщик.

Савелий спросонья ничего не ответил.

— Ладно, пошли! — миролюбиво бросил дежурный и закрыл за ним камеру. — На вахте распишешься за отсидку, — он открыл выходную дверь, но в нее вошел Зелинский.

— Расписался? — спросил он у прапорщика.

— Нет, журнал на вахте, у ДПНК.

— Ты сходи за журналом, а я пока поговорю с ним.

Прапорщик кивнул и тут же вышел. Зелинский предложил Савелию зайти в дежурную комнату.

— Что же ты, кулаками машешь, грубишь? — спросил капитан, усаживаясь на стул. — Может, расскажешь, что той ночью в отряде произошло?

— А что произошло? И какой ночью?

— Та-а-ак, — поморщился капитан.— Ты какой раз сидишь, второй, третий?

— Пятой! — хмыкнул зло Савелий.

— И когда только успел?

— А с малолетки! — он настояло разошелся, что уже не мог остановиться.

— Родители-то чем занимаются?

— Во Внешторге пашут! — он нахально уставился на капитана.

— Понятно, — вздохнул тот. — Джинсы, доллары, тряпки «маде ин», одним словом, фарца.

— В самую точку, гражданин начальник, валюта, рестораны, девочки, — он все больше злился, то ли на себя, то ли на дурацкий разговор. — Роскошная жизнь: на всю катушку!

— Вот-вот, на девять лет...—устало, теперь без намешки, заметил Зелинский. — Скажи, чего тебе не хватало? Уважаемые родители, есть-пить в достатке, профессий, слышал, куча, а рабочие руки везде требуются.

— А теперь за перестройку еще скажите!.. «Рабочие руки везде требуются», — передразнил он.—Четыре месяца после армии не мог устроиться. Спасибо одному человеку: помог.

— По благу, конечно? На теплое местечко... И что за молодежь пошла: только бы урвать побольше, а работать поменьше.

— А вы как думали? У вас, гляжу, тоже работа не мозольная.

Зелинский вскинул глаза, несколько секунд смотрел молча на Савелия, потом тяжело вздохнул:

— Что ты знаешь обо мне?.. И о себе зачем так много врешь, а?..

Савелий расписался за время своего освобождения из ШИЗО и вышел. На воздухе действительно было морозно, а он был в одной курточке. Хлопая себя по бокам, устремился к своему барaku.

— Савелий! — окликнул его Кешка.

Савелий приостановился, и подбежавший приятель накиннул на плечи телогрейку, протянул шапку.

— В отряд к тебе забегал. Стою, жду, а тебя все нет.

— С Зелинским беседовал, — стуча зубами, усмехнулся Савелий, — кто, да что, да кем, да почему...

— Брось, не бери в голову! Идем ко мне: кое-что собрал к твоему выходу. Небось оголодал?

— Есть немного...

В одном из последних этапов в зону пришли двое парней. Они были приятелями по воле, и про них ходили различные слухи. Оба «принесли» большие сроки. Невзрачный, худенький, с нервно бегающими глазами тип — пятнадцать лет за убийство. У него была странная кличка — Тихоня. Второй — полная противоположность своему приятелю: косая сажень в плечах, скуластый, с огромными пудовыми кулаками, и кличка под стать — Угрюмый — тринадцать лет за разбой...

Их часто видели вместе, и этим двум приятелям суждено было решительно вмешаться в судьбу Савелия Говоркова...

ИЮНЬ ВЫДАЛСЯ жарким, солнечным и душным. В цехе, несмотря на распахнутые двери и окна, работать было трудно: к духоте добавлялись и испарения от клеевой основы шпона.

Последние дни Савелий был настолько измотан, издерган, что моментально взрывался от любой мелочи. Все чаще вспоминал он давние дни...

Его вызвал к себе старший помощник капитана траулера и зачитал телеграмму, которая гласила: Говорков Савелий Кузьмич должен явиться в ялтинскую нотариальную контору для оформления наследственных прав. Он тогда искренне возмутился: что за шутки? Какое наследство, если он один на всем белом свете? Но вскоре он воочию смог убедиться, что это не было шуткой. Когда это было? Летом? Нет, в мае... Еще и купающихся на ялтинском пляже было не очень много.

Одетый в форму матроса рыболовного флота, с небольшим чемоданом в руке и дешевым японским фотоаппаратом через плечо, он по небольшой ялтинской улочке подошел к низенькой деревянной ограде, утопающей в зелени. Уверенно открыл ключом, выданным в конторе, замок калитки.

Сквозь виноградные лозы просматривался небольшой уютный домик со стеклянной верандой.

Внутри домика прелый запах запустения, всюду пыль, засохшие цветы в горшках, старая убогая мебель и многочисленные фотографии на стенах, ходики с опустившейся до пола гирей.

Бросив на дряхлый диван чемодан и фотокамеру, он подтянул гирю на часах и толкнул маятник — глаза лубочной кошки кокетливо задвигались из стороны в сторону. Усмехнувшись, Савелий подошел к стене и начал рассматривать фотографии, небрежно скользя по ним глазами: знакомые мужчины, женщины, какие-то семейные, групповые снимки... И вдруг взгляд наткнулся на лицо молоденькой блондинки с пышной прической, модной в шестидесятые годы. Он осторожно снял со стены рамку с фотографией, прислонил к стоящей на столе вазе и сел напротив. На глазах появились непрошенные слезы:

— Мамочка... Мамочка моя...

— Могилку-то их навещил?

Савелий вздрогнул от неожиданности и повернулся:

— Это ты, Павел Семенович? — узнал он соседа, к которому вынужден был обратиться за помощью, когда приехал в Ялту.

— Открыто было, я и...— виновато пояснил сосед. — Может, не ко времени?

— Проходи, Семеныч, садись! — Савелий вздохнул и попытался улыбнуться. — Ты о чем-то спросил?

— Говорю, кады мамка с отцом-то убились, ты ж мальдом еще был?

— Пяти не было. Но помню все.

— Что ты можешь помнить? — махнул рукой старик. — По рассказам разве.

— Да кто ж мог рассказать такое? — обиделся Савелий. — Помню! Папа впереди сидел, с водителем, а мы с мамой — сзади. Мама на руки меня взяла, прижала сильно-сильно и давай целовать. Помню, я даже вырваться начал. И вдруг удар, сильная боль в руке... А потом горящая машина, крики... И пламя!

— Ты вот что, сынок, — он вытащил из кармана пиджака бутылку водки, — выпить тебе потреба есть. Ты не сумлевайся, легче станет. Завешание-то оформил, гляжу?

— Спасибо, оформил.

— Чего уж, — он тяжело, с огорчением вздохнул и завистливо огляделся. — Да-а-а, богатая у тебя тетка была. Ох богатая!

Савелий не удержался и хмыкнул с удивлением.

— Ты не гляди, что старье вокруг, нищета да запустение: церква в последнее время много отдавала да в фонды разные. И то, ежели помыслить... цветочки, ягодки... опять, жильцов пушала... А и дража, дай боже!.. Стаканы-то достаны! Вон там, в буфете...

Савелий принес два стакана, банку компота. Открыл ее ножом. Старик взглянул на угощение, покачал головой и вынул из кармана два соленых огурца и кусок хлеба.

— Самоличного засолу, — похвастался он и ловко откупорил бутылку. Налив по две трети стаканов, поморщился. — За наследство!

Они чокнулись и одновременно выпили. Савелий захрустел огурцом, а старик понюхал кусок хлеба и положил его назад. Спросил:

— А ты, значит, так в детдоме и прожил до армии?

— Детдом, потом — завод: в рабочем общежитии жил. Потом уж призвали.

— После армии почему к тетке не пришел?

— Да я и не знал, что есть она у меня.

— Вот стервал! Это ж надо так озлобиться на сестру, что родного племяша в детдоме держать?! У-у, характер! Кремень! Однако я себе еще плесну и пойду домой, развозит, чувствую.

Савелий помог ему подняться на ноги, повел к выходу, но старик вдруг отстранил его руки, выпрямился: «Я сам! Сам!» — покачиваясь из стороны в сторону, прямо держа голову, вышел из комнаты.

А потом... Да, потом Савелий и встретил ее. Было это на пляже, в тот же день. От выпитой водки слегка покачивало, но настроение было отличное. Соля-

це склонилось к западу, пляж был пустынен. Он окунулся у самого берега, зябко передернул плечами: прохладная вода и небольшой ветерок сразу протрезвили. Подошел к своим вещам и хотел взять полотенце, но тут услышал женский крик, который резко оборвался. Повернувшись, увидел, как у бетонного основания волнореза несколько человек, бросая осторожные взгляды по сторонам, окружили какую-то пару. Почувствовав неладное, Савелий решил подойти.

Трое подвыпивших парней скрутили высокого стройного мужчину лет тридцати пяти, один держал девушку, а пятый спокойно и бесцеремонно обшаривал карманы мужчины. Тот, что держал девушку, нахально пытался залезть ей под платье. Кричать она не могла: одной рукой он крепко обхватил ее за горло.

— Нехорошо, — укоризненно покачал головой Савелий, — нехорошо, говорю, так с девушкой обращаться!

— Убери лапы, подонок! — выкрикнула девушка, когда державший ее, переключив внимание на Савелия, несколько ослабил хватку.

— Не понял, что ли? Отпусти ее! — бросил Савелий.

Парень, который обыскивал мужчину, тут же повернулся к нему и процедил сквозь зубы:

— Вали отсюда, пока кожу тебе не попортили!

— Ну да? — Савелий даже удивился от такой наглости. — Десять секунд даю вам на то, чтобы вы испарились по-хорошему.

— Ух ты какой борзый! — на этот раз удивился парень. Оставив карманы мужчины, он повернулся к Савелию и неожиданно выхватил из-за пояса велосипедную цепь.

— Не дури, парень! — тихо сказал Савелий, расставив руки.

— Что, в трусы от страха наложил? — он рассмеялся, сделав шаг к Савелию и понгрявая в руках цепью.

Говорков понял, что миром кончить не удастся: он прыгнул, молниеносно вырвал цепь и ловко накинул ее на шею владельца:

— Я же предупреждал тебя! Быстро скажи своим друзьям, чтобы отпустили людей, иу? — Савелий чуть сдавил цепь, потом ослабил, и парень тут же закричал:

— Что выдумались? Отпустите их!

Ошарашенные приятели тут же подчинились и отошли на несколько шагов в сторону, со страхом поглядывая на Савелия. Он сбросил с горла парня цепь и дал ему коленом под зад.

Трель милицейского свистка предотвратила дальнейшие переговоры между ними: парень, державший девушку, испуганно крикнул:

— Валим отсюда: менты!

— Еще встретимся! — бросил на прощание хозяин цепи и устремился за своими друзьями.

Савелий забросил цепь в море и пошел одеваться. Он слышал, как к мужчине и девушке подошли два сотрудника милиции и слутник девушки заверил их, что всё в порядке.

Расправив гимнастерку, Савелий сложил полотенце и повернулся, чтобы уйти, но к нему подошел освобожденный им мужчина:

— Спасибо, вовремя помог.

— Постойте! — возглас девушки заставил его остановиться. — Так победители не уходят. Мы вас не отпускаем, приглашаем отметить наше спасение. Да, Алик?

— Но... — смутился вдруг Савелий: неожиданное предложение застало врасплох — он был без денег. Он задумался: как бы отказаться?

— Не волнуйся, — словно подслушав его мысли, улыбнулся мужчина. — У меня денеги есть — до заначки благодаря тебе не добрались. Так что святое дело — отметить победу. Так, Лариса?

— Конечно же! Идемте, — она положила руку на его плечо.

Савелий посмотрел на нее, потом на мужчину.

— Что тут думать. Пошли, а то моя Светка, верно, заждалась совсем...

— **О** ПЯТЬ на пресс кинули? — услышал Савелий, с трудом отгоняя воспоминания.

Он поднял голову и увидел подошедшего Бориса, который опустился рядом. Савелий не ответил, устало поморщился.

— Плотно вцепились, как бы не заездили сивку. А ты плюнь! Нас «дерут», а ты крепчаем! Идем раскумаримся.

— Не тянет что-то, — вяло выдохнул Савелий.

— Может, хватит кинуть? Пошли! — Борис подхватил его под руку.

В закутке, заставленном штабелями бракованных деталей, сидели трое, уставившись на стеклянную банку, прикрытую куском фанеры. Разговорились. За разговором не заметили, как рядом остановился капитан Зелинский с прапорщиком.

— Почему не работаем?—выслуживаясь перед начальством, проявил инициативу прапорщик.

— Перекур у нас!—буркнул Борис.— Нельзя, что ль? Чифирнем и снова рогом упремся.

Прапорщик выжидающе взглянул на капитана.

— Говорков, когда чифирнешь—зайди в комнату мастера.

— А он-то при чем? Гражданин капитан, это я заваривал!—решиительно заявил Борис.— Меня и наказывайте.

— Почему ты решил, что для наказания вызываю?—удивился капитан.

— А зачем еще начальству зек? Не для награды же,—киво усмехнулся Борис.— Чуть что: ларек, свиданка, ШИЗО... Не так, что ли?

— И все-то ты знаешь...—смутился вдруг капитан и пошел прочь. За ним поспешил и прапорщик, заметно удивленный реакцией капитана.

В комнате мастера, кроме Зелинского, никого не было. Он рассматривал какие-то фотографии, которые сразу же перевернул, едва Савелий вошел. Некоторое время он смотрел на Савелия странным, непонятным взглядом. Наконец спросил:

— Значит, родители во Внешторге работают?

Савелий недоуменно пожал плечами, не понимая, почему капитана так интересует, где работают его родители.

— И рана на спине, вероятно, по пьянке заработана, так? Почему молчал, что орден и медаль в Афгане получил? Что ж ты, сукин сын, своих наград стесняешься? Они что—по благу тебе достались?—злым, насмешливым тоном спросил он. И это особенно задело Савелия.

— Вы, начальник, нашей войны не касайтесь! Не вам о ней судить!—резко оборвал Савелий.

Зелинский опустил голову и тихо сказал: — Ошибаешься, сержант,—он глубоко вздохнул и поднял голову.—Много друзей за Речкой оставил?

И Савелий вдруг понял, что капитан имеет право говорить так.

— Один...—в горле вдруг пересохло, он сглотнул.—Один из отделения, в котором начинал, я и остался.

— Да-а-а...—Зелинский начал яростно тереть лицо руками, словно решив содрать с него кожу.—Присаживайся...

Помедлив, Савелий сел напротив, и Зелинский продолжил:

— Я, Говорков, на вашего брата хуже, чем на душманов, вначале смотрел. Попал-то во внутренние войска, знаешь, как? Не мог от войны отойти. Искал работу или службу такую, чтоб порохом пахла. Вот и выбрал войска. Контрлером побыл, поехал в училище... Теперь-то только доходит, что неправы были советчики: сюда идут не для того, чтобы воевать.

— Мелкие у вас друзья-советчики, на самую последнюю работу сосватали.

И опять Зелинский прореагировал спокойно:

— Дурак ты, Говорков. Не первый же день в зоне варишься, знаешь, что за братия здесь собрана и какой за ней уход нужен. Мне, если честно, больше всего солдат жалко: за два года на такое зелье насмотрятся, такому научиться могут... Но скажи, Говорков, без кривляний: ты бы сам открыл лагерные ворота, выпустил бы всех на все четыре стороны, а?

— Не выпустил бы,—на этот раз серьезно ответил Савелий.—Но и всех под одну гребенку не стриг бы. Есть же те, которые по недоразумению здесь...

— По недоразумению, если послушать, все. Один мне душу изливал—я тогда только форму надел, не знал еще многого,— так вот, плакался, что ни за что ни про что засадили его за решетку соседи. Я чуть было слезу не пустил, а оказалось что? Три убийства на нем, девчушек насилуoval... Потом о втором, о третьем таких же подонках узнал. Как же от них общество не охранять, а?

— Ну, не все же в зоне конченные, — уже глухо, словно оправдываясь, сказал Савелий.—И с ними надо как-то... по-людски...

— Не все,—согласился Зелинский.—Вот и с тобой я, кажется, по-людски, как ты говоришь, толкую. Друг у меня по Афгану есть, в Москве, в прокуратуре, так я из-за тебя ему последние дни покоя не давал. В общем, подняли твое дело... Скажи мне, Говорков, кем тебе доводится Петрова Лариса Алексеевна?

Савелий от неожиданности вскинул голову. С какой это стати капитан заговорил о той, что волнует его каждый день, каждый час?

Он вспомнил, как они после встречи на пляже пошли в ресторан. Ели, пели, танцевали, а потом...

ОН БЫЛ по-настоящему счастлив в ту ночь. Проснувшись раньше, тихо лежал, боясь разбудить ее. Но почему он все-таки встал? Алик? Да, он вспомнил о его предложении, и ему стало как-то не по себе. Взялся за сигарету...

— А говорил, не куришь,—услышал тут же.

— Подглядываешь? Ух ты какая!

— Ну что ты терзаешься, Савушка?—Лариса поднялась на колени, простыня чуть соскользнула, открывая красивое загорелое тело, от которого у него снова захватило дух. Она прижалась к его плечу:— Уже начинаешь жалеть о том, что согласился?

Он даже удивился тому, что она догадалась о его мыслях.

— Я никогда ни о чем не жалею. Просто...

— Моряк не может жить без моря?...—она усмехнулась.— Вез корабля?

— Судно, а не корабль. Чего жалеть-то? Вкалываешь как черт! Девять месяцев вода и рыба, рыба и вода.

— Что ж тогда?

— Если откровенно, то мне странна такая зарплата, какую предлагает Алик.

— Я не понимаю: тебе что, не нужны деньги?—удивилась она.—Или ты думаешь, что такие деньги платят только за красивые глаза? Откуда такая шепетильность? Ты проливал кровь на чужой земле. Рисковал своей жизнью! Что ты получал взамен?

— Это разные вещи,—неуверенно возразил он.—Там—долг.

— Долг перед тобой есть и у меня, и я его выполняю! Когда я увидела, как ты ловко разделался с этими подонками, я сразу же решила, что Алику ты нужен и он может и будет платить тебе хорошие деньги! За твоё умение! За твой риск!

— Знаешь, может, ты и права, но фирма, кооператив — несерьезно это.

— Дурашка! Скоро вся страна на кооперативах будет жить. Только они и вытаскают из нищеты! Газеты читать надо!—она заразительно засмеялась.—У Алика такие связи! Да и ты ему понравился.

— А когда он обмен сможет устроить? Это же не так просто...

— Этой хибары на Москву? Знаешь, этот человек слов на ветер не бросает! Сказал—за две недели, так и будет, как в аптеке!

— Отлично! Значит, через две недели мы будем вместе? Для меня это—главное.

Ровно через пятнадцать дней он въезжал в свою новую квартиру... Въезжал, пожалуй, громко сказано: всю рухлядь он оставил в домике, пара чемоданов да небольшой пейзаж в рамке—все его вещи. Лариса сказала, что Алик нашел хорошего «клиента» с обменом: тот даже доплатил за «домик у синего моря», а этих денег хватит на мебель.

К удивлению Савелия, вскоре отличная мягкая мебель со стенкой уже стояла в его однокомнатной квартире. Ему даже не пришлось оплачивать грузчиков. «Все оплачено!»—заявил их бригадир...

Работа Савелия состояла как бы из двух обязанностей: каждый день, кроме воскресенья, возить своего шефа, то есть Алика, председателя кооператива «Феникс» (надо заметить, что Савелию приходилось больше стоять, нежели возить его: «Главная твоя задача—быть в состоянии боевой готовности!»—заявил шеф, когда он попытался прояснить этот вопрос), кроме этого, раз в месяц он полностью посвящал весь день кассиру кооператива. Этот день, а то и два дня Савелий почти не вылезал из машины, так как ездить приходилось не только по Москве, но и в другие города. Конечным пунктом всегда был банк...

Для работы Савелию была выдана старенькая «Волга». С виду она не внушала уважения, но он был очень доволен, так как Алик достал для нее новенький движок, и вскоре Савелий сумел так отрегулировать его, что машина могла бы участвовать даже в ралли. Дни тянулись спокойно, размеренно, но однажды...

В тот день он терпеливо ожидал в машине шефа, читая какой-то журнал. Вышел Алик и коротко бросил:

— На Ленинский проспект!

Савелий резко тронул с места машину и чудом избежал столкновения с неожиданно выскочившей «Нивой». Спасли хорошие тормоза и отличная реакция. Савелий перевел дух, осторожно вырулил на дорогу и переклужил скорость, но на его пути выросла фигура капитана милиции: выразительным жестом он приказал остановиться. Чертыхнувшись с досады, Савелий припарковался у тротуара, взял права, чтобы идти к капитану, но был остановлен Аликом:

— Сиди!—спокойно приказал он.

Полноватый, лет под сорок капитан милиции медленно подошел к их машине и недовольно посмотрел на Савелия, потом на Алика, и его настроение мгновенно изменилось: он доброжелательно улыбнулся. Удивленный Савелий взглянул на своего шефа и не заметил, как капитан подмигнул Алику.

— Я сейчас!—бросил он Савелию и вышел из машины.

Савелию показалось странным то, что вид у капитана, когда к нему подошел Алик, стал каким-то иноватым, было такое впечатление, что он в чем-то оправдывался, но тогда Савелий не придал этому значения, как и странному ответу Алика на его вопрос:

— Легко удалось отвертеться?

— Что?—задумчиво проговорил Алик, но тут же самодовольно улыбнулся.—Все в порядке: моя милиция меня бережет!—он снова задумался и вдруг предложил Савелию сегодня же отправиться с Ларисой в Ленинград за крупной суммой.

Савелий удивился: ведь до двадцати второго числа, когда они с кассиром занимались финансовыми делами, было еще далеко, и он сказал об этом Алику, но тот недвусмысленно предложил не задавать лишних вопросов и добавил: «Меньше знаешь—лучше спишь!»

Конечно, Савелий был рад тому, что в эту поездку он отбудет вместе с Ларисой, и, отбросив всякие сомнения, отправился в Ленинград, не предполагая, что эта поездка круто изменит его судьбу.

В Ленинграде он без устали возил Ларису по различным организациям и конторам. Надо заметить, что в отличие от кассира, она не задерживалась нигде более, чем на пятнадцать-двадцать минут, хотя и возвращалась с разным настроением: от радостного до злого.

(Продолжение следует)

Между нами, с Женщинами

БОЛЕВАЯ ТОЧКА

СПРАВЕДЛИВОСТЬ... С ПРОТЯНУТОЙ РУКОЙ

Нина Яковлевна Брылякова, жена прапорщика, мать четверых ребятишек, попросила разъяснить, правильно ли прекращена выплата пособия на ее старшего сына при достижении им возраста семи лет.

Нет, уважаемая Нина Яковлевна, неправильно. До недавнего времени пособие на детей в малообеспеченных семьях выплачивалось до достижения ими 8 лет. А как разъяснили нам в ГУВВ МВД СССР, вступил в силу приказ министра внутренних дел СССР № 312 от 13 декабря 1989 года, которым введено в действие постановление Совета Министров СССР, увеличившее с 1 декабря 1989 года срок выплаты пособий на детей в малообеспеченных семьях до 12 лет.

После нашего запроса начальник управления внутренних войск по Западной Сибири отдал распоряжение производств Брыляковой соответствующую доплату.

Казалось бы, справедливость восторжествовала. Радоваться бы, да не радуется. Горько на душе: ну до каких же пор советские люди будут выпрашивать себе то, что им по закону полагается?!

НА ЖИТЕЙСКИХ ПЕРЕКРЕСТКАХ

вый как медведь, а дома помощи от него не дожدهшься. Одно занятие — книгу в руки и на койку. Что ни попросишь сделать — одна ругань в ответ, да еще кулаки в ход может

КТО ОБЪЯВИТ БОЙ РАВНОДУШИЮ?

Прочитала письмо Оксаны Ильченко (На боевом посту, № 3). Тяжело, когда в семье такое горе. Всем тяжело, но особенно, конечно, детям. Часто задумываюсь, что делает непрочными наши брачные союзы — ведь чаще всего по любви они создаются, — и однозначного ответа не нахожу...

Я меня муж — тоже прапорщик. Живем в общежитии, если это можно называть жизнью, и до нас никому нет дела. Зачем командиру или замполиту заботиться о нас? Они сами-то устроены. Пять лет мы здесь, и никто за эти годы не вспомнил о нас, горемыках, не поинтересовался, что на душе, что беспокоит. И это равнодушие — сплошь и рядом. Оно становится для многих чуть ли не второй натурой. Смотришь на мужа — здоро-

пустить. Для него ничего не стоит детей обматерить. Криком кричать хочется от всего этого. Куда подевалась любовь? Как повлиять на супруга? Я уж и на работу ходила. Там мне примерно то же ответили, что и матери Оксаны: «На службе он порядочный, а что дома такой — нас не касается». А ведь рядом с нами его же сослуживцы живут, они все видят, слышат и делают вид, что ничего из ряда вон не происходит. Даже посмеиваются подчас...

Я не жалуюсь. Пишу лишь потому, что так мучаюсь не я одна. Равнодушные, как ржавчина, разъедает нормальные человеческие отношения.

Фамилию мою не указывайте: как это ни странно, надеюсь на совесть мужа, верю в добрые перемены.

Таня.

ДОМАШНЯЯ АПТЕЧКА

Она должна быть в каждой семье. Для оказания первой медицинской помощи, а также для профилактики и лечения простудных и других заболеваний рекомендуется иметь в ней следующий неснижаемый запас медикаментов (см. таблицу).

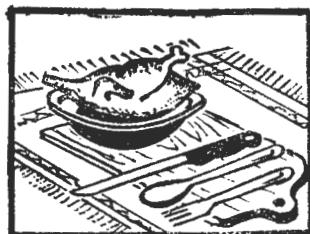
Нитроглицерин № 40	Уп.	1
Валидол № 10	Уп.	1
Ацетилсалициловая кислота 0,25 № 6	Уп.	2
Кальцекс № 10	Уп.	1
Перкофен № 6	Уп.	1
Анальгин 0,5 № 10	Уп.	1
Бесалол № 6	Уп.	1
Сенадексин № 10 (слабительное)	Уп.	1
Сода двууглекислая 0,5 № 10	Уп.	1
Уголь активированный 0,25 № 10	Уп.	1
Капли Зеленина 25,0	Фл.	1
Настойка валерианы 15,0	Фл.	1
Экстракт валерианы 0,02 № 10	Уп.	5
Перекись водорода 100, мл	Фл.	1
Раствор йода 5% 10,0	Фл.	1
Раствор бриллиантового зеленого 2% 10,0	Фл.	1
Раствор аммиака 10% 40,0	Фл.	1
Капли «Депта» 10,0	Уп.	1
Вазелин 30,0	Б.	1
Паста Лассара 50,0	Б.	1
Линимент стрептоцида 5% 30	Уп.	1
Аэр. Пантенол 300	Уп.	1
Альбуцид 30% 5,0	Фл.	1
Стрептоцид 10,0	Уп.	1

Кроме того надо иметь напальчники (4 шт.), два термометра, десять горчичников, две пипетки глазные в пластмассовых футлярах, пару листов бумаги компрессионной, пару лейкопластырей бактерицидных 4x25, пакет ваты, а также несколько бинтов стерильных 10x5 и салфетки 45x33.

Аптечку следует периодически обновлять, исходя из сроков годности медикаментов. Она должна находиться в квартире в определенном, недоступном для детей, удаленном от света и тепла месте. На медикаментах необходимо сделать четкие надписи «Слабительное», «Сердечное», «Болеутоляющее» — с указанием времени приема лекарства (до или после еды), периодичности приема (один, два, три раза в день).

Довольно подробно описаны лекарственные препараты и рекомендован перечень лекарственных форм домашней аптечки, лекарственные травы, применяемые в быту, в книге В. Б. Прозоровского «Домашняя аптечка» из цикла «Научно-популярная медицинская литература». Достоинство книги в том, что она написана простым, понятным языком. Если есть возможность, обязательно приобретите ее.

М. МОТОРИЧ, провизор-информатор
Центральной аптеки МВД СССР.

ПУТЬ К СЕРДЦУ МУЖЧИНЫ

...Рада, что в журнале появилась наша, сугубо женская страничка, где можно поделиться секретами ведения домашнего хозяйства, воспитания детей да мало ли еще чем. По душе мне рубрика «Путь к сердцу мужчины». У меня тоже есть свои заветные тропинки. Вот одна из них,

ТОРТ, КОТОРЫЙ НЕ НАДО ПЕЧЬ

Из продуктов потребуются 0,5 кг творога, 150 г сливочного масла, 1 стакан сахара, какао, изюм, печенье, молоко.

Растереть творог с маслом и сахаром, разделить получившуюся массу на две части. В одну из них добавить 2 ст. ложки какао, в другую — изюм.

На фольге или полиэтилене разложить пласт из печенья (каждая печенюшка предварительно смачивается в молоке). На эту основу нанести творог с изюмом, затем опять печенье, сверху — творог с какао и еще один пласт печенья. Сварить глазурь из 1 ст. ложки сахара, 1 ложки воды, 1 ст. ложки масла и покрыть ею верх торта. Торт поставить в холодильник на два часа. Не расстраивайтесь, если у вас нет какао или изюма — продуктов дефицитных, все равно — вкусно!

Прапорщик
Ольга ВАЛЬЧУК.

152

Лесные фантазии

Когда выдается свободное время, спешу на природу. Что может быть прекраснее лесной прогулки! Дышится легко. От чистого, настоящего на травах воздуха аж кружится голова. Шелест листьев под ногами успокаивает. Птичий гомон, словно хорошая музыка, поднимает настроение.

...На коряжку, невесть как оказавшуюся на пути, не всегда и внимание обратишь. Но, заметив, не спешите пройти мимо: возьмите в руки, покрутите так и этак, и вполне возможно, что обнаружите в замысловатом сплетении линий какого-нибудь зловещего дракона с раскрытой пастью, страшными глазами...

Случается, найдешь такую причудливую деревяшку, поставишь ее на бугорок, отойдешь на несколько шагов, взглядишься, и невольно охватит страх — вылитый динозавр в чешуйчатом панцире к прыжку изготовился...

Природа, как большой художник или скульптор-фантаст, порой создает удивительные произведения искусства. Надо только быть внимательным и почаще давать волю своей фантазии. Подберешь корень, в котором явно видна голова какого-то чудовища из далекого прошлого. Прижмешь, все лишнее обрежешь и ходишь потом с этой находкой в поисках туловища, ног, хвоста к ней. И находишь. Причем обычно быстро и легко. Стоит только совместить «части тела», склеить их, и перед тобой открывается удивительный мир сказочного царства...

Убежден: композиционные поделки — дело не только избранных, имеющих способности художника. Заняться лесной скульптурой может практически каждый. Для этого достаточно, вооружившись небольшой пилкой и хорошим ножом с коротким, гибким и острым лезвием, отправиться в лес. Еще, правда, надо запастись... терпением.

Хочу предупредить: замысловатый корешок или причудливый сучок живого дерева не принесут удовлетворения. Молодое дерево погибнет, да и после просушки поделка потрескается, изменит цвет и форму. Поэтому надо искать сухие корни и сучья. Только они доставят радость вам и всем, кто их увидит.

Текст и фото
полковника запаса Д. СЕМЕНОВА.

НАША АНКЕТА

С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЧИТАТЕЛЯ

Уважаемые читатели! Приглашаем всех, кто выписывает и читает наш журнал, включиться в активный поиск путей его обновления. Нам, работникам редакции, важно знать, как воспринимаете вы характер перемены, намечившихся в журнале за последнее время, каким бы вы хотели его видеть в ближайшем будущем?

«С точки зрения читателя» — так мы и назвали анкету и надеемся, ваши ответы помогут журналистам точнее выбрать курс на перестройку в войсках, лучше сформировать облик нашего с вами издания в 1991 году.

Возможно, у вас появится желание дополнить анкету. Будем этому только рады.

1. Удовлетворяет ли вас в целом уровень публикаций журнала?

2. Стал ли, на ваш взгляд, журнал интереснее в последнее время? Почему?

3. Обсуждаете ли вы публикации журнала в своем кругу?

4. Как часто позиция редакции расходится с вашим мнением?

5. Какие материалы вы считаете наиболее удачными, назовите лучший из них в номере.

6. Кто из авторов нравится вам больше других?

7. Какие проблемы, на ваш взгляд, журнал освещает слабо? Ваши предложения, пожелания по его содержанию.

8. Соответствует ли «внешний вид» нашего издания требованиям сегодняшнего дня?

9. Верите ли вы в силу печатного слова? Назовите примеры действительности наших публикаций за последнее время.

Сообщите при желании о себе (должность, звание, возраст, место службы или работы, как давно выписываете журнал и другие данные, какие сочтете нужными).

После заполнения анкеты просим ее вырезать и отослать по адресу: 111250, г. Москва, Е-250, редакция журнала «На боевом посту».

Армрестлинг - борьба на руках

В прошлом номере журнала читатели познакомились с историей возникновения и основными положениями правил соревнований по армрестлингу—борьбе на руках [сидя]. Но это лишь один из вариантов данного вида единоборства, предложенный спортсменами из США для популяризации в нашей стране. Можно сказать, «вариант для начинающих». В США, Канаде, Югославии, Швейцарии и других странах, где культивируется этот вид спорта, мужчины состязаются в борьбе на руках [стоя].

АРМРЕСТЛИНГ (стоя) отличается от армрестлинга (сидя) большей эмоциональностью, требует особого арсенала приемов и технических действий. Правила соревнований частично схожи с правилами борьбы на руках (сидя), но имеют и ряд существенных отличий. Так, например, проводятся они на специальных столах, прикрепленных к полу и имеющих стандартные размеры (чертеж и размеры стола прилагаются). К борьбе на руках (стоя) допускаются мужчины и женщины без ограничения возраста, занимающиеся данным видом спорта, заявленные лично или тренером, прошедшие медицинский осмотр до начала соревнований.

Участник обязан знать и строго соблюдать правила, положения о соревнованиях и их программу, быть вежливым и корректным по отношению ко всем участникам, судьям и лицам, проводящим и обслуживающим соревнования. Перед поединком и после него обмениваться рукопожатием с соперником. После окончания определенного круга соревнований в своей весовой категории представить в главную судейскую коллегию медицинскую справку с указанием причины, по

которой не может продолжаться борьбу. Немедленно являться по вызову судейской коллегии. Не отходить от стола без разрешения арбитра.

Ведение поединка разрешается как левой, так и правой рукой по договоренности участников.

Захват руки соперника осуществляется за большой палец руки таким образом, чтобы арбитр мог видеть фалангу большого пальца. Свободной рукой соревнующийся держится за штырь. Локти устанавливаются на квадратные подлокотники.

Участники состязаний должны стремиться положить кисть руки соперника на мягкий валик, закрепленный на столе, или опустить ее ниже верхнего уровня этого валика.

Борцу присуждается победа, если:

— он заставил своего соперника рукой коснуться щитка;

— он поставил своего соперника в такое положение, что его рука пересекла условную горизонталь щитка по направлению вниз;

— его соперник дважды нарушил правила в проигрышном положении;

— его соперник сорвал хват в проигрышном для себя положении;

— его соперник получил повторное замечание за неспортивное поведение;

— его соперник получил третье предупреждение за нарушение правил, не находясь в проигрышном положении.

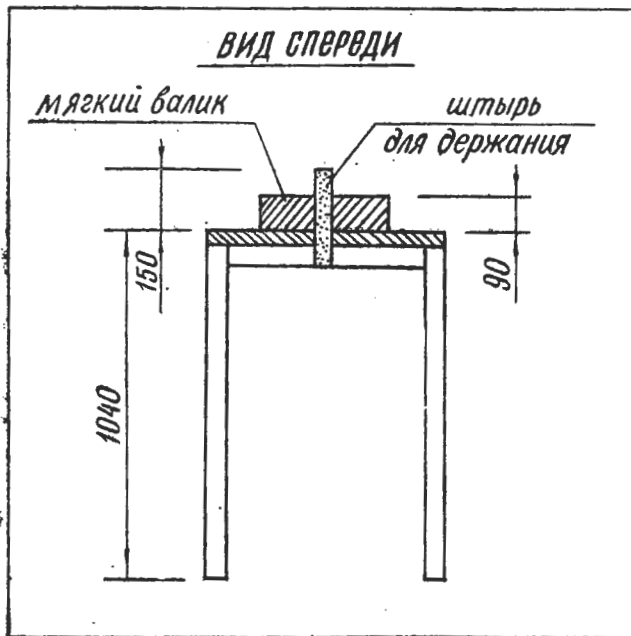
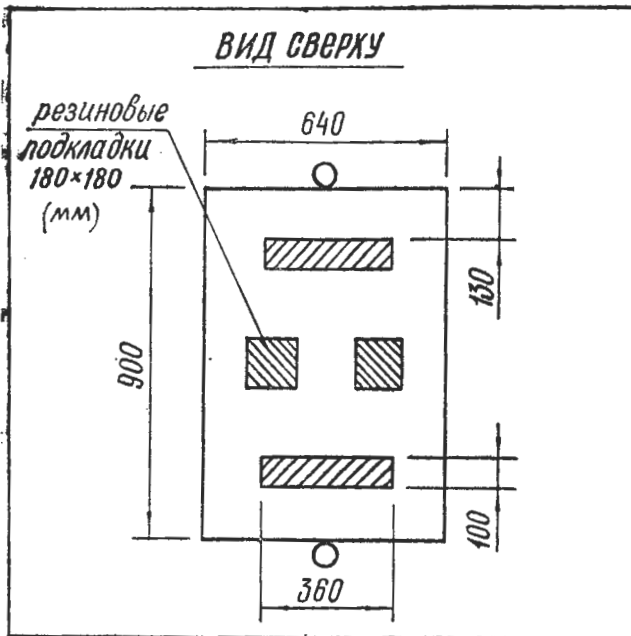
Соревнования проводятся по тем же весовым категориям, что и при борьбе на руках (сидя).

Ошибками считаются: преждевременный старт; соскальзывание локтя с подлокотника; неполное выпрямление запястья; выход за проекцию мнимой боковой ограничительной зоны стола; отрыв обеих ног от пола; толкание соперника ногами; умышленный срыв захвата руки соперника.

Если было нарушение, в результате которого борец получает преимущество над соперником или добивается контроля над его положением, то назначается повторный поединок.

Места для проведения соревнований должны соответствовать строго определенным требованиям. Так, коэффициент естественного освещения зала должен быть 1:5, 1:6, искусственное освещение — не менее 600—700 люксов. Желательно, чтобы стол освещался сверху светильни-

ТОЛЬКО ЦИФРЫ

ками отраженного или рассеянного света. Светильники рассеянного света снабжаются защитной сеткой.

В помещении, где проходит соревнования, температура должна быть не ниже +15 градусов, а влажность воздуха—60 процентов. Желательно, чтобы вентиляция обеспечивала трехкратный обмен воздуха в час.

При проведении соревно-

ваний на открытом воздухе температура может быть такой же, как и в помещении. Стол следует защитить от прямых солнечных лучей. Зрители должны находиться от него на расстоянии не ближе трех метров.

Капитан А. СТЕПАНОВ,
старший инспектор-методист
областного совета
«Динамо».

Государственный комитет СССР по статистике опубликовал предварительные данные о смертности среди населения страны. Прокомментировать их попросил наш корреспондент начальника отдела медицинской статистики Главного управления организации медицинской помощи Министерства здравоохранения СССР Григория Федоровича Церковного.

— Наблюдается определенная перегруппировка в структуре патологии населения. В большинстве союзных республик снизилась смертность от болезней кровообращения (на 46 тысяч человек меньше, чем в предыдущем году), хотя именно на них приходится более половины летальных исходов (54,3 процента). На 20 тысяч меньше умерло от болезней дыхания. Противоэпидемические мероприятия, проведенные службой здравоохранения, позволили прервать начавшуюся эпидемию гриппа. Снизилась смертность и от острых кишечных заболеваний, что сохранило жизнь почти 7 тысячам человек.

Однако эти позитивные изменения слабо повлияли на уровень общей смертности в стране, и показатель ее снизился лишь на 0,1 на 1 000 жителей и составил 10 процентов. Беда в том, что в структуре причин смерти увеличилось число умерших от новообразований, занимающих второе место (16,5 процента) в общем числе, и несчастных случаев, травм и отравлений (их стало на 22 тысячи больше; этот мрачный результат—третий). За последние два года увеличилось число дорожно-транспортных происшествий, алкогольных отравлений, убийств. 60 тысяч человек покончили жизнь самоубийством. Вот такие скорбные итоги, вместившие, увы, и потери военнослужащих внутренних войск.

189

В 1991 г. наш читатель найдет на страницах журнала интересные публикации: статьи о деятельности войск в современных условиях, их роли в становлении правового государства, защите прав и достоинства граждан, о социальных проблемах личного состава, о «белых пятнах» нашей истории. Будет продолжено печатание консультаций по самым различным вопросам. Читатель сможет познакомиться с произведениями как советских, так и иностранных писателей, в том числе с ранее не публиковавшимися в нашей стране.

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ

на журнал внутренних войск МВД СССР «НА БОЕВОМ ПОСТУ»

Пересылку заказов и расчеты с редакцией производить через финансовые органы в порядке подчиненности не позднее ноября с. г.

Заказ составлять на все войска по управлению (соединению, училищу) с приложением списка адресов частей, подразделений и указанием количества экземпляров журнала на год и полгода.

Бюджетную и индивидуальную подписку личного состава оформлять одним заказом на служебный адрес.

Ветераны внутренних войск могут оформить индивидуальную подписку по месту жительства в ближайшей воинской части наших войск.

В адресе для доставки журнала указывать почтовый индекс, номер почтового отделения, район, область, край, республику.

Заказы высылать в редакцию не позднее указанного в настоящем объявлении срока. При невозможности направить заказ в установленное время необходимо предупредить об этом редакцию.

Одновременно с заказом финорганом управления войск (училища), горрайоргана или подразделения внутренних дел перечисляется подписная плата на расчетный счет № 340616 Калининского отделения Промстройбанка г. Москвы.

Подписная цена на 12 месяцев — 6 р. 60 к., на полгода — 3 р. 30 к.

Заместителям командиров частей по политчасти и общественным распространителям печати следует проконтролировать поступление журнала, проверить, все ли подписчики его получили.

Рассылкой журнала редакция не занимается. Эту функцию выполняет издательство газеты «Красная звезда» по доставочным карточкам, которые оформляет редакция.

В случае несвоевременной доставки журнала следует проверить, направлены ли вместе с подписной платой заказы в редакцию, затем обратиться в отделение связи, к начальнику городского (районного) агентства «Союзпечать», в газетный узел.

При необходимости можно навести справки в редакции по адресу: 111250, Москва, Е-250, редакция журнала «На боевом посту» [телефон 361-80-97].

СОДЕРЖАНИЕ

**ЧИТАЙТЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ
НОМЕРЕ**

■ XXVIII СЪЕЗД КПСС. СЛОВО — ДЕЛЕГАТАМ

БАКАТИН В. Что показал съезд	1
ГРИЕНКО А. Партия — это мы с вами	6
ЛЮБАКОВА М. Какой нам надобно земля?	10

■ ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ 12

■ В ОСОБОМ РАЙОНЕ

АРТЮХОВ Е. Поле раздора	15
КОЗЛОВ И. В январе под Азадом	33

■ ОЧЕРК. ПУБЛИЦИСТИКА

ГОРЛОВ А., ДУРНЕВ Ю. Теория и практика «Саюдиса»	19
ЧЕРКАШИН Н. Чрезвычайное происшествие	26
КУЗЬМЕНКО В. Приговорен к расстрелу	54

■ ПРОЗА. ПОЭЗИЯ

КРИСТИ А. Эриманфский вепрь (рассказ)	44
ГУРОВ А., РЯБИНИН В. Исповедь «вора в законе» (опыт литературного исследования, начало)	60
ДОЦЕНКО В. Тайга не спит... (повесть, начало)	74
Стихи. Слово о любви (подборка)	41

■ ПО ВАШЕЙ ПРОСЬБЕ

СОМОВ В. Накормят ли нас фермеры?	70
Между нами, женщинами	89
СТЕПАНОВ А. Армрестлинг — борьба на руках	93

*Вдруг трассер справа
сверху, как раз между
Кузьминым и коблатом, в
направлении Ильина.
Ильин не видел, откуда
бьют... Андрей скорее все-
го хотел Ильина преду-
предить — тот-то все вле-
во смотрел. Сделал два,
наверное, шага к Ильину.
И упал навзничь...*

**Б. КАРПОВ.
«ПОДОЖДИ, АНДРЕЙ,
ПОДОЖДИ...»**

*...полковник Гурский ре-
шительно воспротивил-
ся: «Ты приехал и
уедешь, а мне с
ним работать! В стране
ни власти, ни порядка, ма-
жет, завтра вместе безра-
ботными будем, а ты мне
за беглого солдата уже
голову прогрыз. Крови
хочешь?»*

**В. ГЕРАЩЕНКО.
«КОНВЕЙЕР БЕЗ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ».**

*В борьбе друг с другом
людей на воле доносы
были сверхоружием, иск-
лучами: достаточно было
только направить невиди-
мый лучик на врага —
и он падал. Отказу не
было никогда.*

**А. СОЛЖЕНИЦЫН.
«АРХИПЕЛАГ ГУЛАГ».**

Художественное оформление **Е. К. Селиновой**.

Технический редактор **И. В. Володина**.

Корректоры **Е. Ю. Гаврилова, И. Ю. Семибратова**.

Адрес редакции: 111250, Москва, Е-250

Телефоны: секретариата — 361-82-57. Отделов: войсковой жизни — 361-85-23, партийной жизни и военно-патриотического воспитания молодежи — 361-81-54, пропаганды — 361-82-87, военного очерка и публицистики — 361-89-39 художественного оформления — 361-85-21, издательства (вопросы подписки) — 361-80-97, бухгалтерии — 361-85-80.

Сдано в набор 5.07.90 г.
Формат бумаги 70×108¹/₁₆.
Уч.-изд. л. 13.

Зак. № 1837

Подписано к печати 15.08.90 г.
Усл. печ. л. 8,4+вкл. 1/4 п. л.
Цена 55 коп.

Ордена «Знак Почета» типография «Красная звезда», Хорошевское шоссе, 38.

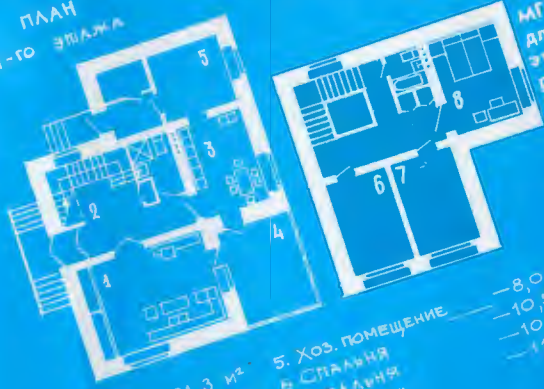

ХОТИТЕ ПОСТРОИТЬ ДОМ?

ПРЕДЛАГАЕТ ИНСТИТУТ «МАРИЙСКГРАЖДАНПРОЕКТ»

ПЛАН 1-ГО ЭТАЖА

ПЛАН МАНСАРДНОГО ЭТАЖА

- 1. ОБЩАЯ КОМНАТА
- 2. ПРИХОЖАЯ
- 3. КУХНЯ-СТОЛОВАЯ
- 4. ВЕРАНДА

- 21,3 м²
- 8,0 м²
- 11,7 м²
- 10,0 м²
- 5. ХОЗ. ПОМЕЩЕНИЕ
- 6. СПАЛЬНЯ
- 7. СПАЛЬНЯ
- 8. СПАЛЬНЯ

Технико-экономические показатели

Жилая площадь дома	— 53,6 м ²
Общая площадь	— 111,63 м ²
Строительный объем	— 630,8 м ³
Общая сметная стоимость	— 22,79 тыс. руб. [21,54 тыс. руб. с вариантами фундаментов и перекрытий]

Расход строительных материалов

Кирпич	56,43 тыс. шт.
Бетон и железобетон	32,57 м ³
Лесоматериалы	30,16 м ³

Двухэтажный дом [проект МГП 84—3] предназначен для одной семьи. На 1-м этаже [нулевая отметка] расположены общая комната, кухня-столовая, хозяйственное помещение для приготовления пищи, домашний животный, постирочная-машинная, холодная кладовая, застекленная веранда, прихожая-холл. Ниже нулевой отметки — подвал. Подъем на мансардный этаж производится по внутренней лестнице.

Фундаменты дома ленточные и как вариант — столбчатые. Стены из силикатного кирпича. Перекрытия из железобетонных пустотных плит [деревянных балок и щитов наката — варианты]. Перегородки керамзитобетонные мелкоштучные. Полы — дощатые, в санузлах — керамическая плитка. Крыша — волнистые асбестоцементные листы по деревянной обрешетке. Инженерное оборудование — водопровод, канализация; электроснабжение — централизованное. Отопление — водяное котла на твердом топливе. Газоснабжение от внешних сетей.

Проект разработан и выслается наложенным платежом [50 — 80 руб.] институтом «Марийск-гражданпроект» [424013, г. Йошкар-Ола, бульвар Свердлова, 5].

315311, г. Кременчуг
 Полтавской области УССР,
 проезда Ярославский, 8.
 Отдел кадров КрКЗ.
 Телефон: 2-32-04.

КРЕМЕНЧУТСКИЙ КОЛЕСНЫЙ ЗАВОД

ВОИНАМ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

Колесный завод приглашает на постоянную работу юнцов, заканчивающих обучение в техникумах. Предприятию требуются: наладчики, сварщики, штамповщики, вальцовщики, слесари-ремонтники, слесари-механоборонники, токари, фрезеровщики, водители, специалисты-инструментальщики, грузчики, а также рабочие всех основных специальностей.

Лица, не имеющие специальности, обучаются сразу от производства. Завод работает без отрыва от производства. Зарплата высокая и сдельно-премиальная.

Всем принятым на завод предоставляется благоустроенное общежитие с коммунальной квартирой. Желающие могут повысить свой уровень профессионального образования в вечерней школе. Желание получить образование и на вечернем отделении политехнического института, услугам завода — профилатории, стадион, база отдыха на Днепре, пионерские лагеря.

Сегодня предприятие выпускает 40 типоразмеров колес, которые по техническим параметрам годятся на уровне лучших мировых образцов. Его продукцию получают более 200 заводов страны.

Кременчугский колесный завод — предприятие, выпускающее колеса для пневматических шин автомобилей, комбайнов и т. п.